

Старец протоиерей Николай Гурьянов

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ПИСЬМА

Старец протоиерей Николай Гурьянов

Жизнеописание
Воспоминания
Письма

Санкт-Петербург

ББК 86.372
ISBN 978-5-98361-130-6

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 10-22-2254

Старец протоиерей Николай Гурьянов: Жизнеописание. Воспоминания. Письма. — Автор-составитель Л. А. Ильюнина. — Санкт-Петербург, «Искусство России». — 2011. — 328 с.: илл.

Жизнеописание старца Николая Гурьянова [1]

Предварим наше[2] жизнеописание портретом старца, который сохранен не только во множестве любительских и профессиональных фотографий, а также в видеозаписи, но и с любовью запечатлен в слове.

Именно слово может отразить тайну и тишину, которая охватывала душу при встрече со старцем. Тайна эта была в надмирности подвижника. Старец мог предстать перед людьми как «ветхий деньми», особенно, когда выглядывал из окошечка своего домика или появлялся на пороге, — казалось, что пришел он из прошлых тысячелетий, таким древним, величественным был его облик. Но тут же батюшка начинал шутить, быстро убегая от посетителей, и в ответ на высокие мысли сказать: «Я ребенок, вот и играю!»

Все знали, что у батюшки больные ноги, — он ходил, опираясь на палку, но сколько свидетельств о том, что за батюшкой было не угнаться, когда он бежал (чаще всего паломники говорят:

---

[1] В Жизнеописание внесены значительные дополнения из книги Игоря Изборцева «В руце Твои, Господи». О тех, кто идет впереди нас. Издание Единецко-Бричанской Епархии, 2006. С. 42 – 122. Благодарим автора за разрешение воспользоваться его биографическими изысканиями.

[2] Местоимения в множественном числе здесь и далее употребляются не как дань стилю, но сознательно — так как действительно книга не является чисто авторской, она — плод трудов очень многих людей, которым составитель приносит сердечную благодарность. Да помилует вас Господь молитвами старца Николая.

«Будто летел») по острову. «Сила Моя в немощи совершается»!

От батюшки исходил свет и тепло, и всегда чувствовалось неземное происхождение этой силы, освещающей и согревающей души людей. А внешне он был необычайно скромен. Ходил всегда в стареньком выцветшем подряснике, в такой же скуфеечке, а в то время, когда еще путешествовал — уезжал с острова для встречи с духовными чадами и друзьями, его видели в стареньком беретике, иногда в маминой кофте поверх рясы и плащике, калошах. По острову батюшка ходил в валенках, а руки всегда были открытыми, даже когда на морозе он часами помазывал паломников «иерусалимским маслицем».

Весь облик батюшки был поучителен, его благословение действенно, и «не ищущие своего», по слову апостола Павла о Божественной любви, паломники, находясь рядом со старцем, могли бы воскликнуть: «Для меня достаточно того, что я сподобился видеть вас!»[1]

«Облик батюшки трудно описать словами. Это удивительная чистота, свет и доброта. Необыкновенная любовь. Необыкновенная святость. И необыкновенный голос. "Ну, до свиданья, дорогие мои, Ангела Хранителя!" — благословляя всех, произносил батюшка таким голосом, забыть который просто невозможно».[2]

Говорил батюшка мало (недаром любил пословицу: «Слово — серебро, а молчание — золото»),

---

[1] Эти слова сказал один из посетителей прп. Антония Великого в ответ на его вопрос, почему тот, в отличие от других, у него ничего не спрашивает.

[2] Боже, зри мое смирение. М., Ихтиос, 2004. С. 117.

но любил петь, пел у себя в домике, аккомпанируя себе на фисгармонии, любил попеть с народом, часто читал духовные стихи. И как будто одни и те же песни и стихи все время повторял батюшка, а смысл их открывался по-новому для разных людей.

Батюшкино совершенство выражалось даже в дикции — когда он говорил, был ясно различим каждый звук. Хотя часто он намеренно начинал говорить на непонятных для людей языках или на языке, понятном только кому-то одному из паломников.

Как сказала одна из духовных чад батюшки: «Вокруг него все было возвышенно и гармонично. Все в его окружении было другое, чем в нашей обыденности, все дивно и трепетно».

Но узреть эту гармонию могли только духовные, а не телесные очи. Потому что телесным очам представлялась совсем другая картина: «У отца Николая окна в комнате были закрыты наглухо, он не видел дневного света из своей комнаты. Свет был только на кухне. Батюшка же молился в комнате, в которой не было света солнечного, не было воздуха».[1] Но и эта тяжелая картина могла служить поучением, тот же паломник пишет: «Для нас это стихийное бедствие, настолько мы привыкли к комфорту... Хотя у старца Николая не было солнечного света, но в нем самом горел Божественный свет — от молитвы и смирения. И он, как древний святой в патерике, мог сказать: "Не вставай, солнце! Ты мне мешаешь зреть Божественный свет!"»

---

[1] *Кенсорин, архимандрит.* В книге «Жил на острове подвижник». М., 2009. С. 48.

Сам батюшка не любил, когда его так превозносили. Однажды, провожая паломников, сказал: «Я вам сейчас свою фотографию подарю». И вынес шоколадку: на обложке медведь на цирковом шаре во весь рост. «Вот это моя фотография», — сказал батюшка, вкладывая в руки подарок. И еще проговорил: «До свиданья, не забудьте моего страдания».[1]

Часто батюшка спрашивал: «А ты меня помнишь?»

И теперь понятно, что память о старце значит больше, чем только память об одном из угодников Божиих, — это постоянное напоминание о жизни по евангельским заповедям, это память о Вечности, в которую мы все будем призваны.

Молитвами приснопоминаемого старца протоиерея Николая Гурьянова да сохранит и помилует нас всех Господь.

Годы детства и юности

Протоиерей Николай Алексеевич Гурьянов родился 24 мая 1909 года в селе Чудские Заходы Гдовского уезда Санкт-Петербургской епархии. Семья была с достатком. Отец Алексей Иванович Гурьянов происходил из купеческого звания, имел свой магазин. Мать Екатерина Степановна (в девичестве Крылова) происходила из зажиточной крестьянской семьи. Были они односельчанами, их село Чудские Заходы находилось неподалеку от Гдова.

---

[1] Боже, зри мое смирение. С. 48.

По преданию Гдов, в просторечии Вдов, был уделом вдовствующей княгини Ольги. На этой поистине многострадальной земле почти никогда не прекращалась война. Помнит Гдовщина дружины святого Александра Невского и Иоанна Грозного, Петра Первого и героя Бородина графа П. П. Коновницына. Боевые стены Гдовской крепости окружают главную святыню — собор во имя иконы Божией Матери «Державная». Это первый храм на Руси с таким посвящением, построенный после 1917 года. Он построен на фундаменте храма XVI века, взорванного в 1944 году. Погибший храм был в честь покровителя воинов — великомученика Димитрия Солунского. Путник, нашедший дорогу в Гдовскую крепость, проникается видом глубокой таинственной древности всей этой земли.

Господь судил великому духовному ратоборцу двадцатого века старцу Николаю Гурьянову родиться именно в том месте, где испокон века решалась судьба нашего Отечества. Село Кобылье Городище, где стоял храм, в котором крестили будущего старца и с которым связаны годы его детства и юности, особенное в истории Руси. Неподалеку отсюда произошло знаменитое Ледовое побоище.

Церковь в честь Архистратига Божия Михаила в Кобыльем Городище была построена в 1462 году. Предание гласит, что именно Архангел Михаил покровительствовал в сражении ратникам Александра Невского и что именно он помог им, рассеявшимся по окрестностям, на следующий день после битвы собраться воедино и дружно двинуться в Псков.

С раннего детства маленький Коля Гурьянов прислуживал в алтаре в историческом храме Михаила Архангела. Любовь к храму и к церковному пению была присуща всем членам их семьи: его отец, Алексей Иванович, был регентом церковного хора; старший брат, Михаил Алексеевич Гурьянов, — профессором, преподавателем Санкт-Петербургской консерватории; средние братья, Петр и Анатолий, также обладали музыкальными способностями, но о них осталось мало известий. Все трое братьев погибли на войне. Батюшка так вспоминал об этом: «Отец у меня умер в четырнадцатом году. Осталось нас четверо мальчиков. Братья мои защищали Отечество и от фашисткой пули, как видно, не увернулись... Благодарите Отца Небесного, мы живем теперь, у нас все есть: и хлеб и сахар, и труд и отдых. Я стараюсь вносить в Фонд Мира ту копеечку, которая помогает избавиться от этих военных действий... Война ведь пожирает молодые жизни. Не успел человек открыть дверь в жизнь — уже уходить...»

Существует предание, что отец Николай побывал на острове Залита (в ту пору Талабске) еще в отроческом возрасте. Рассказывают, что примерно в 1920 году настоятель храма Архангела Михаила, в котором отрок Николай работал алтарником, взял мальчика с собой в губернский центр. Добирались водным путем и на острове Талабск пристали отдохнуть. Пользуясь случаем, решили посетить подвизающегося на острове блаженного. Звали его Михаилом. Был он болящим, всю жизнь носил на теле тяжелые вериги и почитался как прозорливец. Говорят, что блаженный дал священнику маленькую просфору,

а Николаю — большую и сказал: «Гостек наш приехал», предсказав ему таким образом будущее многолетнее служение на острове. Отец Николай, поселившись на острове прямо напротив кладбища, постоянно навещал место вечного упокоения блаженного Михаила, приглашал паломников помолиться у креста над дорогой для него могилой.

С 1910 года епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургской епархии, был будущий священномученик — митрополит Вениамин (Казанский). По сути дела, он заменил мальчику отца, который умер, когда Коле было всего лишь пять лет. По воспоминаниям старца, записанным близкими людьми, он часто бывал в семье Гурьяновых и даже останавливался у них на ночлег. Прислуживая владыке за богослужениями, мальчик впитывал в себя духовную мудрость и мужество святителя, и однажды услышал от него: «Какой ты счастливый, что ты с Господом...» — и получил в благословение архиерейский крест, который потом всю жизнь хранил как величайшую святыню.

Слова митрополита Вениамина были напутствием на долгий путь. Всю жизнь, во всех ее испытаниях подвижник, угодник Божий Николай Гурьянов был с Господом, — это было его счастьем, смыслом земного странствования, глубиной его внутреннего человека. И всю жизнь он нес крест молитвенного предстояния за многих и многих людей, подобный кресту архиерейскому.

Владыку Вениамина старец Николай чтил как наставника, и особенно радовался его официальному прославлению в Соборе святых и тому, что

в главном гдовском соборе после этого события один из приделов освятили в честь священномученика Вениамина, признанного небесным покровителем Гдовского края, то есть тех мест, где начиналась и где окончилась жизнь старца.

Уже в детские годы Колю Гурьянова называли «монахом». Духовные чада записали рассказ старца о его блаженном детстве: «Меня в детстве все "монахом" называли. А я рад, я действительно монах. Никого кроме Господа не знал и не искал...У меня своя келия была, так и называли: не комната, а келия. Иконочки везде стояли, молитвословы, книги духовные, огромные царские портреты. Однажды, когда красные бушевали, в окно влетел снаряд и упал возле царских портретов, но не разорвался: вот как меня Царские Мученики с детства хранили; а я как их любил! Даже сердце останавливалось, как только думал о них!..»

Среди детей, сверстников Коли Гурьянова, были не только те, кто насмехался над ним, но и его единомышленники. Старец сам об этом рассказывал: «И что это было у меня? Все время о Господе думал, говорил и беседовал с Ним. Место наше, Чудские Заходы, больше эстонцами населенное. Так вот еще мальчонкой соберу их всех — Луззи, Магда, Сальма, Эдвард, — и говорю: "Давайте с крестным ходом пойдем!" Возьмем кресты, иконы. Так и ходили, а я впереди шел и пел на эстонском: "Иссэнт хэй да арму" — "Господи, помилуй"... А потом, когда оставался один, пробирался в баню, прихватывал с собой накидушку с подушек, покрывал ею плечи и начинал служить литургию. Даже кадило сам делал. И плакал, славя Господа. Всегда любил

ночную молитву, потому что среди ночи Небеса отверзаются и Ангелы внемлют...»

Но уже в раннем детстве дороже всего для юного подвижника было уединение. Старец рассказывал: «С детства любил я бывать на кладбище. Думал о смерти и будущем Суде Божием. Молился и плакал об усопших».

Главным воспитателем и духовным другом юного подвижника была его мама, которую он после ее блаженной кончины назовет святой. Она научила его молитве, научила постоянному предстоянию пред Господом. Об этом свидетельствует то, что уже в юные годы отрок часто вопрошал мать: «Мама, а это не грешно? Это Господу угодно?» Научила она и любви ко всему живому, которой особенно отличался старец Николай. «Я ведь с шести лет голубей кормлю, мамушка говорила, что они Бога благодарят», — говорил батюшка, всегда окруженный стаей голубей во дворе своего домика на острове. Также с мамой они всегда держали в доме котов, и они были как члены семейства, старец даже мог назвать своего котика «сынок».

Екатерина Степановна Гурьянова, в девичестве Крылова, была ангелоподобным человеком, как говорили те, кто встречал ее в годы жизни на Талабском острове. Она одна подняла и воспитала четырех сыновей после ранней смерти мужа. Старец Николай часто вспоминал пророческие слова своего отца, однажды высказанные за домашней трапезой. Указывая на младшего сына, он сказал жене: «Вот этот тебя доглядит». Так и вышло — вскоре отошел в вечность сам Алексей Иванович, трое старших сыновей погибли «за други своя» на полях Великой Отечественной.

Мать свою до конца дней старец называл ласковым словом «мамушка»: «Мамушка у меня была блаженная, разговоров не любила, больше молчала и беседовала с Господом мысленно, никогда с Евангелием не расставалась. Была очень религиозной и любила клиросное пение».

Но даже глубоко верующей матери было тревожно от того исповеднического настроения, которое ее сын стал проявлять в детские и юношеские годы, пришедшиеся на начало революционной смуты. Этот исповеднический дух был внушен Николаю Гурьянову Самим Господом.

По рассказу одной из первых помощниц старца Николая на острове — монахини Рафаилы, однажды он сам открыл ей это: «В ранней юности, когда я направлялся на вечернюю встречу с друзьями, у гумна с пшеничным зерном я увидел сидящего Господа нашего Иисуса Христа... И Он мне сказал: "Никогда не ходи на гуляния!"» А далее мать Рафаила свидетельствует: «Батюшка был избран Богом с малых лет... С тех пор возлюбил он Крест Христов, и этой любовью как святыней делился с друзьями». Добавим к этому, что в годы старческого служения на острове старец Николай часто в ответ на вопрос: «Как жить, чтобы спастись?» — пел или читал тропарь Кресту Господню: «*Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим*».

Существуют свидетельства о том, что в девятилетнем возрасте в день крестных страданий Царственных Страстотерпцев ему было открыто (мы не знаем как — во сне или в тонком видении) то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. В этот день мальчик встретил свою мать-молитвенницу

Екатерину Степановну со словами: «Мама! Мама! Царя убили! Всех! И Царевича! Страшно накажет их Господь, окаянных, что Царя загубили, всех накажет!» В последние годы своей жизни старец рассказывал, что тогда ему были открыты и страшные подробности мучений Царской Семьи. Потрясение от данного ему откровения породило в душе отрока любовь, благоговение и покаяние перед Царственными страдальцами, которые он пронес через всю свою жизнь, к чему призывал и приходивших к нему за советом уже на исходе лет. В год мученической кончины Царской Семьи семье Гурьяновых пришлось непосредственно соприкоснуться революционной стихией. Художнику П. Оссовскому старец однажды рассказал: «В 1918 году у нас в избе был штаб красных. Я даже помню пулеметы "Максим". Как-то ночью налетели бандиты, открылась страшная стрельба, зазвенели разбитые пулями стекла. Налет отбили, все были целы, никого не убило. А под моей кроватью нашли гранату неразорвавшуюся».[1]

Так Господь всегда хранил Своего избранника от преждевременной смерти.

Но мама опасалась, что откровенные слова и мысли сына навлекут беду на всю семью. Зная его послушание, она попросила учительницу словесности Любовь Николаевну Микиткину (у батюшки сохранилась ее фотография, видимо, он ее почитал) поговорить с Николаем. В ответ на увещевания молчать юноша сказал: «Если все будут молчать и никто не будет говорить о Боге, все умрут!» А учительницу просил: «Прошу вас,

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 374.

говорите о Боге и Царе. Вам, учителям, грешно молчать, и если вы не будете веровать, то будете тяжело болеть».

Это высказывание объясняет, почему Николай Гурьянов решил избрать для себя учительскую профессию и по окончании школы поступил учиться в Гатчинский педагогический техникум, а потом в Педагогический Покровский институт на биологический факультете в городе на Неве.

Вероятно, эта же учительница словесности заронила в душу юноши особую любовь к слову, к поэзии. С юных лет Николай Гурьянов записывал полюбившиеся ему стихи в особую тетрадку, которая потом стала основой его заветной книги, получившей название «Слово Жизни». В годы старческого служения на острове батюшка благословлял чаще читать детям хорошие стихи, ибо они «умягчают сердце». При этом прибавлял: «Некоторые стихи, — как молитва, и человек, читая их, беседует с Господом, а потом полюбит саму молитву, его будет тянуть к ней, чтобы покаяться перед Творцом». Сам батюшка всю жизнь записывал свои молитвенные переживания в поэтические строфы, их он тоже включил в книгу «Слово жизни», о которой речь впереди.

Выскажем здесь одно предположение. В то время, когда Николай Гурьянов учился в Гатчине, еще была жива преподобномученица Мария Гатчинская, к которой за советом и утешением притекали многие люди. Известно, что к матушке приезжал и духовный отец будущего старца — священномученик Вениамин. Потому думается, что, находясь в непосредственной близости к такой великой подвижнице (она



приняла мученическую кончину в 1932 году), тот, кто с раннего детства старался «приникать к святости», обязательно побывал у блаженной старицы Марии. Может быть, получил от нее совет, как вести себя в атеистическое время. Сама матушка была исповедницей, к тому же подвигу привлекала и тех, кто с ней соприкасался.

Получая профессию учителя, Николай Гурьянов явно готовил себя к исповедническому служению. На это его вдохновил подвиг духовного отца — митрополита Вениамина (Казанского) и, как мы предполагаем, преподобномученицы Марии Гатчинской.

После мученической кончины святителя в 1922 году четырнадцатилетний Николай написал сугубую ектенью, которую он возносил Господу всю свою жизнь. В нотной тетради батюшки под этой ектеньей его рукою было написано: «Светлой памяти духовного отца Митрополита Вениамина. 1922 год».

По словам старца, записанным духовными чадами, причиной ареста было его смелое слово в защиту веры и поруганных святынь. В конце двадцатых годов в городе, получившем имя главного революционера, стали разрушать храмы. Николай Гурьянов однажды оказался свидетелем этого святотатства и не мог смолчать: «Что вы делаете? Ведь это храм, святыня. Если вы не уважаете святого, поберегите хотя бы памятник истории и культуры и подумайте о Божием наказании, которое за это будет!»

Студента Гурьянова вскоре исключили из института. Это был 1929 год — начало особо яростной борьбы с «религиозной пропагандой». Николай покинул город на Неве и какое-то время служил псаломщиком в церкви во имя святителя Николая в селе Ремда Середкинского района Псковской (тогда Ленинградской) области на родной Гдовщине и преподавал математику, физику и биологию в школе. Те пожелания, которые он когда-то высказал своей любимой учительнице, он сам стал исполнять на поприще учительского служения, — и вскоре был арестован. Начались мытарства: питерские «Кресты», потом еще три тюрьмы, лагерь.

По словам старца, неизвестный архиерей, встреченный им в тюрьме, сказал про него: «Вот цветок только распустился — сорвали и топчут его в грязь...»

«Так было с нашей Святой Русской Православной Церковью, — говорил батюшка, всегда со слезами вспоминая страдания миллионов

людей, — ее распинали». Теперь эти муки народа получили название «Русской Голгофы».

Благодаря подвижническим изысканиям печорской исследовательницы Т. Зотовой стали известны подробности первых страдальческих лет тюремных и лагерных испытаний, которые пережил будущий старец.

Суд над ним состоялся 7 мая 1930 года в Ленинграде и постановил «Николая Алексеевича Гурьянова выслать на два года за контрреволюционную агитацию».[1] Ссылка была назначена в село Сидоровичи Розважеского района Киевского округа. Бог милостив — к ссыльному с состраданием отнесся местный священник — и он стал служить псаломщиком в храме. Но в скором времени, не прошло и года со времени поселения будущего старца в Сидоровичах, как на него был написан донос. И 20 марта 1931 года он был вновь арестован. Состоялся очередной суд, и вместе с еще тремя обвиняемыми по делу «контрреволюционной агитации» он получил срок в три года. Суд был скорым (благодаря местным лжесвидетелям), приговор был подписан 24 марта 1931 года.

Осенью 1931 года после изнурительно долгой дороги ссыльный Николай Алексеевич Гурьянов прибыл в Сыктывкар. По данным Т. Зотовой, 23 октября 1931 года ссыльный Гурьянов бежал из Сыктывкара, но был пойман, избит и помещен уже в лагерь и направлен на строительство

---

[1] Сведения о пребывании Н. А. Гурьянова на Украине взяты из книги: *Зотова-Печерская Т.* Жил на острове праведник. Псков, 2009. В книге приводятся материалы следственного дела из Архива КГБ Украины. Дело № 8, архивный № 11711-фп. ф. 263. оп. 1.

железной дороги до Ухты и Воркуты — за Северным полярным кругом, в районе вечной мерзлоты и жуткого холода.

О тех страшных годах батюшка рассказывал только самым близким: «Люди исчезали и пропадали. Расставаясь, мы не знали, увидимся ли потом. Мои драгоценные духовные друзья! Все прошло! Я долго плакал о них, о самых дорогих, потом слез не стало... Мог только внутренне кричать от боли... Ночью уводили по доносам, кругом неизвестность и темнота... Страх всех опутал, как липкая паутина, страх. Если бы не Господь, человеку невозможно вынести такое... Сколько духовенства умучено, архиереев истинных, которые знали, что такое крест, и шли на крест... Как они плакали, что все не сберегли Царя! На моем пути жизни я имел благодатных друзей... Идешь по снегу, нельзя ни приостановиться, ни упасть... Дорожка такая узкая, ноги в колодках. Повсюду брошенные трупы заключенных лежали непогребенные до весны, потом рыли им всем одну могилу. Кто-то еще жив. "Хлеба, дайте хлеба..." — тянут руки». Батюшка протягивал ладонь, показывая, как это было, приоткрывал ее и говорил: «А хлеба-то нет!» Потом плакал и долго молчал, молился.

Еще говорил: «Бывало, весь день работаешь, работаешь на холоде, а хлеба дают (и показывает: делит одной ладонью другую попалам) за весь день. И все, знаете, хочется с птичками поделиться».

Он помнил всех умученных, помнил их страдания, молился за всех, показывал фотографии духовных друзей. И потому на всю жизнь в глазах старца застыла немая скорбь, даже когда он

мирно разговаривал с паломниками, когда разрешал себя фотографировать, — его глаза были печальны.

Сам батюшка прошел в лагере через страшные страдания — несколько раз был на краю смерти. Однажды его придавило вагонеткой, в другой раз уронили на ноги тяжелый рельс и покалечили ступни. С тех пор, как говорил батюшка, ноги его едва держали. А сколько батюшка потом на этих больных ногах выстоял литургий, сколько принял людей, часами стоя у калитки своего домика! Самым страшным испытанием была пытка, подобная той, которую претерпели мученики Севастийские, — долгое стояние в ледяной воде. Эту пытку пережил только великий молитвенник — избранник Божий Николай, все остальные страдальцы скончались. Батюшка открыл духовным чадам, что его «согревала молитва Иисусова» и он не чувствовал холода. Он часто говорил: «Я холод люблю и не чувствую его». Батюшка всегда ходил легко одетый, в любой мороз, никогда не кутался.

Не любил прилюдно батюшка рассказывать о лагерных испытаниях, потому что сердце разрывалось от воспоминаний о человеческих страданиях. Но в стихах, написанных как Реквием по умершим,[1] он выразил чувства многих лагерников, — их муку тяжкую и молитвенный вопль. Стихотворение он назвал «В тридцатых годах XX века» и дал ему подзаголовок: «Автобиография».

---

[1] Есть сведения, что отец Николай лично знал и любил поэтессу Анну Ахматову, недаром он включил в свое «Слово Жизни» стихотворение Я. Смелякова на смерть Ахматовой. Вероятно, знал он и проникновенный ахматовский «Реквием» — плач по всем замученным на Русской Голгофе.

К Тебе, О Мать Святая,
Я, бедный раб грехов,
Со скорбью и слезами
Пришел под Твой Покров.

....
Изгнали меня люди
Из России вон,
Оставил мать родную,
Друзей и Отчий дом.

Я выслан в даль иную,
Там много лет отбыть —
Мне дали вольну ссылку:
Где хочешь можно быть.

Теперь всего лишен я,
Посаженный в тюрьму,
Досада, горе, голод,
Терпеть уж не могу.

Решетка, стены толсты —
Все надоело мне,
И день за днем жду воли,
Но не дождаться мне.

Увы! Я вновь в изнаньи,
В стране снегов и льда,
Где с людом обреченным
Покорный раб труда.

В Полярье путь железный
Готовим проложить,
Облегчить жизнь крещеным —
Страну обогатить.

Физически устали,
В зарях недуг слепит,
От скудости питанья
Нас смерть косой разит.

Прошу, Святая Дева,
В несении Креста,
Для славы Божьей Церкви
Спаси, спаси меня!

Стихотворение это оказалось пророческим. Батюшка действительно стал «славой Божьей Церкви»!

А в лагере, по словам старца, он был «всегда горячий в вере, что бы ни делали. В лагерях, в тюрьмах — всегда радовался, что с Богом. Батюшка говорил, что ему были открыты будущие военные испытания, которые, по словам многих подвижников, явились наказанием за отступничество народа от Бога.

Военные годы и начало священнического служения

Из лагеря будущий старец был освобожден 23 марта 1934 года, но еще на два года был оставлен на поселении.[1] После полного освобождения в 1936 году Николай Алексеевич Гурьянов учительствовал в Тосненском районе Псковской области. Страшный 1937 год удалось пережить чудом, в это время некоторые родственники

---

[1] Архивная справка МВД России № 18/3393 от 28.04.2009 г. получена Т. Зотовой.

матери были арестованы, другие уехали из села (после раскулачивания, боясь преследований), она сама осталась в разграбленном доме.

Во время войны[1] он был перемещен в Прибалтику — сначала в Ригу, потом в Вильнюс. Здесь произошла его встреча с будущим новомучеником — митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским). От него 8 февраля 1942 года батюшка принял рукоположение в диаконы, а вскоре, в том же месяце, во священники, целибатом. Первые два месяца в священном сане отец Николай служил в Свято-Троицком Рижском монастыре, а потом вернулся в Вильнюс.

В Вильнюсе батюшка поступил на пастырско-богословские курсы, проживая в это время в Свято-Духовом монастыре. С этим временем связаны самые загадочные страницы его жития. Сохранилось несколько фотографий, на которых он запечатлен в монашеском облачении. Существуют разные объяснения этого факта в воспоминаниях насельников монастыря. Одни из них говорили о том, что он принял полный постриг в мантию, хотя на всех вышеназванных фотографиях батюшка запечатлен в рясе. По воспоминаниям других (главной свидетельницей тут является тогдашняя игумения монастыря Нина (Баташева), рассказала она об этом пюхтицкой игумении Варваре) — монашеское облачение, приготовленное к постригу, сгорело во время бомбежки в том доме, где оно хранилось. И батюшка

---

[1] В действующую армию Н. А. Гурьянов не попал из-за болезни ног. Эта же болезнь уберегла его от «угона» в Германию.

больше к постригу не стремился, считая это знаком того, что воли Божией на его пострижение нет. Как бы то ни было, мы знаем одно — разным людям уже в конце жизни батюшка говорил: «Зовут меня Николай. Молитесь за митрофорного протоиерея Николая». И подписывался всегда так: «протоиерей Николай».

Пожалуй, не так уж и важно, принял ли батюшка постриг от руки земного человека или не принял, ведь по духу он был всегда истинный монах, выполнял все монашеские обеты — целомудрия, нестяжания, послушания. И недаром свою священническую жизнь он начинал в двух монастырях, недаром потом по его молитвам были открыты многие обители и у него окормлялись настоятели монастырей и многие монашествующие. Кроме того, батюшка нес еще и подвиг юродства Христа ради, а среди юродивых немного мы найдем монашествующих, это подвиг особенного чина.

В Вильнюсском Свято-Духовом мужском монастыре отец Николай был уставщиком и пел на клиросе. В июле 1943 года он получает назначение на приход Гегобросты Поневежеского благочиния. Здесь ему суждено было прослужить 15 лет.

Прихожане первого прихода батюшки в Гегобростах оставили нам бесценные воспоминания. В них батюшка предстает перед нами как подлинно народный пастырь. В воспоминаниях ценны простые бытовые сценки: проломился пол в храме, надо делать ремонт, а прихожане — одни «платочки», мужчин нет. И вот батюшка идет в военную часть неподалеку в тот момент, когда солдаты на отдыхе, и говорит просто: «Ребятки,

помогите мне». И эти в основном неверующие солдатики и их начальство (которое по тем временам очень рисковало) помогают отцу Николаю в считанные часы отремонтировать пол в храме. А вот привычные «сцены народной жизни» — гулянье на праздник, с вином, песнями и плясками. Отец Николай приходит на праздник и все вокруг умиротворяется. Вместе с прихожанами отец Николай сажал деревья, участвуя в их простой деревенской жизни, сам много трудился на земле. Благословлял детей на учебу, юношей на служение в армии, молодых на брак, провожал в последний путь усопших. О старце Николае, каким он описан в воспоминаниях старых прихожан, можно сказать словами духовного стиха «Молитва пастыря»:

Когда с печалию сердечной
Молюсь о паствы я грехах
И перед Благостию Вечной
Стою с слезами на глазах, —

Когда со страхом я взираю
На Тело Господа и Кровь —
Тогда молю и призываю
Христову к людям всем любовь:

Помяни «плодоносящих»
«Во святых Твоих церквах»
И людей «добротворящих»
Всюду, «в пропастях», «в горах»,
И «в пустынях», жарких, знойных,
И «вертепах» диких гор,
Где не слышно пташек вольных,
Где сверкает львиный взор...

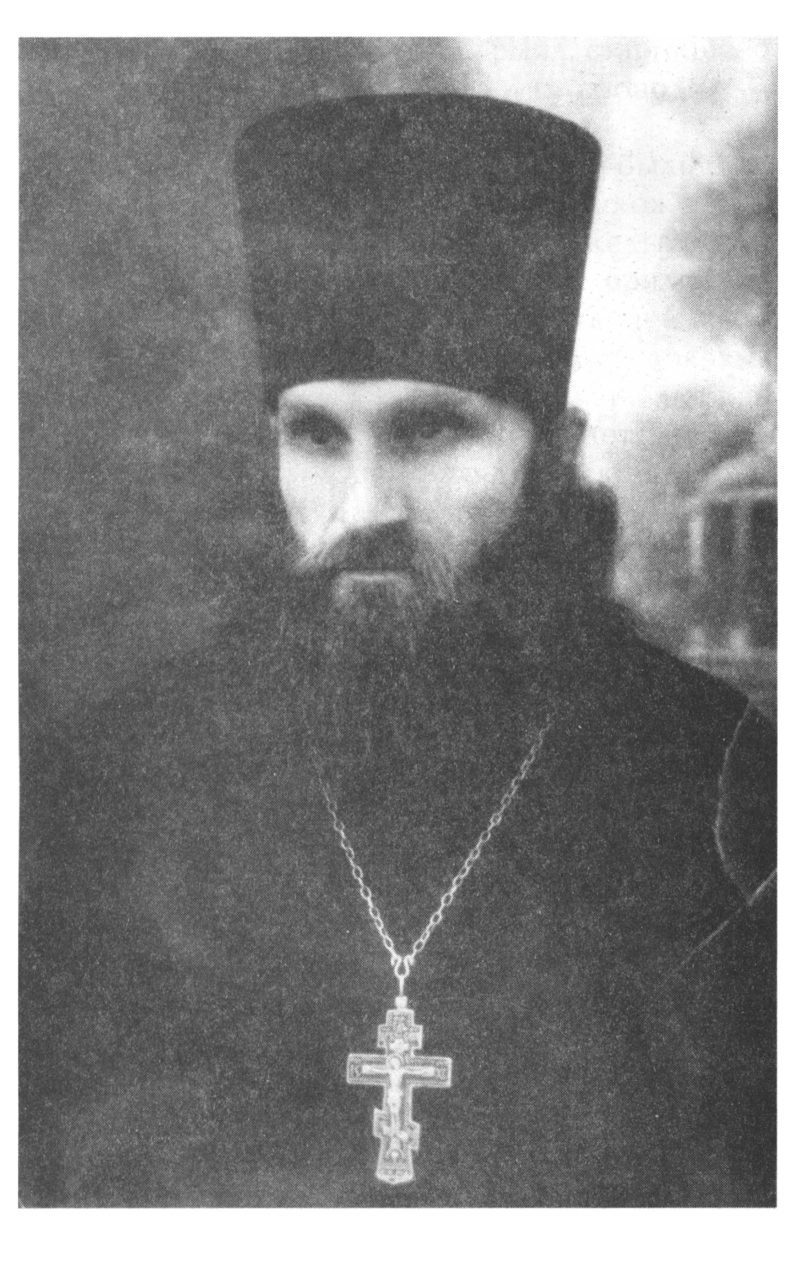
. . . .
Помяни! На всех людей,
Кто к Тебе взывает, Боже,
Благость щедрую излей...
И кого мое прошенье
Так легко могло забыть, —
Я молю долготерпенье
Твое благостным к тем быть
Имя каждого, потребу —
Мог ли я воспомянуть?
Кто взывает, Боже, к небу,
Для тех «Сам и все» Ты будь.

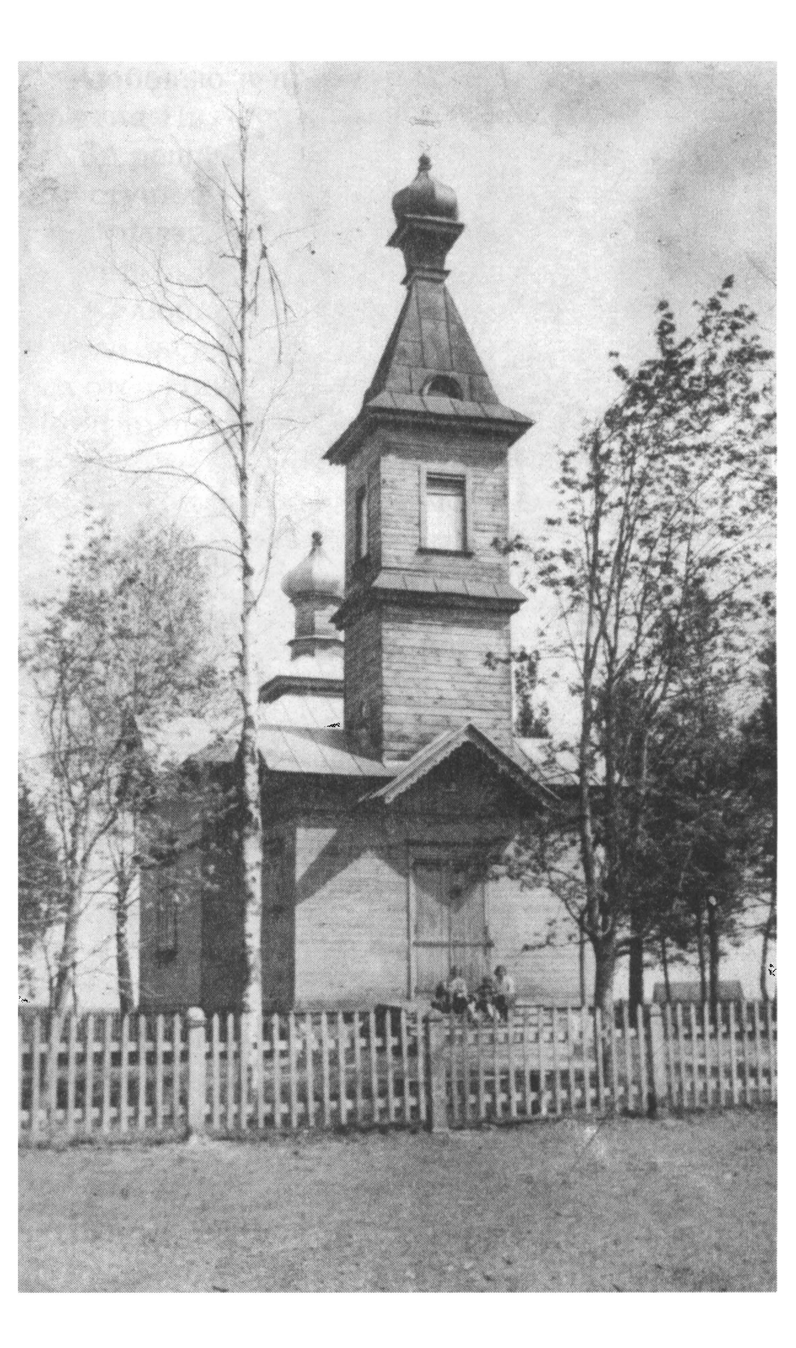
В годы служения в Гегобростах к отцу Николаю ездил тогда семинарист, потом молодой священник, а теперь повсеместно известный протоирей Иоанн Миронов, настоятель храма в честь Божией Матери «Неупиваемая Чаша» при заводе АТИ в Санкт-Петербурге. В своих воспоминаниях он свидетельствует о подвижничестве и мудрости батюшки.

«В католическом и лютеранском окружении жилось, конечно, нелегко, но батюшка покрывал всех любовью. Припоминаю такой случай. Однажды я приехал к отцу Николаю. Только сели за стол, вдруг в окно стучат, милостыню просят. Батюшка им подал что-то, пригласил чайку попить. Я ему говорю: "Какие же это нищие — с золотыми зубами?" А он мне ласково: "Я знаю. Это местный ксендз послал их разведать, кто ко мне приехал, о чем разговаривают..." Батюшка улыбнулся, никого не осудив. Частенько окружали его хитрые люди (до самого конца жизни), а он покорял всех простотой.

Любовью и простотой спас батюшка от закрытия Никольский храм. Пришли к нему из НКВД решительно настроенные люди и говорят: "Поступили сведения, что вы против колхозов выступаете, паству против советской власти агитируете". Здесь нужно упомянуть, что отец Николай любил все живое. У него на кухне свила гнездо ласточка, и он ее оберегал. Так вот, показал отец Николай на ласточку и отвечает: "Как я могу препятствовать такому серьезному делу, когда даже малую пташку не могу тронуть. Ваше дело — государственное, мое — духовное". И такие простые слова возымели действие, что ушли они успокоенные и храм не тронули».

По воспоминаниям первых прихожан батюшки, он стал «пастырем добрым» не только для их прихода, но и для жителей всей округи на много километров во все концы света. «Отец Николай старался как можно скорее побывать в каждой избе, святой водой окропить все жилища. Не раз ему приходилось брести по снежным зимним сугробам, бороться с ледяной вьюгой. Он шел не только по своей деревне, но также старался побывать везде, где жили православные христиане. Ходил он по отдаленным уголкам Литовской земли, думая, как помочь несчастному больному, как облегчить скорбь на сердце у матери в разлуке с детьми. Каждого согрел в трудные часы добрым словом, умным советом: главное — надеяться на помощь Господа нашего Иисуса Христа, ходить в церковь, причащаться, делать добрые дела... Кто-то уходил на фронт — перекрестил, иконку в дорогу подарил; кому-то жизнь семейную наладил, девице мужа подарил... Новую семью создал... Немало заботился батюшка о беженцах.





Сам не ел — детей голодных кормил, стариков не забывал, не одного в вечный путь проводил — никакой платы не брал».

Главное, за что любили, почитали и были благодарны отцу Николаю его первые прихожане — «за привитую любовь к Богу». «Тяжелый путь прошел отец Николай, но он не растерялся, не роптал, а в эти трудные дни был сияющей звездочкой в темной ночи. Божиим словом показывал настоящую жизненную дорогу, учил любить Господа Бога и оставаться верными детьми Всевышнего», — вспоминают его литовские прихожане. Спустя три года со дня отъезда отца Николая из Литвы бывшие прихожане напишут ему: «Уважаемый отец Николай! Не только я, но и вся Литва скучает по вас, ибо такого священника у нас нет, и не будет. Вы только один так преданы Святой Церкви! Ваш бывший приход страдает...»

Одновременно с приходским служением отец Николай продолжал учебу. В 1951 году он закончил заочное отделение Ленинградской Духовной семинарии, три года проучился в Духовной Академии.

Сохранились письма к отцу Николаю одного из преподавателей питерских Духовных школ — С. А. Купрессова, датированные 1953 – 1959 годами. Эти письма свидетельствуют, что уже тогда духовно чуткие люди видели в священнике Николае Гурьянове незаурядного молитвенника и подвижника. «И мы, знающие вас — заочника, одного из тех редких, которым всегда так хочется, так приятно оказать всякую посильную помощь... Жаль, что вы не обещали прибыть к нам на эту сессию... Впрочем, формальная наша

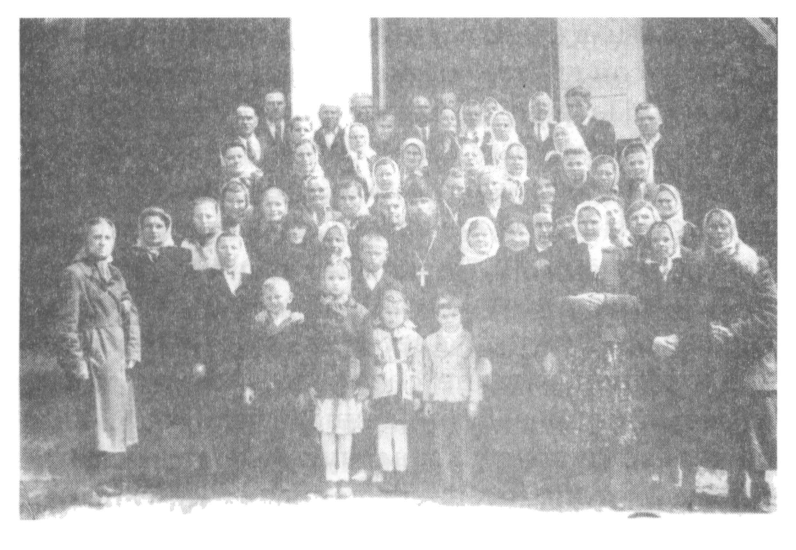


учеба — не главное для вашей пастырской деятельности. Не всегда "пять" совпадает с пятерками служения. Главнее — ваша ревность, чистая христианская любовь, верность житием, служение Богу и Церкви!.. Утешаю себя мысленно, что где-то в тихой глуши смиренного вашего служения светится, не угасая — лампада, огонек искренней, кроткой молитвы за нас, за меня недостойного. Уповаю на милость Божию ко всем нам! Очень прошу Вашего благословения и молитв...» В письмах к отцу Николаю С. А. Купрессов постоянно трогательно именует его «друг души моей» и называет его украшением Церкви.[1]

На протяжении всей жизни старец относился к питерским Духовным школам с любовью и благодарностью. Бывая в городе на Неве, он обязательно старался участвовать в богослужениях

---

[1] Письма опубликованы в книге: *Николая (Граян), схимонахиня.* Жемчужины духа. М., 2007. С. 403 – 404.



в академическом храме, сохранял связь со своими соучениками по Семинарии.

Из немногочисленных сохранившихся документов, относящихся к раннему периоду служения отца Николая, особенно важна характеристика, подписанная архиепископом Виленским и Литовским Алексием, данная ему 15 октября 1958 года:

«Это, без сомнения, незаурядный священник. Хотя приход его был малочислен и беден (около 150 человек прихожан), но благоустроен так, что может быть показательным примером для многих...

В личной своей жизни — безукоризненного поведения. Это пастырь — подвижник и молитвенник. Целибат. Приходу отдавал всю свою душу, все свои силы, свои знания, все сердце и за это всегда был любим не только своими прихожанами, но и всеми, кто лишь только ближе соприкасался с этим добрым пастырем».

О его высочайшем пастырском достоинстве свидетельствуют и церковные награды, полученные им

в те годы: в 1952 году — золотой наперсный крест, и сан протоиерея в 1956 году по указу Святейшего Патриарха Алексия.

Настает важный для о. Николая 1958 год.

«Боголюбивый Батюшка, о. Владимир! — пишет отец Николай неизвестному нам адресату. — Если о. Иоанн не тронулся из Залита, то пусть он с Богом сидит там зиму, а я себе буду сидеть у себя в Гегобростах до весенних теплых, светлых, долгих дней, вполне соответствующих моему переезду и переезду о. Иоанна. А если же о. Иоанна перевод и переезд неминуем и состоится этой осенью, то нужно нашу передвижку уложить, пока не совсем короткие дни и сухая погода. С любовию о Господе к Вам — о. Н.».

Перевод состоялся осенью. По указу владыки Иоанна (Разумова) от 21 октября 1958 года отец Николай назначен настоятелем храма святителя Николая на острове Залита Псковского района. Уже в день Покрова Пресвятой Богородицы о. Николай служит первую литургию. Здесь пройдут последующие сорок четыре года его жизни и пастырского служения. Здесь он станет тем, кем знаем мы его сегодня — батюшкой Николаем, старцем с острова Залита...[1]

Переселение на Талабский остров

Итак, в 1958 году отец Николай покидает свою «прибалтийскую пустыньку», выполняя настойчивую просьбу своей матери, соскучившейся

---

[1] Текст характеристики владыки Алексия и письма старца к неизвестному лицу получены от И. Смолькина.

по родной Псковской земле. По благословению печерского старца Семеона (Желнина) он переселяется на рыбачий остров Талабск посреди Псковского озера.

В жизнеописании старца нелишним будет рассказать об истории Талабского острова, на котором батюшка прожил почти полвека. Остров Залит, принадлежащий к группе Талабских островов, до 1919 года назывался Талабск (Талабским именовалось и само озеро Псковское). Название Талабск, вероятно, происходит от эстонского «талу», «тала», обозначающее двор в смысле отдельного крестьянского хозяйства. Можно думать, что когда-то на острове Талабске жили эсты. Вообще по берегам Псковского озера встречается немало селений с исконно эстонскими названиями, но переделанными в русские. На Талабском острове, как и на других островах Псковского озера, издавна жил особый народ. Прекрасная характеристика его особенностей дана в дореволюционных «Псковских губернских ведомостях» за 1909 год:

«...Жители островов — усердные посетители приходских храмов. Обычай иметь свои часовни и собираться в них на молитвословие у них сильно распространен. Это напоминает пословицу: "Кто в море не бывал, тот Богу не маливался". Действительно, только глубокою верою в провидение, бесконечною преданностью Всеблагому промыслу можно объяснить те замечательные подвиги самоотвержения, терпения и выносливости, которые весьма нередко приходятся на долю приозерца и о которых, конечно, остается не известно никому, кроме таких же героев, как его соседи. Приютились рыбаки для ловли на хрупком

весеннем льду, заходит ветер — падара, отрывает льдину и носит ее с рыбаками по озеру взад и вперед, носит по нескольку дней, а весеннее солнце делает все меньше и меньше импровизированное судно. Домашние в горе от неизвестности, а носимые ветром рыбаки, нередко разлученные между собой при разрыве ледяной глыбы на части, истомленные голодом и холодом, прибиваются к берегу, находя себе приют в первом попавшемся селении. Выехали ловцы на озеро в темную, длинную осеннюю ночь, которую проводят в трудах, пот льется градом, все мокры с головы до ног, а к берегу приезжают окоченевшие от наступившего заморозка; но этого мало, нужно на берег перетащить мокрый, весящий сотню пудов невод, и вот выступают из лодки прямо в воду вереницы с неводом на плечах. Вся эта вереница вместе с неводом покрывается льдом. Новые труды — сбросить невод с плеч так, чтобы он не поломался от мороза. Сколько труда и терпения приходится испытать ловцу по приходе домой, чтобы снять мокрую, приставшую к телу и промерзшую одежду. Но замечательно при этом, что ловцы вообще не слишком охочи до рассказов о своих подвигах. Они убеждены, что в их жизни иначе и не может быть, что опасности, с которыми постоянно встречаются они, посылаются Богом и по воле Его Одного и устраняются... Талабчане выглядят народом крепким и красиво сложенным. Да и нельзя не заметить, что тщедушный, слабый организм не вынесет ловецких трудов. Детство и даже младенчество обозерца проходит в плавании, в обучении управлению лодкой и рыболовецким трудам... У талабчан крайности часто сходятся между собой. Удачная



ловля из бедняка делает богача, который на следующий год чуть ли не просит у других милостыню. Ловецкие занятия своего рода игра, и жизнь талабчан во многом сходна с положением человека, все житейские расчеты которого основаны на вере в счастье. Талабчанина редко можно застать в унынии оттого, что ему не только завтра, но и сегодня есть нечего. С надеждою он сморит на озеро...Понятие о богатстве и бедности, о довольстве и недостатках — понятия чисто условные, временные. Сегодня беден, завтра богат; сегодня нет хлеба, завтра все в изобилии. У талабчанина не заметите стремлений к каким-то сбережениям...»[1]

Характер жителей псковских островов не могли коренным образом изменить социальные потрясения в стране. Уклад жизни рыбаков в то время,

[1] Цит. по: Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 326—327, 336—337.

когда на Талабском острове в 1958 году поселился старец Николай Гурьянов, оставался тем же, каким он был до революции. Этим можно объяснить то особое почтение, которое проявлял старец по отношению к жителям острова — они были великими тружениками. А старец высоко ценил трудящегося человека и прощал ему мелкие недостатки. Кроме того, поселение старца на острове вернуло этим местам сугубое молитвенное служение — во времена древние здесь располагался Петропавловский мужской монастырь, построенный около 1470 года, в 1616 году приписанный к Псково-Печерскому монастырю и упраздненный в конце XVIII столетия.

До революции Талабские острова имели еще одно название — Александровский посад. Такое название селение получило в 1820 году в честь Государя Александра I, который оказал пособие после пожара, бывшего на острове в начале XIX века. Талабские острова до революции насчитывали 750 дворов и были известны на всю Псковскую губернию своими ярмарками. На острова перед новым годом съезжались купцы, крестьяне, работный люд из многих губерний. Население островов в это время увеличивалось в два-три раза. Везли все, что только пожелаешь. Несколько дней, а то и недель, шел оживленный торг. С прибылью оставались жители островов и прибрежных деревень.

Особой властью и почетом пользовались на островах, как на Талабском, Верхнем, так и на среднем — Талабенце, жерники. Обычно это были опытные рыбаки, владельцы больших неводов и промысловых судов. Дома жерников,

обшитые тесом и покрытые масляной краской, издали вещали о хозяйском достатке.

Талабчане занимались в основном рыбной ловлей. Пойманную рыбу отправляли в Петербург, Москву, Ригу, Варшаву. Талабский снеток сушили в специальных печах, которых насчитывалось до 119. Ежегодно продавали от 160 до 300 пудов рыбы. Только купцы да зажиточные островитяне располагались просторно и основательно, двухэтажные дома, магазины, различные мастерские возводились вдоль южной стороны острова, называемой Набережная. На Верхней улице селились менее состоятельные жители или просто бедные.[1]

Известны были всему Пскову и окрестностям крестные ходы, которые устраивались по воде в летнее время. К престольному празднику Верхнего острова — дню первоверховных апостолов Петра и Павла в Талабск приплывали иконы из Спасо-Елеазаровского монастыря, находящегося на берегу в семи верстах от Талабска. Вот как описал это торжество бытописатель прежних времен: «Крестный ход на лодках представляет живописную картину. Каждая лодка старается пристать к берегу; по нескольку человек садятся на одно весло, которые нередко от большого усилия ломаются. В это время перегнать лодку на ходу считается делом приятным. Празднество продолжается не менее трех дней».[2]

И во время поселения на острове старца Николая обычай водных крестных ходов сохранился, только совершались они не от Спасо-

---

[1] Сведения взяты из книги: Напоминаю вам... М., 1999.

[2] Святыни и древности... С. 337.

Елеазаровского монастыря, который в годы советской власти был закрыт,[1] а от Пскова. Вот как описал эти крестные ходы давний сомолитвенник старца Николая — протоиерей Иоанн Миронов: «На Петров день здесь по обыкновению шел крестный ход из Пскова с Спасо-Елеазаровской иконой. На этой иконе Спаситель изображен в митре с крестом. Икону несли до берега Псковского озера, к переправе на остров, чтобы сесть на катера. А местные жители встречали икону на своих лодках, двигаясь по озеру с хоругвями. Это было незабываемое торжество Православия!»[2]

Храм святителя Николая Чудотворца на Талабском острове впервые упоминается в писцовых книгах в 1585 – 1587 годах, где говорится, что одно пустое дворовое место «под церковку подошло». Первый храм был деревянный и строился местными жителями, которые, как и теперь, были рыбаками. Во время нападения шведов в 1703 году сильно пострадал Верхнеостровский монастырь, основанный около 1470 года в честь первоверховных апостолов Петра и Павла преподобным Досифеем Верхнеостровским, память которого совершается 8/21 октября. Вероятно, тогда же пострадал и Никольский храм на Талабске. В 1792 году построен каменный храм. Он строился по традиции из известняковой псковской плиты. В храме до сегодняшнего дня сохранились фрески письма неизвестного автора. Престола в церкви два: во имя святителя и чудотворца Николая и во имя Смоленской иконы Божией Матери.

---

[1] Монастырь был вновь открыт при жизни старца по его молитвам.

[2] Любовь, ко Господу ведущая. СПб., 2005. С. 7.

В 1842 году был сооружен ныне действующий придел в честь чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской, в память чудесного избавления от эпидемии холеры, охватившей жителей посада. Некий прихожанин храма святителя Николая увидел во сне Смоленскую икону Божией Матери и услышал: «Обнесите Меня с крестным ходом вокруг всего посада, и тогда холера прекратится». В сонном видении этому человеку было открыто место, где до той поры хранилась сия святая икона, а именно на чердаке одного из посадских домов. Все было сделано по слову Божией Матери, и эпидемия прекратилась.

В 1854 году выстроена каменная часовня в честь святителя Николая в память чуда от образа святого, бывшего во время пожара 6 июля 1853 года. Часовенка воздвигнута была для «неугасимого горения елея». На кладбище в 1888 году возведена вторая часовня, по местному преданию — в честь Анастасии Римляныни. Церковь на острове несколько раз страдала от пожара, но всякий раз бережно восстанавливались на средства и стараниями местных жителей.

О том, что жители острова не были оторваны от судеб всей страны, свидетельствовала надпись, сделанная на самом большом колоколе: «Вылит сей колокол 31 мая 1893 года в царствование Императора Александра III, в память избавления Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича от угрожавшей ему опасности в городе Отсу, в Японии, в 1891 году 20 апреля при Преосвященнейшем епископе Гермогене, местном священнике Иоанне Орлове и церковном старосте Иоанне

Бахереве».[1] Старец Николай Гурьянов, придя на остров, продолжил традицию почитания Царской Семьи, Государя-Страстотерпца Николая.

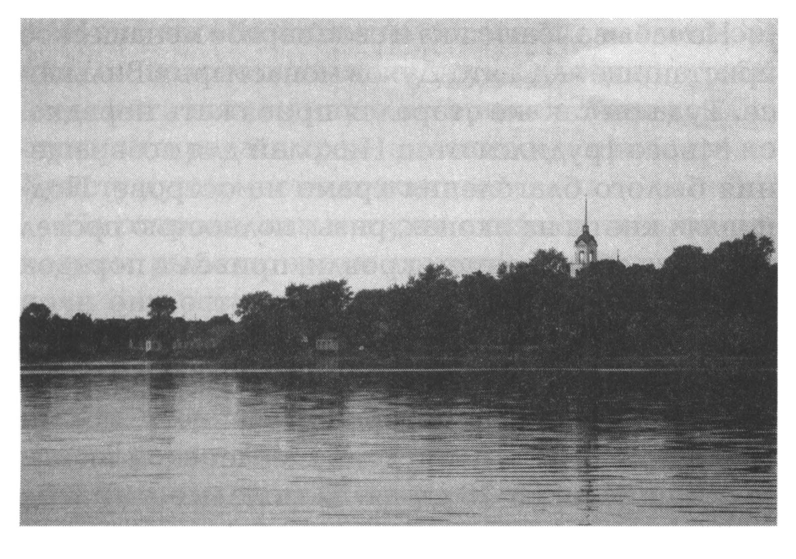
До революции при Никольской церкви на Талабском острове существовали две школы: церковно-приходская с 1891 года и министерская двухклассная, открытая в 1898 году. В Никольском приходе накануне революции состояли 1271 мужчина и 1371 женщина. В 1939 году храм после сильного разорения был закрыт. Уничтожено все убранство, куда были вывезены иконы — неизвестно. В 1947 году храм вновь открыт для богослужений, но только в Смоленском приделе.

Первые годы подвижничества среди Псковского озера

С первых дней служения на острове старец Николай стал благоукрашать свой храм: провел основательный ремонт, обновил убранство храма и алтаря, украсил его новыми иконами. Особым подвигом старца было озеленение острова. Во время Великой Отечественной войны вся растительность на острове была уничтожена, — ни кустика, ни дерева нельзя было увидеть на всю округу. Старец Николай издалека — из Киева, из Вильнюса, Почаева, Пюхтиц собирал растения, корни и рассаду кустов, деревьев и цветов и сажал на острове. На острове не было водопровода — для поливки нужно было таскать в день по 100 – 200 ведер воды из озера. От берега озера до кладбища, где батюшка посадил особенно много деревьев,

---

[1] Любовь, ко Господу ведущая. С. 380.



расстояние немаленькое. А ведь у него после лагеря были больные ноги, и уже тогда ходил с палочкой.

Зато когда его труды стали приносить плоды, и все вокруг зазеленело, сколько было радости! Как писал старец в одном из писем своем духовной дочери пюхтицкой игумении Варваре: «Не будет лишним сказать и о некоторых цветочках, как о примулах, сенполии и кампануле, до сих пор обильно цветущих на окнах в хате. Все это меня радует и за все слезно благодарю милосердие Божие. На кладбище теперь у меня лес, и домик утонул в зелени. Со своего сада насушил компоту и наварил варенья».

Надо сказать, что батюшка особенно почитал западный удел Божией Матери — Свято-Успенский Пюхтицкий женский монастырь на эстонской земле. Пока он был в силе, ездил в монастырь ежегодно, по его совету и благословению устраивалась и внешняя (стройка, хозяйство) и внутренняя жизнь обители.

Не забывал батюшка и свое первое монашеское пристанище — Свято-Духов монастырь в Вильнюсе. Туда он так же старался приезжать нередко.

Много трудился отец Николай для возвращения былого благолепия храма на острове. Подновлял киоты на иконах, ризы, полностью провел ремонт с обновлением кровли, привел в порядок могилки.

Есть в храме святителя Николая почитаемый чудотворный образ Божией Матери «Благодатное небо», имеющий второе название «Смоленская» и празднуемый в день Смоленской иконы Божией Матери 28 июля. В тяжелые смутные времена с этой святой иконы была похищена серебряная риза, и отец Николай сразу, как приехал на остров, постарался одеть Матерь Божию в подобающую Ей царскую порфиру. В этом помогли духовные чада батюшки, которых у него всегда было много. Игуменья Тавифа из Свято-Духовского женского монастыря в Вильнюсе взяла благословение и начала шить ризу Богоматери на голубом бархате. Сколько слез радости и боли сопровождали эту работу матушки-игуменьи, знает, наверное, только Хозяйка ризы. В 1960 году, после двухлетнего труда, риза наконец была одета на эту святую икону Заступницы нашей Усердной, Пресвятой Богородицы. И поныне этот святой образ радует и подает духовное утешение всем с верою к нему притекающим. После того как блаженная игуменья Тавифа почила о Господе от тяжелого долговременного недуга (в 1972 году), сестры ее обители вскоре в видении увидели свою игуменью и услышали, что матушка Тавифа на пути прохождения мытарств была сопровождаема Матерью Божией.

Итак, жил батюшка на острове не как затворник, он положил великие труды для того, чтобы озеленить выжженную во время войны землю, отремонтировать храм, а главное — привести ко Христу души местных жителей.

На острове, как мы уже сказали, жили в основном рыбаки, жили дружно. Уже в три часа ночи они оставляли свои дома и шли на озеро ставить сети. Отец Николай сам, без приглашения, приходил в избушки, сидел с младенцами, пока родители рыбачили на озере. Народ на острове глубоко чтил отца Николая. Не только церковные люди, но даже падшие души тянулись к нему, чувствуя тепло его сердца, его милосердие и заботу. «Пьяницы местные мирно уживались с ним. Бывало, выйдет он навстречу такому бедолаге: "Ну-ка, роднуля, что у тебя в сумочке затаилось? Голубчик, роднуша, надо бросать, семье-то тяжело. Дай сюда бутылочку-то". Возьмет бутылку — и о камень ее... А пьяница не ругается, домой идет спокойно» — вспоминает протоиерей Иоанн Миронов. В свою очередь батюшка с уважением отзывался о рыбаках: «Труженики наши люди. Да, рыбаки трудятся: любая погода, ненастье, а они все... а волны, в особенности летом, бури, — они все это несут, и творят доброе дело тем, что рыбку добывают. А мы молимся и просим, чтобы Господь помог миру от недугов и от военных действий. "Сохрани, Господи"». В 1960-е годы, во время хрущевской «оттепели» и усилившегося гонения на храмы, на остров к отцу Николаю приехали представители местной власти, разговаривали очень резко, грубо, запугивали и пообещали на следующий день вернуться за ним. Батюшка разволновался и всю ночь

простоял на сугубой молитве. Наутро на озере поднялась страшная буря, которая не утихала в течение трех дней. Талабск стал недоступен. После того как буря стихла, об отце Николае как-то забыли и больше не трогали.

Рассказывают про местную жительницу, которая, желая выслужиться, донесла, что батюшка ругает Ленина. Когда она пришла на рыбацкий праздник с пустой миской (по древнему обычаю, рыбаки кладут в эти миски рыбу вдовам и одиноким), один рыбак плюнул в ее миску, выхватил ее из рук и бросил в озеро. Товарищи, стоявшие рядом, отвернулись.

В те годы священников отстранили от власти в церкви, управление перешло в руки выборной «двадцатки» и старосты. Батюшка Николай говорил: «Как бы там они нас ни отстраняли, а за благолепие храма отвечаем мы».

Все радости и горести жизни на острове с батюшкой делила его мамушка Екатерина Степановна. Она создала уют и содержала в чистоте маленький домик, где они вдвоем поселились, и участвовала не только в повседневной житейской повседневности прихода, но была и сомолитвенницей своего сына-старца. Екатерина Степановна отошла ко Господу 23 мая 1969 года, а в 1971 году батюшку Николая чуть было не перевели на служение в Псков в Свято-Троицкий кафедральный Собор. Об этом свидетельствуют два сохранившихся письма: отца Николая к управляющему Псковской епархии архиепископу Иоанну (Разумову) и обратный ответ владыки. Оба эти письма ярко свидетельствуют о любви жителей острова к своему пастырю. Вот эти письма:

Высокопреосвященнейший
Владыка Иоанн!

Мое недостоинство к Вашему Высокопреосвященству обращается хотя и с обычным недоразумением, но не без боли в сердце. А именно: наши достоуважаемый церковный староста Л. под предлогом болезни 26 сего месяца отказалась работать в Церкви. Все полномочия и обязанности председателя Церковного Совета с себя сложила, другого же кандидата на ее место у нас пока не предвидится: все добрые людчики побаиваются, как бы не потерять трудовой пенсии.

Как быть и как выйти из создавшегося положения? Без милости Божией и мудрости Вашего Высокопреосвященства, как видно, нам не обойтись. И моя просьба от лица всех болельщиков о благе Церковном к Вам, пожалуйста, подскажите нашей церковной общине, через помощника старосты Николая Андреевича, благодатный святительский совет об избрании достойного старосты.

Коленопреклоненно испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и прощения за беспокойство, недостойный послушник и богомолец Вашего Высокопреосвященства,

прот. Гурьянов о. Н.
28 декабря 1971 года

Ваше Высокоблагословение,
достопочтеннейший и глубоко всеми почитаемый,
дорогой батюшка, отец Николай!

Осмелюсь уведомить Вас, что помощник Вашей Церкви вручил мне сегодня пакет Вашего Высокоблагословения.

Ваше письмо наполнено до верхов скорбями, заботами, недоумениями и суетливыми раздумьями. Прочитав его, я был очень озабочен ввиду того, как Вы пишите, что у Вас нет людей, кто бы мог встать на дело церковного старосты, и меня тут осенила мысль: для пользы дела Церкви Вас переместить на служение в наш Свято-Троицкий Кафедральный Собор, а на Ваше место к Святителю Николаю Залитскому, даровать это место давно уже просящемуся о. Алексию М., матушка которого восполнит место церковного старосты и сразу все Ваши недоумения разрешатся для Вас в очень положительную сторону!

Но к моему великому огорчению, я должен Вам об этом сообщить, что у Вас очень хороший помощник церковного старосты. Он заявил, что залитяне никуда не отпустят ни на один шаг Вас от себя и не расстанутся с Вами никогда...

Дорогой батюшка, отец Николай! Ведь до беды далеко и Вы посоветуйте своим членам Церковного Совета с этим вопросом не торопиться: болеют не все к смерти, а некоторые к жизни вечной... На первую декаду 1972 г. поручаю временно управлять делами церковного старосты сему мужу Николаю Андреевичу, а за это время Вам сам Святитель Николай поможет выйти из этого затруднения, Он пошлет хорошего, доброго человека, который и возьмет по Вашему благословению и народному избранию, звание и тяготы, заботу и работу по должности церковного старосты!

Вашу богомудрую пастырскую разумность я вручаю под омофор Святителю Николаю и от

всей души желаю Вам новогодние праздники и Рождество Христово встретить в мирном благодушии и благоденствии, и чтобы Ваше вечно трепещущее сердечко, вместе со светлыми ликами Небесных Ангелов, встретило грядущего Спасителя мира, нас ради человечества и нашего ради спасения, на нашу грешную землю пришедшего, чтобы воспринять и наше человеческое, хотя и убогое, но усердное пение: «Слава в Вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение!»

Спаси Вас, Господи, за Вашу любовь к нашей Родине, Отечеству нашему, за Вашу преданность и верность Русской Православной Церкви, которую Вы не словами, а добрыми делами подтверждаете каждый год. За Ваши понесенные труды и Вашу неустанную заботу об изыскании денежных средств, принесенных на Алтарь Родины, от лица Русской Православной Церкви и всего нашего доброго народа выражаю Вам нашу архипастырскую благодарность, пребывая к Вашей почитаемой Святыне с глубоким уважением и братской о Христе любовию, просяще взаимных святых молитв, Ваш постоянный богомолец,

Иоанн, архиепископ Псковский
28 декабря 1971 г.[1]

Собранные в книге «Жил на острове подвижник» многочисленные рассказы островных жителей свидетельствуют, что отец Николай «был на острове естественной его частью. Его присутствие

---

[1] Цит. по: *Изборцев Игорь.* В руце Твои, Господи. Издание Единецко-Бричанской епархии, 2006. С. 49—51.

ощущали всегда». Несколько поколений островитян батюшка крестил, венчал и напутствовал в жизнь вечную. «Мы быстро привыкли к батюшке, как к родному, — вспоминает одна из талабских жительниц. — Батюшка принимал всех сердечно, хотя мог и юродствоать при этом, подшучивать. Но его шутки надо было понимать. Вскоре здесь осознали, что он за человек».[1] Другая островитянка передает любопытные подробности, касающиеся отношения к батюшке его «островной родни»: «Со временем на острове все стали замечать, что если отец Николай попадется тебе на дороге, а лучше даже ее перейдет, то все у тебя после этого будет удачно: и рыбку хорошо продашь, и дела успешно завершатся, и домой благополучно вернешься... Батюшка был очень добрый и людей жалел... Отец Николай всех островских понимал, так как изнутри хорошо знал нашу жизнь».[2]

Особо трогательные воспоминания о старце Николае оставили островитяне, которым Бог даровал под покровом молитв старца провести свои детские годы. Особенно в то благодатное время, когда батюшке разрешили преподавать в местной школе Закон Божий. Все дети острова, как только видели батюшку, сразу же его окружали: каждого он одаривал гостинцами, гладил по головке, называл по имени. А они в ответ (чистыми душами ощущая святыню) говорили о нем: «Боженька идет...» А одной из съемочных групп на вопрос: «Дети, каких святых вы знаете?» —

---

[1] *Писарева В. А.* В книге: Жил на острове подвижник. С. 261 – 262.

[2] *Носкова В. Н.* Там же. С. 250 – 251.

дети хором ответили: «Святителя Николая, батюшку отца Николая».[1]

Первого сентября батюшка служил в школе молебен, кропил детей святой водой, дарил иконочки в благословение. Многие дети по его разрешению с цветника у батюшкиного домика срывали цветы, для того чтобы в «День знаний» отнести учителям. А в день рождения батюшки дети, наоборот, сами дарили старцу букет цветов и подарочки.

В семидесятые годы устанавливались духовные связи отца Николая со многими священниками, монахами и мирянами. Батюшка был духовником псковского духовенства, ездил в Пюхтицы к своим духовным чадам, бывал в Петербурге. Был в духовном общении со старцем Иоанном (Крестьянкиным), блаженной Любушкой, блаженной Марьей Ивановной.

Пюхтицкая игумения Варвара в своих воспоминаниях о старце рассказывает о знаменательном случае его юродства, который раскрывает сокровенное — на попечении у старца были многие обители и храмы, благословляя их настоятелей, он брал на себя особый духовный подвиг.[2] Любовь притягивает к себе людей. Вскоре на остров стали приезжать со всей страны — отца Николая начали почитать как старца. «Об отце Николае точнее не скажешь: "Не может укрыться светильник под спудом!" Не хотел он этой славы от людей, но Господь не оставил его сокровенным...» — свидетельствует протоиерей Иоанн Миронов.

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 317.

[2] Подробный рассказ об этом случае смотри в главке о юродстве старца.

Старческое служение

В нашем повествовании уместно сделать отступление и рассказать о сути старческого служения и его преемственности на Руси, чтобы стало ясно, в каком сонме ныне находится приснопоминаемый старец Николай Гурьянов.

Во всех пределах нашей земли накануне революционных потрясений и в страшные годы «войны с Богом» молились за народ святые подвижники. И в наши дни — хвала и благодарение Господу — не перевелись еще заступники за народ, — те, о ком Господь сказал: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями», те, молитвы кого Он «слушает день и ночь» и кому открывает Свою волю. Одним из первых в новое время стал писать о старчестве И. М. Концевич. Его знаменитая книга «Оптина пустынь и ее время» начинается с всеобъемлющей главы «Определение понятия старчества», выдержки из которой мы и здесь процитируем.

«Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское. Непосредственно за апостолами стоят пророки. Их служение состоит главным образом в **назидании, увещании и утешении** (1 Кор 14, 3). С этой именно целью, а также для указания или предостережения, пророками предсказываются будущие события. Через пророка непосредственно открывается воля Божия, а потому авторитет его безграничен. Пророческое служение — особый благодатный дар Духа Святого (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением — прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства

и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит душу человека, его прошлое и будущее. Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотою сердца, с личной святостью. Святость жизни требовалась от пророка с первых времен христианства... Пророческое служение, связанное с личной святостью, процветало с подъемом жизни Церкви и оскудевало в упадочные периоды. Ярче всего оно проявилось в монастырском старчестве. Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех назидали, увещали и утешали, исцеляли от болезней духовных и телесных, предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию. <...>

Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Старец — непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости, неописуемого мира в душе. Напротив того, лжестарец заменяет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и, почти всегда, уныния... Истинное отношение старца к ученику именуется в аскетике духовным таинством, оно находится под водительством Духа Святого. <...>

Благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший, благодаря этому, в совершенстве

духовно-психические законы и лично достигший бесстрастия, отныне становится способен руководить новоначальным иноком в его "невидимой брани" на пути к бесстрастию. Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть самое зарождение зла, причины этого зарождения, уточнить диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец — искусный духовный врач. Он должен ясно видеть устроение своего ученика, характер его души и степень духовного развития его. Он должен непременно обладать даром рассуждения и "различения духов", так как ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во Ангела светла. Но, как достигший бесстрастия, старец обычно обладает и другими дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества.

Старчество на своих высших степенях, как, например, преподобный Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, так как уже не он живет, но живет в нем Христос (Гал. 2, 20).

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть епископ: например, Игнатий (Брянчанинов), или Антоний Воронежский — великий современник преподобного Серафима. Из иереев назовем св. Иоанна Кронштадтского, отца Егора Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как, например, прозорливая блаженная Прасковья Ивановна, во Христе

юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре. Истинное старчество есть особое благодатное дарование — харизма — непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

В то время как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но, найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже беспрекословно ему во всем повиноваться, так как через последнего открывается непосредственно воля Божия. Вопрошать старца также ни для кого не обязательно, но, спросив совета или указания, надо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия чрез старца влечет за собой наказание».[1]

Итак, значение «института старчества» как хранителя духа православия от времен древних до наших дней огромно. Как сказал новомученик епископ Арсений (Жадановский), «старчество — это живая сила, воспитывающая в человеке христианина». То есть не через книжное научение, не ценой только собственных усилий человек преображает свой ум, свои чувства, но через живое общение с благодатным человеком. Старцы — это хранители духовной культуры православия, живое Предание Церкви.

Старчество на Руси процветало уже в древности — об этом свидетельствует Киево-Печерский

---

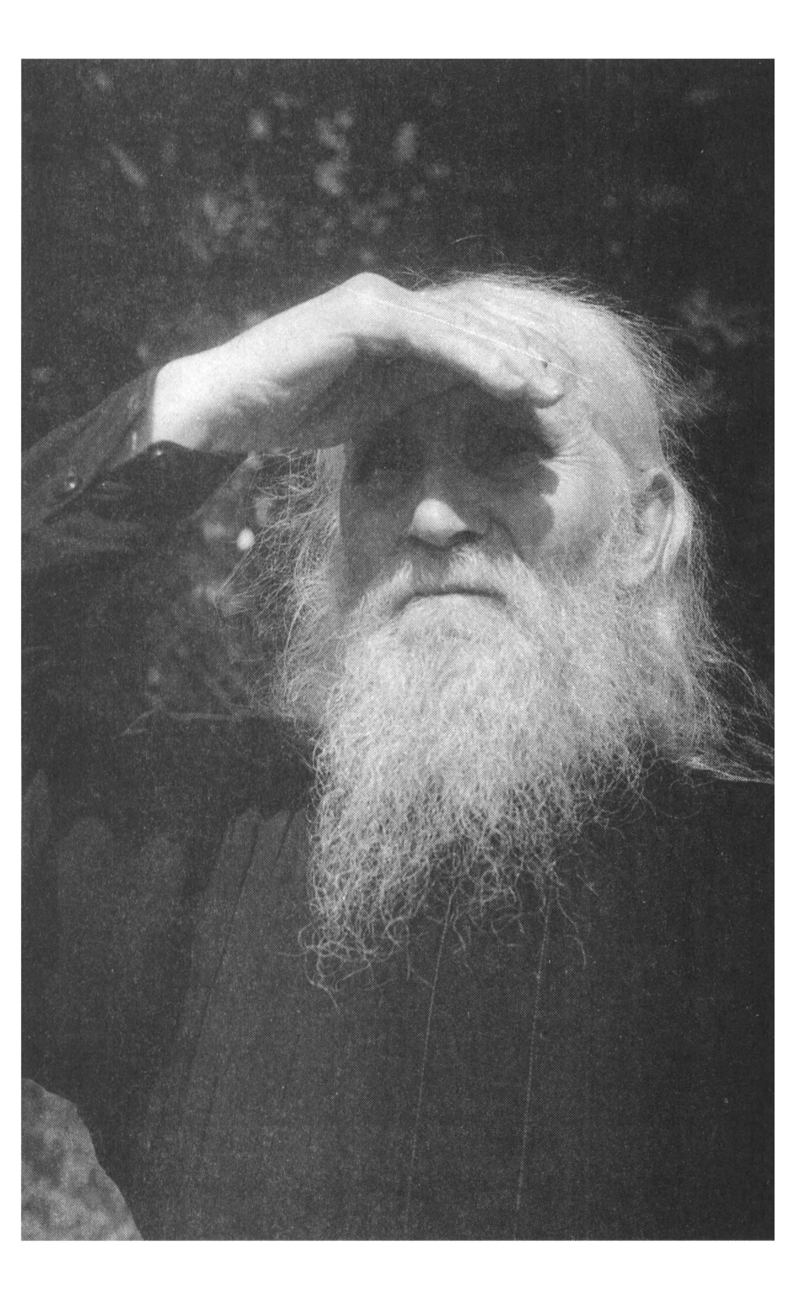
[1] *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. Нью-Йорк, 1970. С. 7 – 8, 11 – 12, 37 – 38.

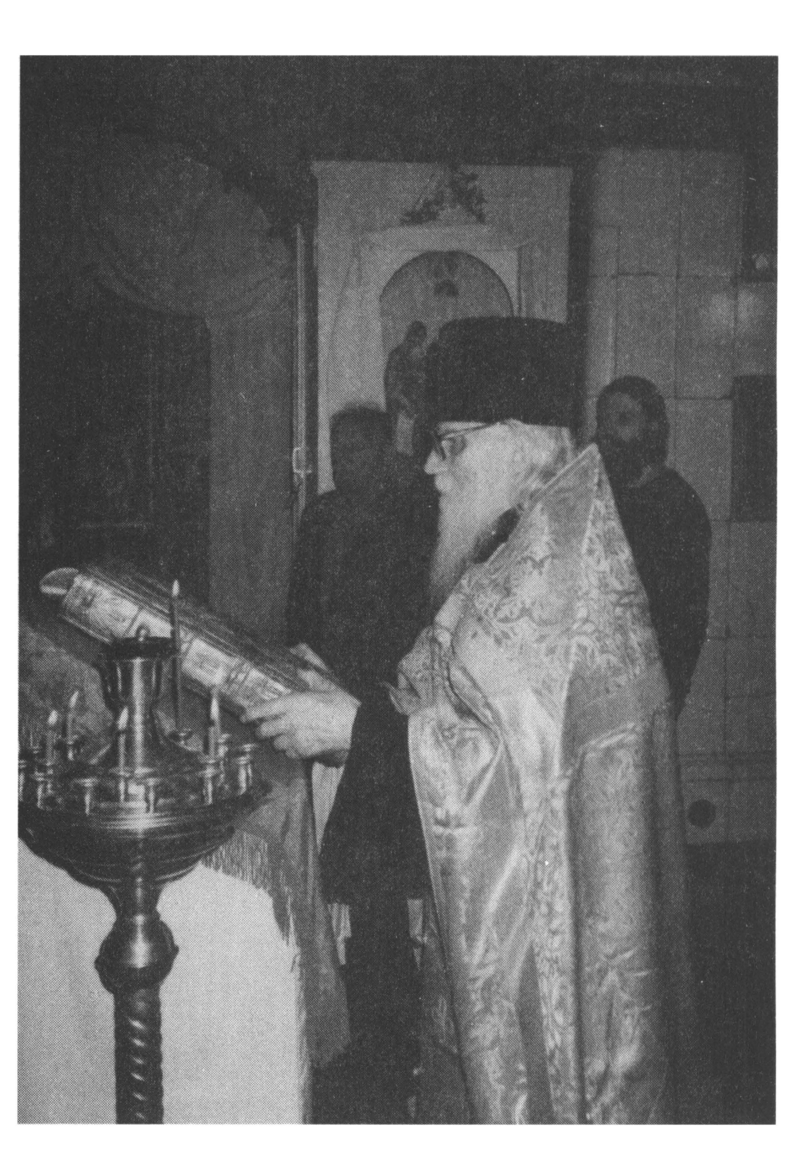
патерик. И на Украине, и на севере Руси, в «сердце Православия» — Троице-Сергиевой Лавре и ее скитах, в Глинской пустыни, и в самых разных городах и весях на протяжении веков процветало благодатное старческое служение людям — утешения, вразумления, прозорливости, исцеления.

Старчество было своеобразным противоядием против искушения возможным цезарепапизмом в нашей Церкви, так как существовало неслиянно и нераздельно с церковной иерархией. Неслиянно — потому что старчество не административная единица, нераздельно — потому что старцы никогда не шли против церковной иерархии, а наоборот, всегда призывали народ не отвергать авторитет епископата.

Но, прежде всего, старчество — это духовное творчество. Нет двух одинаковых, похожих старцев в нашей истории. Жития их так различны! Но при этом они образуют «золотую цепь святости», потому что не «хранят сокровище под спудом», а передают свои дары ученикам — тем, кто предопределен на старческое служение.

Так было до революционного лихолетья, так было и в десятилетия гонений на Веру Православную. Господь хранил Своих избранных — после войны вернулись из Финляндии валаамские старцы и поселились в Псково-Печерском монастыре, в Рижской пустыни подвизался вернувшийся из лагерей старец Таврион, в дальней Караганде один из последних оптинцев — старец Севастиан. После войны процвела Глинская пустынь с сонмом старцев. Во Владимире жил старец-епископ Афанасий (Сахаров), в Симферополе святитель Лука (Войно-Ясенецкий), в Киеве





под образом юродивого «дяди Коли» епископ Варнава (Беляев), в Алма-Ате владыка Николай, странствовал старец Сампсон (Сиверс). В Печоры на покой переселился митрополит-старец Вениамин (Федченков), на юге России подвизались преподобный Кукша, преподобный Лаврентий, старец Феодосий. Список можно продолжать, а сколько еще было не столь известных подвижников, несших старческое служение в годы лихолетья — и последние оптинские иноки, поселившиеся в Козельске рядом с монастырем, а также разбросанные по глухим местам нашей родины, и «приходские монахи», которые были для колхозной деревни светочем Святой Руси, напоминанием о ней. Тихий свет старчества («глас хлада тонка») донесли они и до нашего времени — уже нашему поколению были дарованы старец Николай (Гурьянов), архимандриты Иоанн (Крестьянкин), Павел (Груздев), Зосима (Сокур), Кирилл (Павлов), Адриан (Кирсанов), старец Илий Оптинский, старец Власий Боровский.

В начале XX века священник Сергий Мансуров составил наглядную таблицу благодатной преемственности. В пояснении к ней он пишет: «В каждом поколении мы указываем имена тех людей, в которых и вокруг которых всегда ярче видна духовная жизнь этого поколения. Эти люди освящали путь своих современников, открывали им волю Божию примером и словом, вокруг них и через них строилось в Церкви все, что в ней есть вечного, Божественного. Это — столпы и утверждения церковные. Все, что поется, созерцается, что читается как истинное и исполняется как верное, почитается как святое

в Православии, — все Предание Церковное связано с этими именами... Единая благодатная жизнь течет неизменно. Замирая на одном месте, она вспыхивает в другом, то шире раскидываясь, то сосредотачиваясь в небольшом круге людей, но никогда не иссякает, обновляясь и обновляя в каждом поколении того, кто отзывается на призыв истины».[1]

Благодати старчества наследник

Уже в первые «талабские годы» стали проявляться благодатные дарования протоиерея Николая Гурьянова, которые свидетельствовали о том, что он обрел благодать старчества — он исцелял душевные и физические недуги; он прозорливо напоминал людям о событиях их прошлой жизни и осторожно подготавливал к будущему; он называл по имени, ни разу не видев человека до этого; описывал обстоятельства его жизни; он давал жизненно важные советы, которые при их исполнении меняли, казалось бы, безвыходные обстоятельства жизни. Как сказал один из паломников: «Настолько дар рассуждения, дар духовидения у батюшки велик, что он сразу начинает говорить по существу, не надо никаких подробностей. И советы оказываются такими простыми, что даже удивительно, как сам до этого не додумался. Мы пытаемся по сложному пути идти, а мудрость — в простоте...» К последним словам можно прибавить то, что не всякому был

---

[1] *Мансуров Сергий, священник.* Очерки из истории Церкви. Клин, 2002. С. 27 – 28.

доступен часто иносказательный, символический язык старца. Зато те, кто старался очистить и смирить свое сердце при встрече с батюшкой, не нуждались даже и в словах, они вели с ним «молчаливый разговор». «Не нужно было много слов, — пишет один из паломников, — и батюшка много не говорил. Он просто сидел, как добрый дедушка, и излучал благодатный свет. От этого света согревались и растапливались самые заледенелые души».[1]

Паломники, которые приезжали к старцу в те годы, имели редкую возможность присутствовать за его богослужением,[2] исповедоваться у него, слушать его поучения, а часто и оказывались его гостями в незабвенном маленьком домике напротив островного кладбища. Один из тех счастливых немногочисленных паломников первых лет вспоминал: «Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

«Батюшка часто шутил. Угощает, бывало, обедом за столом, старается порцию дать побольше, сахару в чай — до десяти ложек, а сам приговаривает: "Ешь, ешь, дорвался до чужого, так ешь полным ртом". Иногда просят его: "Батюшка, помолись за меня". Он отвечает: "Молюсь, молюсь, а как тебя зовут-то?"» «Он сам тогда

---

[1] *Вениамин, иеромонах*. Из книги: Жил на острове подвижник. С. 122.

[2] Все священнодействие батюшка наполнял духовной глубиной, молитвы произносил четко, ясно. Об этом свидетельствуют сохранившиеся записи его чтения акафиста Божией Матери. На исповеди батюшка был немногословен, а проповеди, смирения ради, читал по книжке.

готовил. Налил мне полную миску щей и говорит: "Ешь". А я смотрю на Анастасию: "Можно мне есть, очень много, да еще и с мясом?" А батюшка так строго: "Ешь, тебе говорю, все". Я, давясь, с трудом все доела. А батюшка достает еще кринку молока, три литра: "Пей молоко!" — "Батюшка, я не могу больше" — "Ну хорошо, вечером придешь, будешь молоко пить"», — рассказывает одна из первых паломниц к старцу Анна Ивановна Трусова.

Старец обильно делился в те годы своей благодатью с приезжавшими к нему людьми — таково традиционное толкование: если старец угощает чем-то из своих рук — это значит, что он благодатью делится. Благодатными дарами утешения и рассудительности старец делился не только очно, но и заочно — через письма. Нам посчастливилось прочесть некоторые из написанных старцем в конце 1960-х — начале 1970-х годов писем. Как будто бы немудреные слова пишет батюшка, а какой силой и непреходящей правдой жизни от них веет: «Ваши вздохи считаю ненужной пустотой. Кто отстал (в смысле отошел — *Л. И.*) от вас — не жалейте и не забывайте то, что "всяк человек ложь" и я тож. Тем более что вы человек труда, а труд-то и есть для вас самый честный друг. Кроме того, вы живете в Боге, с Богом и для Бога, оставившим вас не по пути с вами. В первую очередь любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: "Трудящийся да яст", то есть кто работает, тот и ест».

Старец любил труд, не давал даже в дом для него принести воды. Многих людей подвигал к трудолюбию, а также к любви ко всему живому.

В письмах он называл кусты и деревья «зелеными друзьями» или даже писал так в начале весны: «Движемся по хозяйству. Зеленеем». Старался обратить внимание людей на безгрешную жизнь растений. Один батюшка рассказывал: «Батюшка Николай предложил мне взять с собой банку из-под консервов из его кельи и посадить в ней цветочек. Я возразил: "А зачем мне цветочек?" — и, естественно, брать банку не стал, о чем теперь сожалею».

Такое же трепетное отношение было у старца и к птицам — у своего домика во дворе он устроил «столовую для пернатых». «С первой половины ноября птичья столовая аккуратно работает. Большие обслуживаются с полдесятого утра, малые же воробушки с трех часов дня. Всех посетителей бывает ежедневно больше трехсот. Корму большой запас, хватит до тепла. Все это меня радует, и за все благодарю Бога», — писал старец в одном из писем. Старец Николай благословлял обращавшихся к нему людей кормить птичек за упокой души своих близких и во очищение своих грехов — ибо «блажен, кто тварь милует». Голуби на острове сначала жили на колокольне храма, потом, когда батюшка по здоровью ушел за штат, голуби переселились во дворик его дома, теперь они обитают на кладбище вокруг дорогой могилки старца...

У батюшки в домике всегда жили котики, он с ними разговаривал, как с разумными существами. Одному паломнику на его недоумененный вопрос однажды сказал, показывая на кота: «Это даже Липуня понимает». На улице не пропускал ни одну собаку, чтобы не приветить. Однажды паломники были свидетелем такой сцены: во время их

беседы мимо домика проходила местная жительница с маленькой собачкой на руках, батюшка подозвал ее: «Дай я ее поглажу». Потрепал по шерстке маленького друга и отпустил. Все живое для батюшки действительно было другом. Казалось, он понимает язык всего Божьего создания. Однажды он сказал: «Не только дерево, но даже камень не обижайте!»

Батюшкино «милование» или жалость распространялись даже на насекомых. Не от одного человека мы слышали о том, что он жалел даже мух и комаров. «Старец сидел на стуле, низко склонив голову на руки. Стали пить чай. На столе стоял самовар, в вазочке — шоколадные конфеты. Над столом, назойливо жужжа, вилась муха и постоянно норовила сесть на конфеты. Батюшка Николай пальцем погрозил ей: "Здесь тебе нельзя!", — отломил кусочек конфеты и положил в сторонке на столе: "Вот, здесь кушай". Он осторожно посадил муху на отломленный кусочек. Муха послушно поела и улетела. Любовь отец Николай понимал в самом широком смысле», — пишет протоиерей Борис Николаев. О подобном же случае рассказывает протоиерей Валериан Кречетов: «Муха летала по комнатке, он на муху смотрел, и я про себя подумал: "Шлепнуть, что ли, ее?" — а он мне: "Может, ей медку дать?"» Когда один из посетителей заметил, что комар опустился на висок батюшки, то, желая помочь, попытался его поймать. «Не трогай его, не на тебе комарик сидит», — остановил мужчину старец. «Помню, как-то хотел комарика с него согнать, а он не дал: "Пусть лишнюю кровь попьет"», — делится трогательными воспоминаниями протоиерей Иоанн Миронов. В одном из писем старца

есть такие замечательные слова: «Боже, сколько в мире красивого. Природа, Природа, ты для нас дорога в Невечерний день».

Из писем мы узнаем, что уже в это время — в начале 1970-х — батюшку начали одолевать телесные немощи. А ведь впереди был еще почти тридцатилетний крестный путь — когда к нему на остров поехали толпы, и он, невзирая на все усиливающиеся недуги и «патриарший возраст», не отказывал людям в приеме, доходя до полного изнеможения.

Как написал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш): «Никто доподлинно не знает, какие подвиги нес отец Николай на острове. Он скрывал это от всех, близко никого к себе не подпускал и сам за собой ухаживал, за исключением последних десяти лет, когда уже не мог этого делать. В последнее время ему очень трудно было переносить свою немощь. Видя, как старцу не только тяжело говорить, но даже сидеть, как при этом он напрягает свои последние силы, я както участливо сказал ему: "Батюшка, вам бы полежать". Отец Николай, не поднимая опущенной головы, ответил: "Лежат только лентяи". В другой раз на такое же сочувственное предложение отдохнуть... он заметил: "Отдыхать — это грех"».

Столп старчества. Всеправославное служение

Старцы — это «детоводители ко Христу», это те, чьи молитвы слышит Бог, кому открыта воля Божия. И самое удивительное, что дух истинного старчества — смиренный, незлобивый

и простой — во все времена ощущается верующими людьми как «благоухание духовное», исходящее от человека. Народ тянется к такому человеку, окружает его плотным кольцом, стремится если не побеседовать, то хотя бы благословение получить от такого батюшки — и так, без слов даже, получить утешение.

Читаешь древние патерики, отечники, «достопамятные сказания» и поражаешься преемственности — и во времена древние, и в наши времена старцев отличала евангельская простота. Люди молили: «Дай нам наставление» — и слышали в ответ: «Не входи в состязание ни о каком предмете, но плачь и сокрушайся, ибо время близко» (сказано в VI веке аввой Маттоем), «Никого не осуждай, никому не досаждай и всем мое почтение» (сказано в XIX веке старцем Амвросием Оптинским), «Верьте в Бога, и Он все устроит» (сказано в XXI веке старцем Николаем Гурьяновым).

«Не скрывается светильник под спудом» — суждено было батюшке уже на закате дней, который растянулся более чем на десятилетие, выйти на всенародное служение. До 1980-х годов о батюшке знал только достаточно узкий круг воцерковленных людей, ездили к нему в основном священнослужители, монашествующие и глубоко воцерковленные миряне.

Но «Господь хочет всем спастись и в разум истины прийти» — и людям малоцерковным или только ищущим «дорогу к храму» для этого нужен образец, источник незамутненный, нужен чистый призыв от чистого сердца. Таким для десятков тысяч наших соотечественников оказался старец Николай Гурьянов.

Произошло это на исходе 1980-х годов, когда обстановка в стране стала меняться. После юбилея 1000-летия Крещения Руси стали проникать на страницы периодических изданий и на экран телевизора (увы, главного воспитателя народа) сюжеты на религиозные темы. Настоящим потрясением для миллионов телезрителей стал документальный фильм «Храм», вышедший в прокат в 1988 году. Фильм был посвящен жизни Русской Православной Церкви, на экране на несколько минут перед потрясенными зрителями впервые появился старец Николай. Батюшка ничего особенного не говорил в том фильме, он просто смотрел на нас своими небесно-голубыми глазами, и этот взгляд пробуждал душу от греховного сна, а потом он так трогательно, прямо в камеру обращаясь, показал на самовар и, протягивая стакан, как бы всем телезрителям сказал: «Выпейте-ка чайку!» Это теперь уже стало понятно, что батюшка таким образом призывал людей разделить с ним «духовную трапезу», показал, что он готов поделиться благодатью со всяким, кто придет к нему.

Но в то время подобные формулировки не возникали, а люди просто почувствовали сердцем, что среди них живет святой, и еще почувствовали (даже через телефильм это передалось многим), что батюшка — это сама Любовь, что он обильно изливает любовь на всех и каждого. И после этого «алчущие и жаждущие правды» стали узнавать друг у друга — а где живет отец Николай, как к нему добраться? И потекла на остров, который теперь уже хочется назвать святым, потому что его земля освящена легкими стопами старца Николая, неиссякаемая народная река.

Батюшка тогда еще был достаточно крепок — продолжал служить в Никольском храме, принимал исповедь, подолгу беседовал с паломниками. Тогда еще не пришло время «массовости», люди ехали к батюшке своим ходом, а не в группах. И потому каждый запоминал беседу со старцем как поворотное событие в своей жизни. Вот они, свидетельства паломников конца 1980-х годов. Все они говорят о том, что получали от батюшки главный дар — утешение, душевный покой, который посылает Дух Святой, называемый в церковных молитвах Утешителем, почивающим в святых. Приведем здесь отрывки из воспоминаний паломников на остров, которые свидетельствуют о том, как преображался «внутренний человек» от общения со старцем.[1]

«Случалось, что впервые приехавшему к нему человеку он вдруг говорил: "А мы с вами давно знакомы, я вас с детства, вот таким еще знаю". Святая простота незабвенного старца всегда порождала в сердце чувство благоговейного страха и трепета: это то, что испытывает каждый, соприкасаясь с человеком, достигшим обожения. Великий старец своей жизнью учил смирению и кротости, уважению и любви. Он побуждал бороть гордыню, когда подавал пример отношения к ближнему. Будучи духовником всей Русской Православной Церкви, столпом старчества, он кланялся до земли молодым семинаристам и отцам, посещавшим его, и кротко просил их преподать ему иерейское благословение; настаивал дать облобызать их руку. Батюшка любил Бога,

---

[1] Цитаты взяты из книг: Любвовь, ко Господу ведущая. СПб., 2007; Остров Божественный любви. СПб., 2008.

и потому любил всех людей без исключения, с их страстями и немощами. Посему сотни людей приходили в мирное устроение духа, только лишь побывав у его келии. Само благодатное присутствие старца рядом давало утешение».

«Прозорливый был батюшка, но не это главное было в его служении. Главное было то, что он всех утешал. Он ведь и сам так говорил, когда выходил из своего домика: "Надо вас утешить. Чем вас утешить?" Помазывал нам святым маслицем скрепочкой из пробирки, и такое утешение входило в душу. А говорил он совсем немного и, казалось бы, одни и те же слова разным людям говорил, а все получали утешение в самых разных обстоятельствах».

«В вечер нашего приезда был жуткий шторм. Казалось, крышу унесет. Когда батюшка увидел, что мы пришли в церковь, очень обрадовался, что мы не уплыли, а остались. Специально, чтобы еще больше утешить мою маму и направить ее в нужное духовное русло, отец Николай стал читать с нами акафист "Слава Богу за все". Батюшка опустился на коленочки в храме, ближе к выходу, и прочел акафист полностью. Я никогда не видела и не слышала такой благоговейной молитвы. Это было первое удивительное впечатление о батюшке. Потом он нас очень ласково благословил, что-то дал нам на дорожку».

«После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем... Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались,

печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

«На сердце было необычайно радостно, душа чувствовала особую бодрость, легкость, покой... Чувствовалось, что он вслушивался в обратившегося к нему человека и, в зависимости от его внутреннего устроения, корректировал свое поведение и совет. Разговор с ним был диалогом, а не авторитарным, назидательным монологом... До сих пор посещение старого батюшки на далеком острове в Псковском озере вспоминается как сияющий праздник».

«Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. Сердце примирилось со всеми».

Главное, что хочется отметить, говоря о даре утешения, свойственном старцу, — это то, что утешал он не только отдельных людей в их скорбях, но и с надеждой и верой говорил о судьбе России в целом. В ответ на сетования людей на тяжелую жизнь: «Батюшка! Как жить, когда Россией правят люди, ненавидящие и разрушающие ее?» — он неизменно говорил: «Нет! Нами правит Бог! Живите и радуйтесь!» Тем же, кто неумеренно отчаивался по поводу общих бед России, старец говорил, что это настроение, эти мысли нужно воспринимать как искушение. Самые разные паломники свидетельствуют, что это было одним из главных поучений старца — не допускать мыслей о том, что Россия погибла.

«Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство русского народа, я была почти в состоянии

отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слезы. Старец не перебивал меня, покачивал головой: "Так, так". Затем он спросил: "А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?" Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет, и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного суда. Батюшка указывал на дьявола: "Вот кто тебе показывает все. Гляди, какой он. *Это Страшный суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай).* Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: "Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение"».

«Я спросила, спасет ли Господь Россию. "Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо". Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: "А она и не умирала. Нет-нет-нет. Нет-нет-нет. *Где просто, там Ангелов со сто, где мудрено, там — ни одного.* Когда нам кажется, что уже — все... Нет..."» «Старца спрашивали о России, а он отвечал: "Россия не умирала". "Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь... не оставляет нас"». «На вопрос о влиянии злой силы батюшка отвечал с удивлением и улыбкой: "А как Бог? О воле Божией забыли?"» «Батюшка все время повторял: "Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся..."»

Старец неизменно повторял, что надо радоваться тому, что храмы и монастыри восстанавливаются, надо радоваться, что все больше людей приходит к Богу. И главное — не унывать, а надеяться на Божию милость. "*Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться*". Батюшка во всем учил полагаться на волю Божию: "Будет, как должно быть"». «В самые сложные периоды жизни батюшка всегда говорил: "*Что тебе волноваться, у тебя есть вера*"».

Все сказанное не означает, что батюшка не видел трагедии нашего времени. Разным людям он говорил: «Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись». Слезно переживал старец события в Сербии. В день бомбежки НАТО летом 1999 года он сказал: «Вот, мои драгоценные, что означает сейчас святое слово Сербия — Сер-бия: бьют их». В это время на благословение чадам батюшка давал, вероятно, им самим составленный «Братский гимн»:[1]

В прежнее время порой надвигалось
Грозно латинство на нас.
Тайно и явно оно добивалось
Русь уничтожить не раз.

Много боролся за Веру Святую
Наш православный народ.
Эту глухую борьбу вековую
Русь и доныне ведет.

---

[1] Это стихотворение мы получили от жителей Талабского острова как принадлежащее старцу Николаю в дни его памяти, летом 2005 года.

Послано Богом нам вновь испытание:
Тяжкое время невзгод.
В этом суровом горниле страданий
Должен окрепнуть народ.

Должен он Церковь и Родину смело
Грудью своей защитить,
Ради великого русского дела
Жизни своей не щадить.

Время под братской хоругвью сплотиться,
Выступить против врага.
Всем, в чьей душе вера в Бога хранится,
Всем, кому Русь дорога.

В братской любви и святом единеньи
Наших успехов залог.
С ними не страшны врагов ухищренья:
В правде поможет нам Бог.

В этом гимне выразился неизменно бодрый дух старца — скорбя и плача о страданиях людей, старец шел по пути преподобного Силуана Афонского «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Толкователи этих слов говорят, что «держать ум во аде» — это значит постоянно переживать муку всего мира, сострадать страдальцам всего мира, «и не отчаиваться» — это значит всякий раз, когда мука сердечная за людей достигнет предела, сказать себе: «Не люди и временные правители управляют миром, миром Божиим управляет Сам Господь. Он владеет царствами земными и судьбами отдельных людей. Потому так часто повторял отец Николай: «Слава Богу за все!» И прибавлял строки из духовного стиха:

«Слава Богу за скорбь и за радость». А еще любил петь народный псалом: «Не унывай, не унывай, душа моя. Уповай, уповай на Господа!»

С преподобным Силуаном Афонским старца Николая роднило также и то, что он молился за весь мир, плакал «о всем Адаме», и не только за живых, но и за тысячи усопших молитвенно воздыхал день и ночь.

Старец Николай — почитатель Царственных Страстотерпцев

В жизнеописании старца Николая мы хотим принести сугубую благодарность ему за то, что по его молитвам, к которым присоединились молитвы тысяч людей, в 2000 году на Архиерейском Соборе были прославлены Царственные Страстотерпцы. Благодарность наша старцу может и должна проявиться в том, чтобы по его примеру воспитывать в себе дух царепочитания, уразумения великого значения служения Помазанников Божиих.

В юном Николае Гурьянове этот дух возжег Сам Господь. Напомним о том, что в девятилетнем возрасте ему было открыто то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. Благоговение и покаяние перед Царственными Страдальцами он пронес через всю свою жизнь.

Особенно настойчиво о необходимости почитания и прославления Царственных Страстотерпцев старец Николай стал говорить в конце 1990-х годов, когда к нему на остров началось массовое паломничество и когда на высшем



уровне — в Комиссии по канонизации на заседаниях Синода Русской Православной Церкви — бурно обсуждался этот вопрос. Как известно, противниками канонизации были многие члены Комиссии, и далеко не все архиереи были ее сторонниками.

В 1997 году в келии старца Николая совместно с ним и по его благословению было написано и передано в Патриархию Обращение чад Русской Православной Церкви, духовенства и мирян к Святейшему Патриарху Алексию по поводу необходимости прославления Царской Семьи. В это же время старец благословлял людей на келейную домашнюю молитву Царственным Страдальцам, говорил о том, что канонизацию нужно вымаливать.

Все «царское» собиралось и сохранялось в домике батюшки на острове с особой любовью. На фотографиях, сделанных в келии старца, мы видим икону Царственных Страстотерпцев, их портреты. В келейных молитвах старца постоянно

звучали акафист и канон Царю-Страстотерпцу, составленный в Русской Православной Церкви за рубежом, где Государь уже был прославлен. Старец раздавал паломникам иконы Царственных Страстотерпцев, фотографии, акафисты, таким образом поддерживая и вдохновляя народное почитание святых, плодом которого и стало долгожданное официальное прославление на Архиерейском Соборе 2000 года.

Батюшка Николай очень любил «царского поэта» — Сергея Бехтеева, любил слушать его стихи, благословлял раздавать паломникам, говоря, что они служат поднятию русского, царского духа. Об одном стихотворении Бехтеева старец сказал: «Видите, как Господь возлюбил Царя и причислил его к избранным святым... Спаситель возвысил Царя Николая за его крестное смирение... Царь Николай — великий святой...» Процитируем строки из этого стихотворения:

Старица...смотрит и видит,
Молитву честную творя,
Рядом с Христом —
Самого Страстотерпца Царя.
Лик его скорбен; печаль на державном лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла...

Это откровение-видение было дивеевской старице в 1917 году, когда Государь еще был жив и царствовал...

С почитанием Царственных Страстотерпцев старец Николай связывал судьбы России и всего мира. Он говорил о том, что Государь-

Страстотерпец Николай молится за свое земное Отечество, скорбит о нем и ждет народного покаяния, явленного не на словах, а на деле.

Одной из основных современных бед батюшка считал непонимание природы Самодержавия. Он с сокрушением говорил о том, что Православная Церковь, хранительница благодати помазания на Царство, не смогла и не хотела уберечь Государя Николая II и вынуждена была промолчать в самое тяжелое время. Не нашлось сил остановить злодеев — а мы знаем, что были и приветственные телеграммы в Синод по поводу вынужденного отречения Государя, была и скоропалительно составленная ектенья о «богодарованном Временном Правительстве» и земля наша обагрилась реками крови.

Старец неустанно повторял о необходимости сознания значения царской харизмы — того, что царская власть имеет особое помазание свыше. Он говорил о том, что нужно молиться о даровании России царского правления: «Не будет Царя, не будет России! Осознать должна Россия — что без Бога ни до порога, без Царя как без отца».

Накануне общецерковного прославления Царственных Страстотерпцев отец Николай в ответ на беспокойство его келейниц, произойдет ли это, твердо сказал: «Царь — святой, грешно думать иначе, у Бога они все уже прославлены, ведь вы помните их святое житие? Как же можно не почитать их святость? Они — угодники Божии, святые, мученики драгоценные, Господом возлюбленные!»

На Архиерейском Соборе в августе 2000 года, как теперь уже понимают многие, произошло настоящее чудо — все архиереи (за исключением

одного) проголосовали за канонизацию. Это было торжество правды и Торжество Православия! А старец Николай Гурьянов был одним из главных тружеников духовных, подготовивших это торжество.

И после состоявшегося прославления старец велел своим чадам не успокаиваться («не спать», — так он говорил), благословлял собирать все, что можно, о Царе — иконы, духовные книги, книги воспоминаний, портреты. И как заповедь оставил благословение всем нам: «Свято берегите святого Царя и Святую Русь!» И утешение оставил: «Молитва к Царю Николаю — это духовный щит России».

Крестоношение старца в последнее десятилетие жизни

В 1990-е годы по всей стране стало развиваться массовое паломничество к православным святыням, что, конечно же, можно назвать отрадным явлением. Паломничество в наше время — одно из самых ярких средств православной миссии. Но для старца Николая это «паломническое движение» оказалось новым крестом. Паломники устремились на остров «организованным порядком» — в день ему иногда приходилось принимать по нескольку автобусов — от 250 до 500 человек. В любую погоду — в летний зной, в мороз, под дождем старец выходил к народу с иерусалимским маслицем, и ни одного человека не отпустил без утешения. От помазания этим маслицем получали облегчение телесных недомоганий и душевных скорбей.

...Открывалась заветная дверца маленького зеленого домика в одно окошко, и навстречу нам выходил тот, о ком хотелось сказать, как о Создателе, «ветхий деньми», — высшее благолепие и мудрость являлась в блистающей седине, ярких голубых глазах и смиренной фигуре. Батюшка поднимал ручку к полочке над дверью, доставал оттуда маленькую бутылочку, в которую была вставлена разогнутая большая канцелярская скрепка, и начинал помазывать ожидающий этого помазывания как дара небесного народ. «Драгоценные мои!» — обращался батюшка к паломникам, и было такое ощущение, что под его рукой обычное помазывание превращается в «печать дара Духа Святого». К некоторым паломникам он обращался с кратким словом; с поразительной легкостью, иногда даже с шуткой, юродствуя, он развязывал, разрешал самые запутанные узелки душевных смущений и кривых мыслей.

Теперь настало время произнести покаянные слова. Принести покаяние в непонимании и потребительском отношении к великим дарам духовным. «Вся беда в том, — сказал нам один опытный духовник, — что у людей нет правильных христианских понятий о подвижничестве и о старчестве». Как раньше ездили к старцам, например, в Оптину пустынь, о которой более всего сохранилось воспоминаний паломников? Ездили, когда наступала великая духовная жажда, когда человек всей душой своей, всем помышлением устремлялся к Богу. К старцу ехали как к духоносному подвижнику, который может дать правильное направление в жизни. Ехали, «томимые духовной жаждой», к тому, кто может из опыта сказать, как бороться с грехом, как правильно

жить в Боге, как жить по-христиански среди искушений современного мира. И, как написал последний оптинский старец Никон (Беляев), люди, побывавшие у старца всего один раз, духовно вразумлялись гораздо больше, чем те, кто жил с ним рядом долгие годы и видел его изо дня в день. Из старцев в те времена не делали кумиров, оптинские старцы нарочито боролись с фанатизмом поклонников и поклонниц. Они учили человека верить в благодатную Божью помощь, а не мучить духовника мелкими вопросами (здесь мы, конечно же, не касаемся отношений между старцем и братией монастыря — тут действуют другие духовные законы).

Как едут к старцам в наши дни? Келейники, да и сами старцы свидетельствуют: современные паломники почти не задают духовных вопросов. К старцу относятся, грубо говоря, как к гадалке: где сейчас мой сын, он давно пропал из дома; менять мне эту квартиру на другую, на какую именно и какого числа; поступать в торговый колледж или в педагогический институт, и т. д., и т. п.? В результате мы видим: чем милосерднее относится батюшка к людям, тем больше он получает от них упреков, клеветы, непонимания.

Когда думаешь о подвиге старца Николая Гурьянова последних лет, вспоминаются слова преподобного Амвросия Оптинского, которые он говорил, страдая от наплыва народа, шамординским матушкам: «Я тут у вас — как распятый». Да только люди тогда все-таки были скромнее. Они не стучали в закрытые двери и окна батюшки, не заставляли его часами простаивать на морозе или жаре, не требовали тут же, «вынь да подай», ответ на любой вопрос. Они не снимали

о старцах фильмов, не писали статей, не фотографировались со старцем на память...

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мир Твой» — так молятся старцы. Им всех жалко, они не осуждают. Все происходящее они принимают как от Бога, благодарят за все: и за хорошее, и за плохое. А нам так хотелось втянуть Божьего человека в нашу борьбу — как нам казалось, святую борьбу — за правду, мы прямо жаждали вытянуть из него возмущение: «Батюшка! Посмотрите, что творится! (Количество восклицательных знаков можно бы увеличить.) Нас продали! Нас обманывают! Над вами тоже издеваются! Надо обличать! Надо защищаться!» И вдруг в ответ звучат страшные слова: «Им не надо теперь никакого старца, нет старца» (эти слова старец не один раз сказал во время одной беседы и они записаны на видео).

Истолковывают эти слова по-разному, понять их можно через сравнение с тем, что происходило в последние годы жизни с великим оптинским старцем преподобным Нектарием. Вот что мы читаем в его житии: «Бремя старчества страшно и тяжко. И быть старцем каждую секунду непосильно человеку. Старца окружала великая любовь, но и великая требовательность». Это слова келейницы старца, которая видела не только Божескую славу, но и его человеческую физическую немощь, и то истощание старца ради людей, которое подобно крестной муке. И подумалось: что же мы все делали, не давая ему покоя? Забывая о том, как подвижники готовятся к переходу в вечную жизнь, месяцами, годами пребывая в уединении. Многие из них уходят в затвор, а многие, и находясь на людях, уже не вникают

в их преходящие проблемы и смущения. Хотя это не означает, что, внешне не участвуя в жизни людей, подвижники их бросают на произвол судьбы.

«Чадо мое, столько лет ты меня знаешь, неужели ты не знаешь, что теперь я могу больше помочь тебе молитвами, нежели словами?» Не приходилось ли нам слышать такие вразумления... и пропускать их не только мимо ушей, но и мимо души? Почему мы не давали старцу Николаю такой возможности, естественной для того, кто все свои силы уже отдал служению людям — возможности подготовиться к переходу за грань этого бытия?

Старец в последнее время постоянно просил: «Молитесь обо мне». Значит, ему было нелегко. Мы все — слепые, нам недоступны тайны духовной жизни. Мы судим обо всем по-плотски. Нам не было видно, что на самом деле в духовном плане происходило в домике на острове Залита. Нам не постичь было сути той духовной битвы, которая бушевала вокруг старца. Потом только мы стали узнавать некие подробности.

Путаница, обман, искажение духа истины, различные духовные подмены — вот что только могли мы каким-то несказанным образом почувствовать и в то время. Но разобраться в этом?.. Наше ли это дело? Ведь подобное познается подобным, и о тайне жизненного духовного пути старца может сказать только сопричастный ему человек, как раньше говорили, сотаинник.

Все наши старцы, и времен прошедших, и настоящего, переживали гонения, клевету, непонимание. О причинах того, отчего это происходит, написал современник отца Николая — старец-

архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже извалявшись в скверне греха, а кто отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто и задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои Отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий ухажер — диавол — на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а "вваливается" в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора. Он уже "знает, что такое благодать и как она выглядит", еще не начав быть православным христианином, он становится судьей и учителем. Такие люди примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их теперь».

Наши покаянные слова не означают, что все окружавшие старца люди были его мучителями. Конечно же, это было не так. Среди посетителей старца было немало настоящих подвижников, сама дорога к нему часто была подвигом. У дверей домика старца осуществлялось то, что называется высоким словом соборность. Люди чувствовали единство духовной жизни. Неважно

было, что кто-то может услышать твой вопрос и наставление батюшки. Здесь все было полезно слышать и видеть. Слова, обращенные к одному человеку, были полезными и для других людей.

Батюшка любил людей, получал от общения радость. Он был всецело предан воле Божией, и все, что происходило, воспринимал как должное. И был против того, чтобы что-то изменить в своей жизни последних лет, когда ему это предлагали.

Хотя эту покаянную главку мы все-таки закончим нравоучительными словами одного священника: «Теперь явно, что многое из того, что приписывают старцу — не он говорил, а от него говорили. Не искали воли Божией, а ехали уже с определенным решением: "Я знаю, что надо делать, чтобы было хорошо". Ну вот, старец и благословлял, видя такую внутреннюю установку, а потом человек набивал шишки и начинал учиться серьезной духовной жизни, в которой нет ничего механического. Часто люди ехали именно с такой формулировкой: "Батюшка, помолитесь, чтобы..." А может, молиться нужно совсем о другом? "Батюшка, благословите на то-то и то-то". А может, нужно сначала спросить: "А нужно ли мне это делать?" Но человек уже заранее убежден, что "его дело правое", нужно только благословение получить. Поэтому старец часто на все вопросы отвечал только: "Помоги вам Господи, спаси Господи", то есть как Бог Сам все устроит, так и будет. Надо было внимательно слушать старца. И выполнять его благословение в той последовательности, которую он открыл, а не механически. Старцы, подвижники — это те, кто правильно молится. И Бог дает им свои

дары. А мы все умничаем. Вопросы любим задавать, хотим, чтобы у нас в жизни все поскорее да получше разрешалось. А нужна верная основа жизни для каждого человека — правильно молиться и учиться всю жизнь у Церкви, остальное приложится».

Юродство блаженного старца

Подвиг юродства старец Николай принял на себя в то время, когда к нему стало ездить много посетителей. Давние его духовные чада не припомнят, чтобы батюшка в молодые годы юродствовал. Хотя проявлением юродства можно считать то, что батюшка всегда жил в трудных условиях, не стараясь их улучшить: терпел холод и голод (на острове была большая проблема с дровами, а хлеб тоже привозили не часто, и не всем он доставался), в домике терпел мышей (не давал ставить мышеловку), а когда посетители видели мышиный помет прямо на кровати батюшки, он говорил: «Они мне колыбельную поют: " Спи, батюшка, спи "».

Типичные приемы юродивых: разговор языком жестов и движений, говорения на непонятных языках, чтение стихотворений в ответ на вопросы, детскую игривость — все это батюшка стал употреблять как воспитательные средства, для того чтобы спрятать под покровом юродства прозорливость и дар чудотворения. Но со временем посетители начали понимать язык батюшки. Если он кого-то бил по щеке, то люди понимали, что так старец изгонял какую-то страсть. Если быстро бежал впереди человека, это означало, что его

вскоре откуда-то погонят или обстоятельства сложатся так, что нужно будет бежать. Однажды батюшка сам пояснил значение своего быстрого бега так: «Что вы за мной бежите? Если бы вы в церковь так бежали, как за мной бежите!»

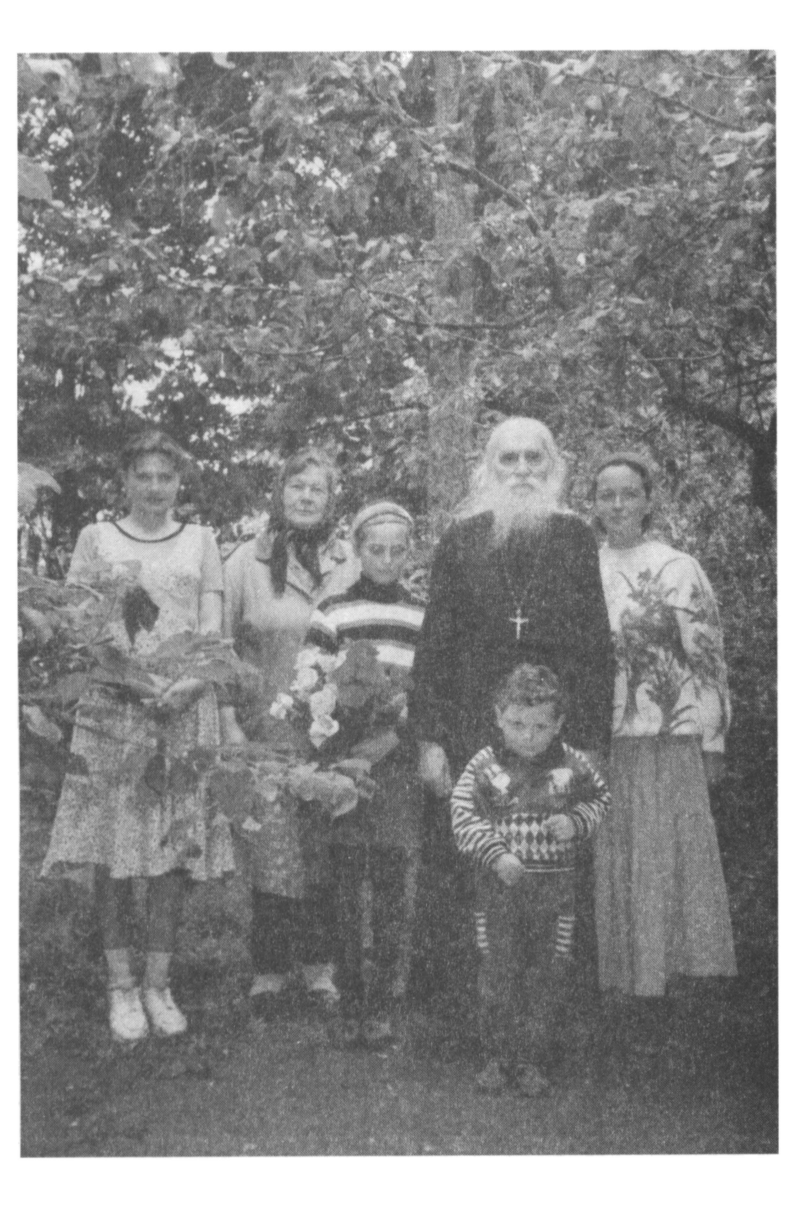
Если старец брал себе какую-то вещь: священнический крест, скуфейку, платок, фотоаппарат, даже епископский посох, а потом возвращал владельцу ее обратно — это означало, что он берет на себя часть служения этого человека, разделяет с ним его крест и благословляет на проходимое поприще. Если начинал усиленно кормить, то горьким, то сладким — значит, делился благодатью или предсказывал испытания.

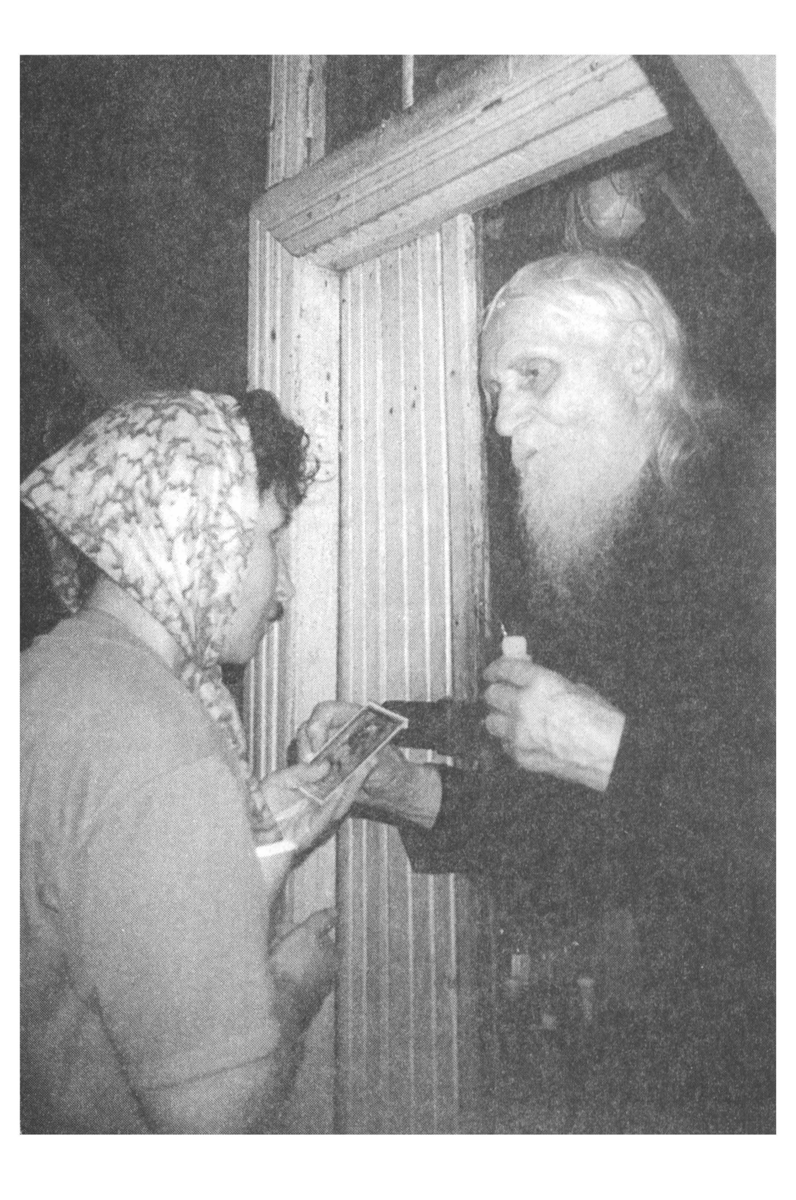
Здесь мы приведем два наиболее ярких примера. Вспоминает настоятельница Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря игуменья Варвара: «Помню, приехал он к нам, сели мы завтракать, а я очень плакала. Он берет мой стакан с чаем, кладет в него сахар, соль, варенье, кусочек селедки. Полил все постным маслом, размешал ложечкой и говорит мне: "Матушка, выпей, только все до дна: и горькое, и сладкое, и кислое — все до дна!" Глотка три выпила и говорю, что больше пить не могу. А батюшка успокоил: "Что не сможешь, я допью", — и допил».[1]

Незадолго до затвора батюшка напоследок напитал любимую свою паству. «Батюшка зашел в домик и вышел снова с булкой хлеба в руках, разделил на всех. Затем снова ушел и вернулся с банкой жидкого малинового варенья и пригласил всех со словами: "Мои драгоценные, мне хочется вас покормить". Все стали подходить по очереди,

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 55.





а батюшка давал каждому по ложечке варенья, причем очень благоговейно, просил подставлять руку, чтобы ни капелька варенья не упала».[1]

Вообще, когда гости бывали в домике у батюшки, он кормил их «до упора», заставлял съесть больше, чем человеку хотелось. Питал своей благодатью на будущее время. А иногда таким образом обличал в грехе чревоугодия и лечил от него.

При этом часто сопровождал свои действия шутливостью.

Особенно обращало на себя внимание говорение на иностранных языках: эстонском, немецком, латыни. Тем самым он предугадывал национальность или местожительство человека, его профессию. Также батюшкачасто говорил формулами. «Сера в воздухе горит — вот и вышел ангидрид. Ангидрид да плюс вода — получилась кислота». Или вспоминал физические законы: «Величина деформации прямо пропорциональна действующей силе».[2] Так иносказательно старец напоминал о смирении, вразумлял человека, что надо приложить усилия, как потрудишься духовно — такой и будет результат. Ибо законы духовные так же непреложны, как законы физики.

Часто, как это и бывает у блаженных, под юродством скрывалось обличение. Духовные стихи пел и читал батюшка всегда со смыслом. Если видел и чувствовал что-то неладное в чьей-то душе, то выбирал нужный духовный стих. Обличения старца не уязвляли душу, а даже веселили поначалу, а потом заставляли

---

[1] Боже, зри мое смирение. С. 190.
[2] Там же. С. 170.

задуматься. Вот что рассказал один из паломников. «Открылась дверь, и на крыльцо вышел батюшка. Он напевал песенку про Иерусалим, которую я часто от него потом слышал. Затем отец Николай зачем-то прочел стишок из курса химии — про альдегид. Посмотрел эдак на нас, еще не благословляя, после чего сказал мне нечто по-эстонски, после чего отец Георгий засмеялся... Потом батюшка Николай еще раз посмотрел на меня и сказал фразу по-немецки: "Учиться-учиться, только не работать". Мы так и покатились со смеху. Это было просто в точку! Во-первых, мама у меня действительно немка, и во-вторых мой склад характера такой, что мне по сердцу больше что-то читать, изучать, чем заниматься физической работой. К тому же я увлекался когда-то химией, делал разные эксперименты в этой области».[1]

В юродивой форме старец обличал женщин, которые носили брюки, даже если (как это и сейчас часто бывает с паломниками на святых местах) они одевали поверх брюк юбки, — таких женщин он называл мужскими именами, часто называл женщину именем ее мужа с ее собственным отчеством. Иногда такое именование означало, что в семье нет лада, и жена всегда стремится брать верх над мужем.

Юродствовал старец не только ради обличения, но, как мы говорили выше, из желания скрыть себя. Так, батюшка никогда не говорил сам проповеди в храме — читал по книжке. Хотя кое-кто заметил, что часто он держит эту книжку «вверх ногами».

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 184.

Но главное, что хотел скрыть батюшка ради своего великого смирения под покровом юродства — это Божий дар прозорливости.

Случаи прозорливости

Рассказов о случаях действия в старце Николае дара прозорливости существует великое множество, почти в каждом из воспоминаний самых разных людей мы находим свидетельства того, что батюшка «видел их насквозь» — прозревал прошлое и будущее, скрытые мысли и поступки. Мог обратиться по имени к незнакомому человеку при первой встрече или при встрече через много (десять!) лет, и потом при постоянном многолюдстве, безошибочно обращаться по имени (хотя при этом и близких людей мог спросить: «А как вас зовут?»). Задавая вопросы об обстоятельствах жизни человека, сам называл город, улицу, место его работы, мог назвать имя духовника и близких людей.

Часто прикровенным образом старец открывал будущую долю. Знаменательны в этом смысле рассказы игумений двух обителей — Пюхтицкой и Горненской на Святой Земле. Монахине Варваре он неожиданно для всех вдруг стал говорить: «Ой, как будут мать Варвару-то сватать!» — «Куда, батюшка, сватать? Варвару постригли в мантию, и — сватать?» А он опять: «Ой, как будут сватать!» В скором времени мать Варвару вызвали в Москву и «сосватали» в Пюхтицы настоятельницей.[1] Когда матушка уже стала

[1] Цит. по: Жил на острове подвижник. С. 62.

игуменьей, батюшка стал ее называть строительницей. И вскоре ей пришлось действительно многое в монастыре строить и восстанавливать.

А матушке Георгии игуменство старец предсказывал неоднократно: однажды привел ее на островное кладбище и велел: «Благослови мою матушку. Крести могилку». Второй раз прислал ей письмо с адресом: «Игумении Георгии». А перед самым назначением на Святую Землю в алтаре своего храма возложил ей на плечи крест.

Монашество старец Николай мог предсказать намного раньше, чем сам человек об этом подумал, мог назвать новое имя в постриге. Но столь же радостно он предсказывал рождение детей, мог назвать пол будущего ребенка, благословлял, каким именем назвать младенца. И с особой заботой относился к тому, чтобы брачный союз был обязательно освящен Таинством Венчания. Вообще, при всех своих высоких дарованиях и прозрениях, старец от приходящих к нему людей требовал в общем-то немногого. Главные вопросы, который он задавал каждому: «Не пьешь? Не куришь? Брак венчанный?» Вернее, он-то заранее знал ответы на все эти вопросы (что не раз и проявлялось), но нужно было, чтобы человек сам исповедовал свой порок и захотел исправиться. И по молитвам батюшки исцеления совершались.

Старец заранее знал, кто едет к нему на остров. Существует немало свидетельств о том, что он посылал встречать человека с тяжелым грузом или сам выходил навстречу долгожданным паломникам. Так же заботливо отец Николай и провожал паломников с острова, — именно в ту минуту, когда их на пути должна была встретить

и забрать с собой попутка или запоздавший рейсовый автобус.

Прозорливость проявлялась по отношению к тем приношениям, которые люди привозили на остров. Часто он не брал приносимое, говорил: «Вам самим нужнее». Или, взяв, например, коробку конфет, мог сказать: «Конфеты я возьму (час-то для того, чтобы тут же их кому-то отдать), а деньги заберите». Хотя он не мог видеть, что в запакованную коробку положены деньги.

Старец видел, с каким сердцем несут ему дары, потому, отвергнув «деликатесы», мог взять самое скромное приношение. Как рассказывает одна женщина: «Перед выездом мама дала мне большой кочан капусты и сказала: "Увези батюшке". Я очень роптала (ведь можно купить на рынке в Пскове, зачем тащить такую тяжесть), но мама настояла. Пришлось ходить по Пскову с этим кочаном, а ноги были стерты до крови новыми туфлями. Зато когда я приехала к батюшке и после разговора с ним все, утешенные и довольные, стали предлагать ему привезенные продукты, он ничего не брал, и только глядя на меня, с веселой улыбкой сказал: "Ну, капусточки из дому, так уж возьму! Раз уж из дому"».[1]

Прозорливость старец проявлял не ради удивления перед необычным даром, а ради спасения душ. Так, батюшка духовным зрением мог увидеть, что на подошедшем к причастию человеке нет креста, и отстранял его от Чаши; мог увидеть и обличить тайные дурные мысли и поступки, предупредить от возможного падения, жизненной ошибки. «Ледок тонок! Идите осторожно!» —

---

[1] Боже, зри мое смирение. С. 50.

часто предупреждал батюшка, тем самым изобличая духовную незрелость человека. Стараясь оградить человека от нерадивой жизни, часто батюшка посетителям своей кельи показывал на картину Страшного суда и говорил: «Это Страшный суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай), а не сюда. Посмотрите, там вечность, и вечное мучение, и горе какое в эту вечность попасть! Боже упаси!»

Бог открыл батюшке время его кончины — это тоже было одним из проявлений его дара прозорливости. Некоторым близким людям незадолго до смерти батюшка говорил: «Мы с вами больше не увидимся». При последней встрече со старейшим священником Псковском епархии, исповедником Христовым и его духовным другом протоиереем Борисом Николаевым старец вдруг сказал: «Давайте споем тропарь Успению Божией Матери». По кончине старца поняли, что он хотел этим сказать. Старец отошел ко Господу во время Успенского поста, незадолго до праздника.

Однажды паломники из простецов спросили старца: «Батюшка, а как же вы это так все знаете?» На что батюшка ответил: «Так простота нужна, ведь где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного».[1] Старец Николай этими словами обозначил тот закон проявления прозорливости в человеке, о котором когда-то говорил прп. Серафим Саровский: «Когда я говорил от себя, то бывало, что и ошибался, а когда давал место Богу, ошибок не было». Старец очень почитал прп. Серафима и говорил: «Мы с ним духовно близки». И воистину для русских людей

---

[1] Боже, зри мое смирение. С. 145.

последнего времени батюшка был таким же светочем любви Христовой и радости, какими был саровский подвижник более столетия назад.

Чудотворения по молитвам старца

Свидетельства о чудотворениях — исцелениях души и тела, явленных по молитвам старца, многочисленны и подобны тем, о которых мы читаем в житиях прославленных подвижников. Будущий составитель официального церковного жития старца (в то, что прославление протоиерея Николая Гурьянова рано или поздно должно свершиться, все мы — почитатели старца — твердо веруем) должен будет составить подробный список с указанием имен и места жительства свидетелей, с указанием того, где, когда и каким образом они получили исцеления благодаря молитвенной помощи старца. Мы же сейчас только проведем классификацию запечатленных в воспоминаниях случаев, то есть назовем наиболее распространенные.

Поражает «широкая специализация» старца при врачевании различных заболеваний. Люди свидетельствуют: придя к старцу с застарелыми недугами, они уходили исцеленными. Множество болезней отступили по молитвам старца. Тут и болезни внутренних органов: почек, желудка, кишечника; гипертония; кожные заболевания; радикулит; разрешение немоты и заикания; разрешение бесплодия. К этим же чудесным изменениям немощной природы человеческой можно отнести и то, что по молитвам старца у людей появлялся музыкальный слух (и они могли петь

и читать на клиросе, что прежде не удавалось), просветлялся ум в познании трудных предметов во время учебы, совершенствовались профессиональные навыки (которые прежде давались большим трудом).

Старец помазывал больные места маслицем, совершал над больным местом крестное знамение, иногда слегка ударял по больному месту, хлопал и поглаживал, дергал за ухо или за нос. Однажды кинул яблочко в толпу и попал в больной глаз женщине, и глаз перестал болеть. То есть за юродивыми действиями батюшка скрывал проявление силы Божией.

Иногда благодаря молитвам старца Николая находилось необходимое для лечения лекарство и опытный доктор, иногда же наоборот, старец действовал вопреки медицине. Так произошло с приснопоминаемым митрополитом Питиримом (Нечаевым). «Батюшка исцелил его от сахарного диабета. Когда они разговаривали в домике, отец Николай вдруг говорит владыке:

— Откройте рот!

— Батюшка, у меня диабет!

— Ничего, откройте рот.

И кладет ему в рот ложку за ложкой сахарный песок. Владыка испугался:

— У меня диабет!

От такой дозы сахара действительно можно было умереть. А старец, пока владыка этот сахар пытался проглотить, все приговаривал:

— А вы говорите "диабет"!

Так произошло исцеление. А еще он дал владыке с собой пирожки для больной сестры».[1]

---

[1] Остров Божественной любви. С. 390.

Также против медицинских показаний произошло явное исцеление больного ребенка. У девочки был рак и несвертывание крови, она уже была приговорена к смерти. Мать поехала с обреченной дочерью на остров. «Подошла к воротам, прижалась лбом и начала молча, про себя, молить: "Батюшка Николай! Спаси, спаси! — дите мое умирает!" Так я молилась и рыдала...

И вот что произошло. Через какое-то время открылись ворота и выходит кот. Подходит он прямо к моей дочери, и та начинает с ним играть. Мы с мужем приходим в ужас: вдруг он ее поцарапает, кровь-то не сворачивается! Кот действительно царапает дочку... Мы цепенеем и ждем самого страшного. А кровь... покапала и перестала».[1]

Последний случай показывает, что главным в исцелении была молитва, а внешние действия второстепенны.

Зачастую поначалу люди и не замечали, что с ними произошло. Только вернувшись домой, и, придя на очередное медицинское обследование или сдав анализы, к удивлению врачей они обнаруживали, что от болезни не осталось и следа.

В тех случаях, когда исцеление было тут же явлено болящему, старец часто говорил по-евангельски: «Только не оставляйте духовной жизни».

Верующие врачи признавали чудотворный дар старца и изумлялись ему. Известный в Петербурге специалист в области УЗИ диагностики А. О. Терещенко рассказывает: «Одна моя пациентка ездила за два года до его кончины к старцу

---

[1] Жил на острове подвижник. С. 222.

с вопросом: надо ли ей делать операцию по причине камней в почках. Старец ответил: "Пока не надо, а вот через два года благословляю". И крестик дал, как благословение, а потом добавил: "А иконочку передай Нине". Никакой Нины она не знала, так и досталась у нее до времени эта иконочка. А та самая Нина, как выяснилось потом, рвалась в это время на остров и не могла попасть.

И вот через два года обе эти женщины оказались в больнице в одной палате, после операции. Познакомились — и икона нашла своего хозяина».[1]

Главным в чудотворениях-исцелениях старца Николая было то, что он ставил правильный диагноз болезни души и помогал человеку покаяться. Таким образом происходили многочисленные освобождения от пристрастия к табаку и алкоголю, водворение мира в семье, приход к вере людей, проживших долгие годы в атеистическом плену.

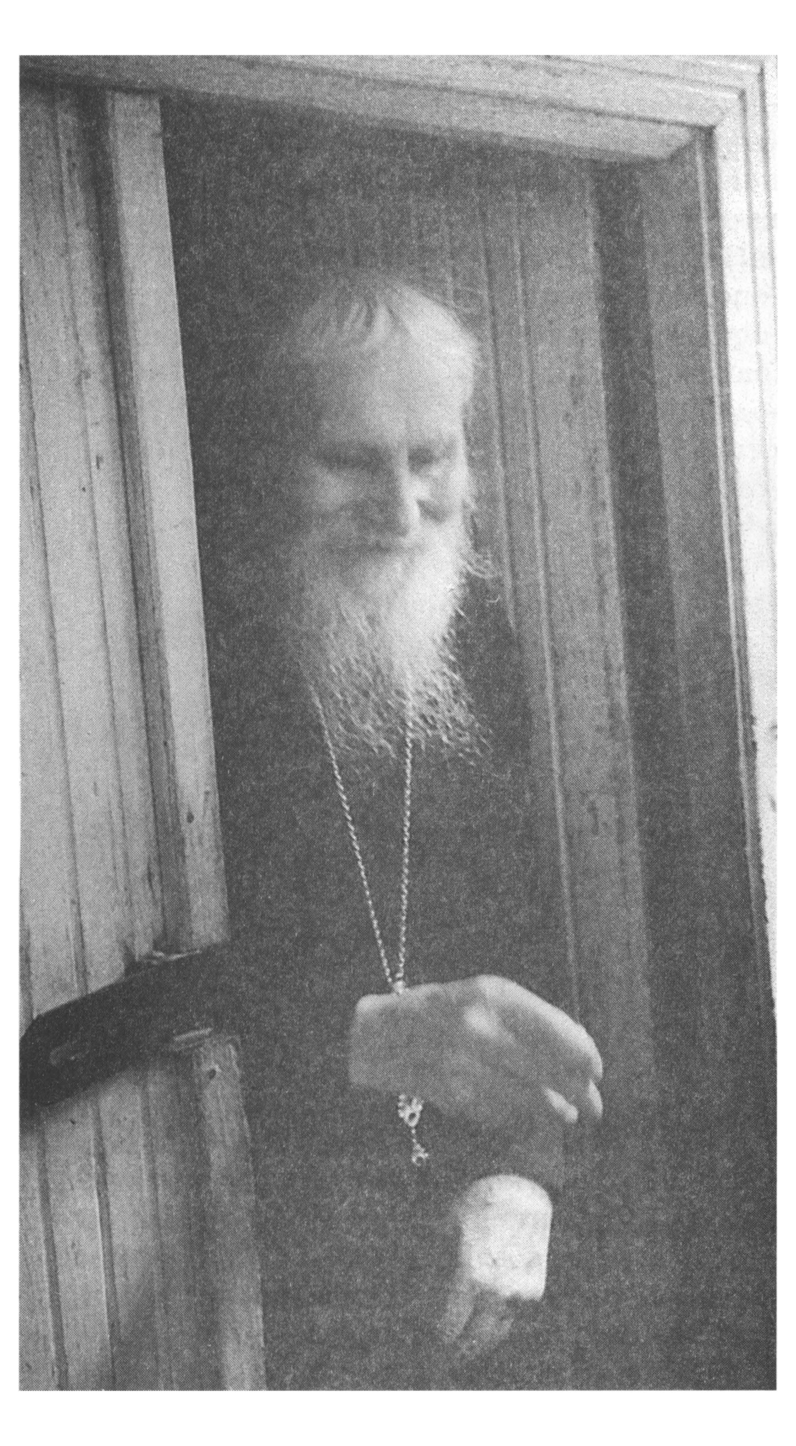
И еще: видевшие, как батюшка сострадает больным людям и вообще всем, его посетители учились состраданию друг другу, взаимопомощи, поддержке. А это служило спасению души. Надеемся, что и наш рассказ заставит кого-то проверить себя: как мы относимся к нашим ближним, учимся ли чему-то у батюшки?

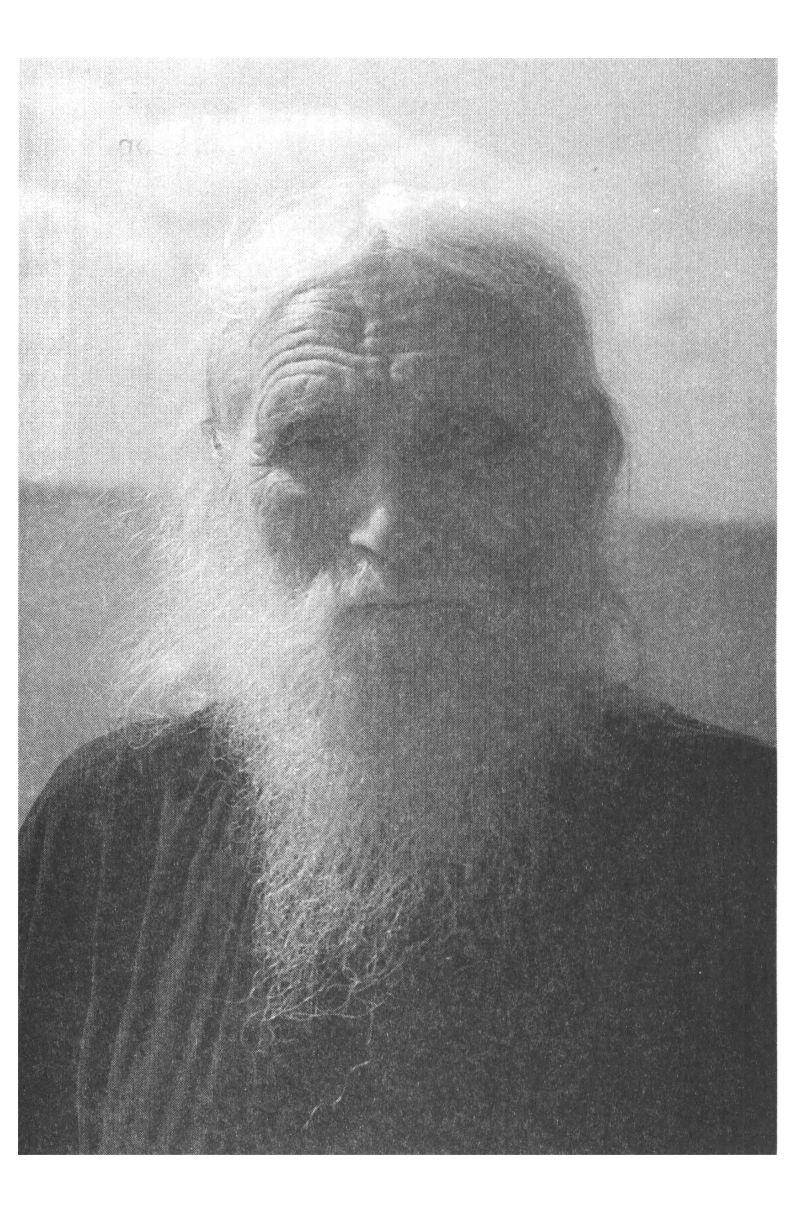
Исход в Вечность

По словам врачей, которые постоянно посещали старца на протяжении последних лет его

---

[1] Остров Божественной любви. С. 313.





жизни, его физические муки были непрерывными. Но старец никогда не жаловался на свои страдания. Вот что написал об этом профессор Военно-медицинской академии В. А. Гориславец: «При исполнении своего врачебного долга во время продолжительной тяжелой болезни батюшки Николая я особенно отмечал его смирение и терпение. На первый мой вопрос: "Каково Ваше здоровье, дорогой батюшка?" — следовал, как правило, ответ: "Да все хорошо". По прошествии определенного времени пребывания в келии узнавал, что головные боли у батюшки Николая были практически постоянные в течение последних трех лет».

Также поражался терпению и вере старца священник, приезжавший его причащать в последние годы жизни — протоиерей Валериан Кречетов, духовник Московской епархии. Но он же признавался, что при всех телесных немощах отец Николай оставался прозорливым старцем. «Отец Николай был непрост. Он не у всех причащался: скажет, что уже поел — и все. В следующий раз я все поставил, приготовил Святые Дары на столе. Матушка Николая пошла сказать, что отец Валериан приехал его причастить. Батюшка вышел, я спросил: "Батюшка, хотите причаститься?" — "Нет, я уже поел, не буду причащаться". Матушка огорчилась, а я: "Ну что же, батюшка, не будете — значит не будете, дело ваше". Он увидел, что я со смирением, не стал настаивать, учить старца, что ему делать, и вскоре сам сказал: "Ну, давай причастимся". Потом он меня как-то спросил: "Батюшка, а вы будете причащаться?" — причастился и я вместе с ним. Дело в том, что молодые священники часто начинали уговаривать: "Нужно", — поучали старца».

И в великой телесной немощи, сковавшей старца в последний год, он продолжал воспитывать близких людей. Тот же отец Валериан вспоминает: «Я знал, что батюшка мог стукнуть по щеке, обычно он бил по левой. То одного похлопает по щеке, то другого. Батюшка с любовью большой это делал. Говорят, что он отгонял этим *его.* За много лет, сколько я ездил к нему, старец никогда меня ни разу не стукнул. Мне даже было грустно оттого, что он меня никогда не тронул, потому что кого Бог любит, того и наказует... Зато потом отец Николай дал мне как следует, да так сильно, что у меня в голове все затряслось. Ну, дождался и я... Я вроде попросил, так он и дал. Старческое в нем было — это несомненно».

Погребение

Старец Николай Гурьянов отошел ко Господу в субботу 24 августа 2002 года в 17 часов 30 минут. Тысячи людей со всех концов России собрались на маленьком острове, чтобы проводить в последний путь своего духовного отца, наставника и молитвенника — великого старца. В погребении участвовали два владыки: архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий и Никон, бывший епископ Екатеринбургский, живущий на покое в Псково-Печерском монастыре, а также сорок служащих священников. Переживания сонма паломников, провожавших батюшку в последний путь, прекрасно передал писатель Игорь Изборцев: «Последнее целование... Редкие удары колокола... Звук от каждого удара повисает над островом, а потом, вытесняемый следующим за ним,

уплывает прочь скорбным вестником вселенной... Гроб трижды обносят вокруг храма. Плотный человеческий поток, словно самое озеро выплеснулось на улицы острова. Множество сосредоточенных, самоуглубленных и оттого необыкновенно привлекательных лиц, подкупающих достоверностью переживаемого чувства, — прощания с самым, быть может, дорогим человеком, — лиц по-детски чистых, просветленных близостью небесного, вечного. Отброшены неудобоносимые бремена апостасийной действительности. Где вы, химеры мира? Нет вас...

В такие мгновения невольно проникаешься мыслью, что народ действительно дитя, нуждающееся лишь в одном Отце — Небесном, и увлекаемое к горнему земными пастырями, такими, как отец Николай...

Похоронная процессия движется к месту последнего упокоения старца. Впереди — пожилой мужчина. Он несет крест, бережно прижимая его обеими руками к груди. Это раб Божий Василий — давнее духовное чадо батюшки Николая... Некогда старец благословил Василия на строительство храма в честь пророка Божия Илии в Островском районе. Места там глухие, разоренные лихолетьями и настолько отдаленные от каких-либо денежных потоков, что местным крестьянам самим впору идти по миру с кружкой для пожертвований, однако батюшка, благословляя, успокоил: "Построите с Божией помощью". Теперь храм построен и действует — о. Николай не говорил пустых слов!

Святейший Патриарх Алексий II назвал протоиерея Николая Гурьянова одним из столпов русского старчества, отметив, что отец Николай

имел не только огромный жизненный опыт, но и неистощимую любовь к людям; что, несмотря на свой преклонный возраст, отец Николай старался каждому приходящему к нему сказать ободряющее слово, духовно укрепить скорбящих. Весть о кончине быстро разнеслась по всей России, и во многих храмах стали возносить молитвы о упокоении души новопреставленного раба Божия протоиерея Николая.

"Уход такого человека — невосполнимая потеря не только для родных и близких, но и для всех его духовных чад, — сказал Святейший Патриарх. — По-человечески жаль, что в нынешней жизни более не будет возможности обратиться к отцу Николаю за советом, за духовной поддержкой"».[1]

По прошествии времени исполняются слова батюшки: «*Когда я уйду, то будете приезжать ко мне на остров, как и прежде*». Паломничество на остров не иссякает, по-прежнему люди получают исцеления от «иерусалимского маслица», которые ныне налито в лампадку на могиле, получают душевное утешение в открытой для посещения келье старца, молятся в восстановленном старцем храме его небесного покровителя святителя Николая.

Слово жизни

Когда уходят из земной жизни праведники, мы стремимся узнать их завещание. Приснопоминаемый старец Николай оставил нам свое завещание в книге «Слово жизни».

---

[1] *Изборцев Игорь.* В руце Твои, Господи... С. 120 – 121.

Бледными устами
Священник Слово пел,
Печальными очами
Он на мир глядел.
И клавиши, сроднившись,
С недужными перстами,
В тиши уединившись,
Как будто пели сами.
О, сколько в этих звуках
Невысказанной боли...

Таким видели старца, протоиерея Николая Гурьянова, его ближние. Отец Иоанн Миронов вспоминает, как любил старец попеть вместе с кем-то из паломников духовные песнопения, сам аккомпанируя на фисгармонии. «И поплачем вместе, и помолимся — и так хорошо на душе, — рассказывает отец Иоанн. — Батюшка всю жизнь собирал псалмы. Просил, чтобы ему привозили все, что услышишь или найдешь в дореволюционных книгах для народного пения. Многие песнопения он сам положил на ноты. Показывал я рукопись батюшки профессору ЛДА Н. Д. Успенскому — литургисту. Он одобрил. Батюшка потом благословил издать книгу "Слово жизни". Вот уже три раза она переиздавалась. В ней — вся жизнь батюшки. Ни одной минуты он не пропускал, как мы, грешные, вся жизнь его — с Богом и ради Бога прожита».

После этих слов отца Иоанна мы попробовали по-новому перечесть «Слово жизни». И дерзнуть написать о том, что открылось в этом молитвенном чтении. Да, книгу старца нельзя читать как обычную книгу стихов,

вникая в эстетические достоинства. Вообще эту книгу не стоит — как это делают некоторые — оценивать с точки зрения художественности. Не для этого она собрана, составлена и издана. А для чего же?

Вот что сказал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш): «Вы замечали, что отец Николай часто спрашивал: "А у вас есть моя книга?" Дарил ее, если у человека ее нет. И добавлял: "А ты пой по ней". Я на себе это испытал — какую благодатную помощь оказывают песнопения из "Слова жизни". Каждый человек, живущий духовной жизнью, знает периоды уныния. Это тяжелейшее состояние, когда даже молиться не можешь. И вот именно тогда помогает пение этих бесхитростных, простых на первый взгляд кантов. Через них получаешь благословение старца, его помощь. Потому что они отражают ту борьбу, которую перетерпел он сам, и дают приобщиться к его опыту преодоления немощи человеческой благодатию Божией».

...Ступи ж Божественной стопой
На волны сердца моего,
Оно умолкнет пред Тобой
И вкусит мира Твоего.

...Дух, скорбию стесненный,
Сдавила грусть свинцом,
И в плоти моей бренной
Под тяжким я крестом.

Все собранное в «Слове жизни» — это свидетельства о Божьей благодати. Это рассказ,

от страницы к странице, о том, что такое благодать и как она действует в человеке. Поэтому эти стихи не сопоставимы ни с какой светской поэзией: там на первом месте стоит «я» автора, а здесь — благодать Божия. И даже включенные в сборник хрестоматийные произведения М. Лермонтова, Г. Державина, А. Хомякова, Ф. Глинки, Я. Смелякова преображаются — они становятся в иной ряд, не в тот, в каком существуют обычно (творческий путь того или иного поэта). В «Слове жизни» важно не то, кто написал эти стихи, а о чем они. Эта книга составлена как памятник соборного творчества. Вспоминаю, как вместе с детьми мы пели «О, дивный остров Валаам» на палубе теплохода, заходя в монастырскую бухту. Было чувство, что через это пение мы общались с отшедшими поколениями, с теми, кто до нас пел эти слова на том же самом месте. С теми же чувствами поют паломники кант «Гора Афон, Гора Святая», подплывая к Пантелеимонову монастырю на Святой Горе. «Прощай же, обитель святая» — этот кант пели старушки-монахини, поминая закрытый монастырь, и этим пением приобщали молодое поколение к тем переживаниям, которые выпали на долю исповедников Христовых в нашей стране в начале XX века.

Низкий-низкий поклон батюшке Николаю за то, что он собрал все эти воздыхания народной души и соединил их под одной обложкой. Они — правда о Руси народной, о той, которую так старательно уничтожают уже почти столетие. В «Слове жизни» звучит бесхитростный, чистый народный голос простых прихожан, которых так мало осталось... Ведь мы — молодое поколение —

в основном все «умники», сухие рационалисты, эстеты, «богословы» и прочие специалисты. И нам так нужно напоминание, что главное в жизни — не эти «достижения», а ласка, тепло, любовь, всепрощение, родственное внимание к людям.

Все эти песнопения — дар нам, плененным «окамененным нечувствием». Они — если их петь, а не читать, как обычную книгу стихов — могут расшевелить душу, разбудить ее, размягчить. В «Слове жизни» перед нами предстает картина народных бедствий: сиротства, вдовства, бесприютности, пьянства. Мы видим образы великих страданий Богочеловека, Его Матери, Его святых. Мы слышим слова утешения ко всем страждущим и унывающим, призыв стремиться «от тленности земной к вечности небесной». И так хорошо, когда прихожане во внебогослужебное время поют все вместе... Для того чтобы петь стихиры, каноны, тропари, нужно знать нотную грамоту, да и церковнославянский язык неплохо знать — не всем это под силу, а вот эти простые слова, подобранные к простой мелодии, для всякого доступны.

Дух книги отца Николая можно сравнить с духом писаний преподобного Силуана Афонского — это то же предстояние Творцу за весь страждущий мир, это «Адамов плач» за всех и за вся, это оплакивание земной жизни перед лицом грядущей смерти и Суда.

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым, промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки,
Уж недалеки от меня.

Часто повторял старец эти строки приезжающим к нему паломникам. Посылал их помолиться на кладбище, что напротив его домика, где могилка его мамы, а теперь и его могила. Там на память приходит песнопение «И мы будем таким...».

Познай, откуда ты и кто,
Зачем пришел, куда идешь.
Что ты велик, и ты — ничто,
Что ты бессмертен, и умрешь.

Перелистывая «Слово жизни», мы как будто слышим беседы старца с Господом. Они рождены желанием воспеть, прославить то, что дорого, выплакать то, что тяготит, — в них живая душа. Они нам показывают, что такое живая душа, душа, которая «скучает по Богу и слезно ищет Его». Душа, которая «бегает бессловесия», которой недостаточно только «выполнять правила», она живет жаждой выразить Творцу и Создателю все свои движения — и скорбные, и угнетающие греховным наваждением, и радостные. «Слово жизни» — это разговор со своей душой, это, как сказано в предисловии к книге, — «проповедь самому себе».

Вот он, блаженный пустынник,
взыскующий
Века грядущего благ неземных.
Вот он, в скорбях, как мы в счастье,
ликующий,
Душу готовый отдать за других!
...Силою он одарен благодатною:
Чуткой душой прозревает он вдаль,
Видит он язвы людские, невнятные,

Слышит он вопли, — и всех ему жаль...
Учит искать он богатство нетленное,
Чтоб не владела душой суета, —
Ибо все мира сокровища бренные
Нашей душе не заменят Христа!

Когда поешь или читаешь это стихотворение Леонида Денисова о преподобном Серафиме из книги «Слово жизни», видишь не только во славе Отчей пребывающего преподобного, но и нам на утешение данного смиренного старца Николая с Талабского острова. Сам он о себе в конце книги говорил:

А я? Лишь утро наступает,
Стою пред образами.
Вам в помощь Бога призываю,
С надеждой, верой и слезами.

Прошу я Необъятного,
Не познанного Вами,
Спасти от неприятного
Семью и Вас с друзьями.

«Отец Николай для нас как скорая помощь, — сказал мне один паломник, — и не только при личной встрече он помогал, но помогает и через вылившиеся из его души слова, положенные на ноты в "Слове Жизни"». Помогает и после блаженной кончины своей. Как он сказал одной паломнице, подарив ей свою книгу и прижав ее к сердцу: «Я тебе все сказал», благословил черпать со страниц собираемой им почти всю жизнь книги, ответы на трудные духовные вопросы.

Краткие изречения старца Николая. Чему учил старец

Чтение старцем Николаем одних и тех же стихов разным людям, так же как и вынужденные прилюдные исповеди у калитки, созидали то, что можно назвать высоким словом соборность, а попросту: делали всех родными, близкими друг другу, народом Божиим.

Поэтому мы считаем, что и те краткие изречения старца, которые запомнили и записали отдельные люди, значимы не только для того человека, к которому они были обращены, но и для всех нас.

Батюшка вообще говорил мало, видимо, он был от природы молчалив, потому его редкие высказывания были афористичными — в одной фразе заключалась целая жизненная программа. Потому так ярко запоминалось все сказанное старцем.

Краткие изречения мы извлекли из вышеназванных воспоминаний и писем старца.

«Будьте всегда радостны, и в самые тяжелые дни вашей жизни не забывайте благодарить Бога: благодарное сердце ни в чем не нуждается».

«Ты не рвись, а молись святому (тому, кому был посвящен храм), и он все устроит».

«Все слава Богу! Все будет хорошо. Господь поможет».

«Живи просто — доживешь до ста».

«Пекись о своем мире душевном, вот и в мире будет порядок».

«Радуйтесь, ведь вы с Богом».

«Радуйтесь, что вы верующие, православные».

«Ходи в храм и веруй Господу. Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец. Смирение и молитва —

главное. Одна черная одежда — еще не смирение».

«Поздравляю вас с очищением совести» (после исповеди).

«А ты хорошо выучил, как пишутся частицы "не" и "ни"?»

«Положитесь, дорогие мои, на волю Божию, и все будет так, как вам нужно».

«Мы с вами, моим драгоценные, самые счастливые, потому что Господь с нами, Царствие Небесное здесь и Ангелы Божии рядом...»

На вопросы отец Николай обычно отвечал кратко: «Благословляю... Не надо... Пусть потерпит... Не скажу... Все будет хорошо». Чаще всего говорил: «Надо помолиться».

«Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться».

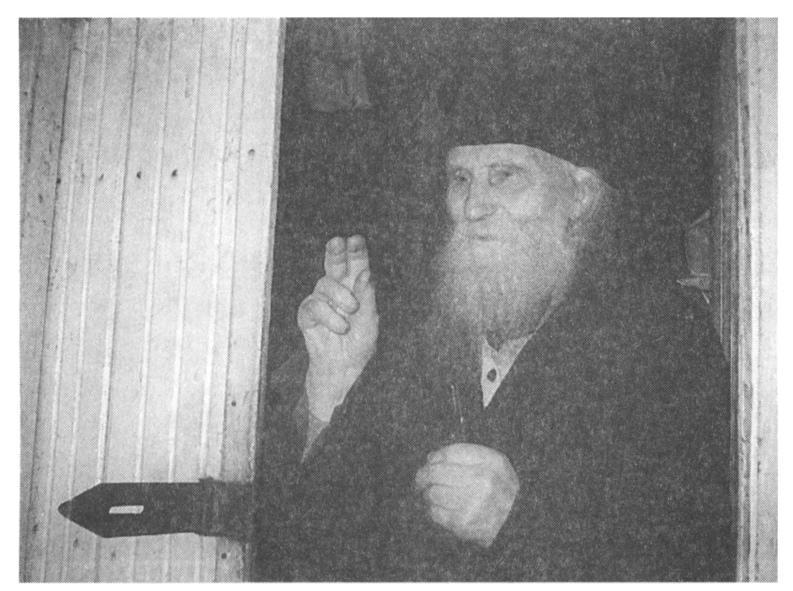
«Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом».

Иносказание о нашем состоянии и общем состоянии мира: «Облака, осень скоро, холодает, а потом зима, лед, а по льду скользко ходить. А мы еще и танцуем. Так можно упасть и разбиться».

«Только не оставляйте духовной жизни».

«Ведь какое счастье, мои драгоценные, что вы сохранили Истинную Веру! И если кто будет вам обратное говорить, не верьте. Ведь это мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. Но только, мои драгоценные, горе будет нам дома, если мы в гостях были, да что-то нехорошее делали.

Мы сейчас в гостях, а пойдем домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Но там, дома, двоякое направление жизни — там вечная радость для праведников и страшный геенский огонь для грешников. И это не какие-то выдумки, нет, это — Истина.



Я только хочу сказать вам, мои драгоценные: берегите растительный и животный мир... Ведь посмотрите, как все Бог устроил».

«Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться, чтобы Господь их избавил от вражеского помрачения».

«Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом».

«Радуйтесь и благодарите Бога, что вы родились в России, что вы — православные».

Любил повторять псаломские слова: «Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие».

«Никогда не снимайте крестик. Читайте утренние и вечерние молитвы обязательно».

«Можно спасаться и в семье, и в монастыре, только живи свято мирной жизнью».

«Цель нашей жизни — вечная жизнь, вечная радость, Царство Небесное, чистая совесть, покой — и все это в нашем сердце».



«В первую очередь любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: "Трудящийся да яст", то есть кто работает, тот и ест».

«Не огорчйтесь, Роднуша, за посещение неприятностей, это — спутники жизни в наших оздоровлениях».

«Свет Божий не без добрых людей. И вы, в свою очередь, будьте со всеми в любви и светлой радости».

«Милая сестрица, принесем в жертву Спасителю нашему все свои лучшие чувства: волю, любящее сердце, крепкую Веру. И будет пребывать Господь в сердцах наших ныне и во веки».

Проходят годы, мы вспоминаем те или иные слова старца и только сейчас начинаем понимать, почему он так говорил, что значили его слова.

Из всех вышеприведенных слов, да и из всего жизнеописания старца Николая мы можем

составить ответ на вопрос: чему учил батюшка людей? — Учил духовному бодрствованию (или трезвению) и собранности, терпению, послушанию, скромности, устремленности к Вечности, при этом — бережливому отношению к ближним, жалости, скромности, трудолюбию, стремлению к постижению воли Божией и недопущению уныния. В целом — не головному мудрованию, а устремленности к жизни по евангельским заповедям.

«Слава Богу за все, слава Богу за все, слава Богу за скорбь и за радость!»

Посмертное почитание старца Николая

«В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится». Эти слова из церковного песнопения вполне приложимы к приснопоминаемому протоиерею старцу Николаю Гурьянову. Память о нем не оскудевает. После его кончины вышли в свет уже несколько книг с воспоминаниями, фильмы о нем, аудиозаписи, тиражируются фотопортреты старца.

Одновременно распространяются и «слухи злы», которые направлены на то, чтобы вызвать раскол среди верующих, но память старца «от слуха зла не убоится».

Поток паломников на остров к старцу не уменьшается, из года в год в день его памяти у скромного домика, который теперь открыт для посетителей, на кладбище у могилки батюшки собираются сотни почитателей подвижника. Они делятся друг с другом рассказами о том, как батюшка помогает им и после кончины, о том, что



его фотографии издают благоухание, а в некоторых случаях замечено и мироточение.

Свидетельства о святости старца паломники получают и на Афоне, и в Иерусалиме. У многих афонских монахов (необязательно русских) есть портреты старца. Так один из паломников рассказывает: «Когда мы были на вечерней службе в сербском монастыре Хиландаре, духовник принимал у меня исповедь. Я решил подарить ему фото отца Николая, так как взял с собой целую пачку, чтобы дарить людям. Он взял фотографию, посмотрел и сам назвал имя: «Отец Николай!» И убрал фотографию к себе в шкафчик. Потом я узнал, что духовники некоторых афонских монастырей, в том числе и отец Тихон из Хиландаря, приезжали на остров к батюшке Николаю. Для меня это поразительно. Ведь Святая Гора — центр сосредоточения монашеского опыта более тысячи лет. Можно сказать, что это «институт старчества», здесь возросло много старцев, в том

числе современных. И вот с Афона монахи ехали на какой-то далекий остров в России, чтобы увидеть святого».[1]

Думается, что все паломники, которые хотя бы раз посетили нашего любимого батюшку, старца-протоиерея Николая, никогда не забудут этих минут общения с ним и тех чувств, которые они прожили сообща. Это — прочный фундамент того народного почитания, которое, веруем, со временем будет только шириться. Ныне о старце через книги узнают и люди, никогда не бывавшие на острове, и они чувствуют «благоухание святости», что исходит от всего облика старца и стараются «приникнуть к святыне». Хотя здесь хочется предостеречь от самодеятельности, которая противна смиренному и послушническому духу старца Николая. Появились самодеятельные иконы и акафист, составленный столь безграмотно, что обличает незнание его составителем самого жанра этого сугубо церковного молитвословия. «Кому Церковь не Мать, тому Бог не отец», — говорил батюшка. Когда Церковь официально прославит угодника Божия, тогда будет составлен канонически правильный акафист, будут написаны канонически безупречные иконы. А сейчас, как делал это и сам батюшка по отношению к непрославленным подвижникам, мы можем поставить на полочку его портрет и поминать старца на келейной молитве, прося: «Помяни Господи во Царствии Твоем присноПоминаемого протоиерея старца Николая и его святыми молитвами помилуй нас, грешных».

---

[1] *Белов А.* Путеводная звезда // Остров Божественный любви. С. 392.

Посещая могилку старца, мы можем обращаться к нему, как к живому (как заповедывали все наши подвижники), просить его помолиться о нас, чтобы Господь управил нашу жизнь по Его святой воле, чтобы помог и защитил наших ближних, чтобы сохранил Отечество наше от «глада, мятежа и междоусобныя брани», да и сколько еще воздыханий сердечных готов услышать наш любвеобильный батюшка. Потому что любовь не умирает.

И давайте не будем обличать друг друга, не будем вспоминать ошибки и грехи других людей (даже в книгах, посвященных самому батюшке), не будем «приватизировать старца» (как будто кому-то он открылся полнее, чем всем остальным, и только кто-то один имеет право писать и говорить о нем), а напомним себе вечную истину, что «именно любовью христиане должны отличаться от других людей, именно по наличию любви Господь узнает Своих чад».[1]

---

[1] *Николая (Виноградова), игумения*, строительница Московского Иоанно-Предтеченского монастыря. Цит. по: Жил на острове подвижник. С. 172.

Воспоминания о старце Николае Гурьянове

Добрый пастырь[1]

Протоиерей Олег Тэор

Познакомились мы с отцом Николаем тридцать лет тому назад. Я еще не был тогда священником, просто трудился в его приходе, в Самолве, где около храма похоронен его отец. Впоследствии я побывал и в тех деревнях, где прошло детство отца Николая.

Несколько раз отец Николай посылал весть, чтобы я к нему приехал. В то время расписание катеров было таково, что на острове можно было пробыть не более полутора часов. В мой первый приезд батюшка примерно за пятнадцать минут дал мне очень ценные рекомендации для диаконского служения, к которому меня готовили. Эти рекомендации никто до отца Николая не догадался мне дать. Он не только заботливо объяснял и показывал все нужное для практики, но и меня заставлял за ним повторять. Такое внимание очень тронуло меня и надолго запомнилось. Я стал часто приезжать к отцу Николаю. Подолгу оставался у него, ночевал, старался все фотографировать. Отец Николай показывал мне свои фотографии, грамоты, стихи. С конца 1970-х годов

---

[1] Цит. по: Не прощай, а здравствуй. Воспоминания о старце Николае Гурьянове. Изд. 2-е. М., 2004. С. 50 – 55. Печается с разрешения протоиер. Олега Тэора с его устными добавлениями в текст.

я стал ездить к старцу Николаю на остров, иногда виделись и в Пскове — в Троицком кафедральном соборе, где я много лет служил.

В храме святого благоверного князя Александра Невского, который мы восстанавливаем с 1992 года старец Николай не бывал. Хотя можно сказать, что восстановление храма и вообще все духовническое служение за прошедшие годы проходило по молитвам старца. Я не только ездил на остров за советом по поводу строительных и пастырских дел, но и часто получал от старца предупреждения о каком-то искушении, — в посланном с острова письме.

Сохранилось немало писем старца — в основном это поздравления с большими праздниками. Характерно обращение старца к адресату: «Боголюбезнейший отец Олег!» И заключение: «С любовью к вашим боголюбиям. Протоиерей Николай». Теперь даже обрывки бумаги, на которых писал письма старец («батюшка экономил бумагу»), стали реликвией. И каждое слово, написанное старцем, служит отражением его благородной и тихой жизни. Отец Николай был очень скромный.

У отца Николая была, можно сказать, детская простота и чистота. Он очень любил и ценил красоту. Хорошо понимал искусство: поэзию, музыку. Сам сочинял стихи, хорошо играл на фисгармонии, очень красиво пел духовные песнопения. У меня сохранились некоторые записи. Я очень переживал, чтобы стихи его не пропали, потому что они были напечатаны на машинке в единственном экземпляре. Рад, что они сейчас вышли в свет.

Батюшка очень любил природу. Насадил множество деревьев, украсив пустынный до него

остров, который почти не посещали даже птицы. Мы часто поливали с ним эти деревья. Тогда они были еще маленькие. Саженцы он привозил или получал из самых разных мест. Ему их присылали отовсюду. Везде его знали и очень уважали. Некоторые цветы он получил из Эстонии, из Тартусского университета.

Зимой отец Николай кормил птичек, которые стали жить на острове. Под его окнами всегда было развешено сало. Зная батюшкину любовь ко всему живому, к птицам, мы тоже приносили для них хлеб. Но от тех же птиц отцу Николаю приходилось спасать свои деревья, так как большие птицы садились на их верхушки и ломали. Были целые недоразумения по этому поводу.

Присутствовал я и на литургиях, когда служил отец Николай. Служил он красиво, хорошо, благодатно. Часто читал народу или говорил поучения. Храм у него освещался только свечами и лампадами. По приезде он сам срезал электрическую проводку.

Помню, как во время проскомидии, на которой была гора записок, я спросил, сколько частичек вынимать из просфор. Он сказал, что в одной мучинке — миллион частичек. Но поминал он всех, о всех молился. Много к нему ездило народу, оставляли записки, и всех он помнил. Ходили к нему и мать моя, и тетя. Однажды отец Николай показал моей тете записочку, которую она написала несколько лет назад. Значит, он продолжал молиться об этих душах. Раньше клирос у него пел тихо, скромно, потому что было оскудение в верующем народе, и мало кто шел работать в церковь. В советское время было даже

запрещено звонить в колокола по церковному обычаю. Звонили либо в туман, либо во время бедствий. Однажды был случай, когда во время чтения Евангелия зазвонил колокол. Мы с отцом Николаем поразились, но оказалось, что где-то пожар.

Батюшка был нестяжательным и очень воздержным в жизни. Церковное хозяйство он вел экономно, никогда ничего не выбрасывал. Сам все мастерил, пек просфоры. Всегда имел запас для богослужения: масло, кагор, свечи и прочее. Но при этом помогал нуждающимся храмам.

Когда я трудился на одном заброшенном приходе, который из-за нехватки средств на ремонт должен был закрыться, отец Николай старался оказать мне посильную помощь, даже если сам не имел средств. Например, он смастерил и подарил в храм лампады, очень красивые, на цепях, искусно сплетенных из медной проволоки. Их было около десяти. К сожалению, они не сохранились, так как я оставил их в том храме. Храм не отапливался. Зимой мне было там очень холодно, особенно, когда в родительский день приходил в четыре часа утра совершать проскомидию. Зная это, отец Николай подарил мне свою шубу — особую зимнюю рясу на меху, с деревянными застежками.

Помогал отец Николай и молитвами, и советами. Он не только мне лично говорил все, что нужно, но, бывало, и через кого-нибудь неожиданно передавал совет, как поступить. При этом другие ничего об этом не знали. Батюшка чувствовал и прозревал все мои трудности. Подобных отцу Николаю я пока еще не встречал, хотя знаю много опытных духовников, у которых

также получаю помощь в трудных духовных случаях.

Батюшку я оценил с первой же встречи и очень почитал его всегда. Меня удивляла его прозорливость. Он предвидел многое и, если нужно было, говорил то, что потом сбывалось. Например, был такой случай. Отец Николай всегда помнил о смерти, о своей к ней подготовке, часто говорил на эту тему и наказывал, в чем его хоронить. Однажды он обещал одной своей духовной дочери, что она будет на его похоронах. Другая, по имени Антонина, тут же заявила: «И я буду, батюшка. Обязательно приеду». А он так прикровенно и говорит: «Да нет, ты дома будешь». И оказалось, что эта Антонина умерла. А та, которой было обещано присутствовать на похоронах, действительно там была. И мне батюшка говорил, что я его похороню. Так и вышло.

Сейчас я тоже чувствую его молитвенную поддержку. Бывает, что, когда его поминаю, мне идет помощь. Отец Николай имел и дар исцелений. Молитва его была очень действенной. Одна его духовная дочь так тяжело заболела, что врачи признали рак. Она себя чувствовала очень слабо, лицо ее было бледное, прозрачное. Работала она на тяжелой работе, где ей приходилось иметь дело с вредными для ее здоровья химикатами. Врачи рекомендовали ей перейти на другую работу. Но отец Николай не благословил. Больная послушалась. Прошло уже много лет, а она, по молитвам батюшки, поправилась и живет до сих пор. Когда я сильно заболел, отец Николай тоже очень убежденно уверил меня, что Господь исцелит. И действительно, я исцелился.

Все, что делал отец Николай, было направлено на спасение людей. Всех он любил и жалел, покрывая любовью и тактом людские немощи. Так, батюшка, обличая, часто шутил или говорил иносказаниями. Бывало, чтобы указать чей-то грех или кого-то наставить, он пел духовные стихи на нужную тему. Даже когда угощал гостей, не обходился без каких-то скрытых намеков или наказов. В последние годы все почему-то сахарным песком угощал. Зачерпнет и даст, потом еще зачерпнет и даст.

Отец Николай был очень доверчивый, хотя и видел людей насквозь. Доверчивость эта исходила из его доброты и милосердия, из веры в то, что человек обязательно исправиться, что все будет хорошо. Он всем подавал такую надежду на исправление. Даже самого горького пьяницу жалел. Увидит такого, подойдет и поговорит с ним, или просто потреплет за волосы.

Он старался привить своим чадам память о смерти. Говорил, что если бы люди знали, что им уготовано, то они вели бы себя по-другому. Часто он для вразумления и наглядности показывал гостям икону Страшного суда, объясняя ее и напоминая о возмездии за грехи. Наставлял очень убежденно, евангельскими словами и примерами. Указывал на изображении, где и за какой грех человеку предстоит мучиться. Это многих отрезвляло и заставляло задуматься и помнить всегда о смертном часе.

Батюшка был верным служителем и послушным сыном Русской Православной Церкви, строгим исполнителем ее уставов, хранителем догматов. Он был исповедником Христовым и противником смут и расколов.

Келейник старцев[1]

Архимандрит Кенсорин

Архимандрит Кенсорин много лет нес послушание у бывших валаамских старцев в Псково-Печерской обители. Из опыта отец Кенсорин знает, какие они — настоящие старцы, и чем отличаются от появившихся в последнее время лжестарцев или, как их называют, «младостарцев».

Вопрос о том, какие они — настоящие старцы — очень серьезный, особенно для нашего времени. Слава Богу, у меня есть примеры и недавние. В первую очередь, конечно, всем известный приснопоминаемый старец Николай Гурьянов.

Два года назад скончался отец Ипполит. Мы с ним в один день постригались и вместе начинали монашескую жизнь в Псково-Печерском монастыре. Потом батюшка уехал на Афон, восемнадцать лет подвизался там, потом вернулся, года два пожил в родных Печорах, а потом отправился на родину — в Курскую область. Там он восстановил пять или шесть храмов и был благословлен на восстановление полуразрушенного Рыльского монастыря.

Отец Ипполит был моим другом, но и старцем. В чем это выражалось? Сколько я уже знал старцев — все они были образцом смирения. Это и отличает настоящих старцев от юных старцев, или от тех, кто самочинно взял на себя эту «роль». Смирение и любовь к народу.

---

[1] Записала Людмила Ильюнина.

Все старцы, которых я знал, были смиренными. Так, отец Ипполит, как и старец Николай, всегда ходил в драненьком подряснике, с обыкновенной палкой. Я за сорок лет своего священства не видел таких смиренных, кротких и любвеобильных пастырей...

И люди к нему тянулись — по пять-шесть автобусов в день приезжали как в Рыльский монастырь, так и на остров, чтобы пообщаться с батюшкой. Такое же отношение к обоим старцам сохраняется и после праведной кончины.

И теперь, когда они почили о Господе, народ тянется на их могилки. Недавно я ездил на день его Ангела в Рыльский монастырь, так приехали пять автобусов паломников — из Москвы, из Белгорода, из Курска, еще откуда-то. Как при жизни батюшки ехал к нему народ, так и сейчас к нему стремятся люди. Любовь и после смерти не иссякает. И отец Ипполит, и старец Николай именно любовью покоряли сердца.

Батюшка Николай был очень кротким, смиренным, но и прозорливым. В первый раз я приехал к нему с родной сестрой. Я с батюшкой пошел в алтарь, мы с ним там разговаривали. А когда он вышел, он подошел к сестре, провел рукой по лицу и спросил: «О чем ты думаешь?» Потом я спросил ее: «А о чем ты думала?» Она созналась: «А я думала: "Скорее бы уйти из храма и уехать"». И вот батюшка прозрел эти мысли и обличил ее: «Не дело ты думаешь».

Батюшка меня и в Елеазаровский монастырь назначил. Мы ездили к нему с нашим правящим архиереем Псковским владыкой Евсевием. Посоветоваться, что мне делать. В Святогорском монастыре, где я был настоятелем, продолжались

нестроения. Я встал перед старцем на колени, а он меня благословил со словами: «Воскресни Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во веки». А до этого я ездил к старцу с недовольной братией: с келарем, экономом, казначеем и духовником. Я представлял всех по одному батюшке, а сам ему на ушко шепчу: «Батюшка, я хочу уходить из монастыря, у меня тут неприятности». А батюшка вдруг во всеуслышанье говорит: «Если отец Кенсорин будет от вас уходить, держите его за рясу».

Семь лет я был наместником в Святых горах, но все-таки уйти пришлось. Но батюшка очень хотел, чтобы Елеазаровский монастырь возродился, потому благословил меня и настоятельницу — мать Елизавету — идти туда служить Господу. И его молитвами здесь все очень быстро начало возрождаться, за короткое время очень много было сделано.

Батюшка нас с настоятельницей и после кончины своей благословил. Мы были на похоронах. Народу было очень много, мы подходили прощаться со старцем издалека, с разных сторон. А у гроба одновременно сошлись и прикладывались к ручкам одновременно.

Вот и матушки теперь нет с нами. Но старцы еще есть на Руси. Есть сокровенные, есть всем православным известные — оптинский старец Илий, печерский отец Адриан, отец Кирилл и отец Наум в Лавре. Многие ездят к отцу Власию в Пафнутие-Боровский монастырь, я сам к нему ездил. Чтобы попасть к батюшке, люди ждут неделями — такой наплыв народа.

Во все времена есть еще Божии люди, на которых Россия держится. Например, блаженная Любушка говорила: «Война неизбежна», — я сам

слышал. Но вот молятся подвижники, она сама молится — и мы уже после ее кончины сколько лет живем без войны.

Хотя и состояние народа безрадостное. Население поселка может быть несколько тысяч человек, а в храм ходят человек двадцать. И так везде по деревням и селам. Народ сидит у телевизора и отступает от Бога, — это главная задача всех телепередач, — чтобы народ отступил от Бога.

Все это очень скорбно. Но власть не надо ругать. Я помню, мама моя была очень верующая, в храм ходила, но власть ругала. И я тогда с ней соглашался, а теперь понимаю, что так нельзя. Как говорит апостол: «Всякая власть от Бога», — то, что заслужили, то и получили. Почему была революция? Люди отступили от Бога, от Царя и все пошло на перекос. Помните книгу о схиархимандрите Захарии, в ней говорится, что перед революцией Матерь Божия в явлении ему сказала: «В Лавре четыреста человек братии, но истинных монахов только четверо». Так далеко зашло отступление от Бога даже в монашеской среде.

И надо страшится, что мы опять повторяем грехи своих предков, и можем опять подпасть под закон возмездия.

У старцев нужно учиться молитве

Протоиерей Николай Голубев,
храм в честь Казанской иконы
Божией Матери в городе Тосно

Наше поколение — молодежь семидесятых годов — было очень активной, духовно ищущей.

Мы искали истину, искали людей, которые могут показать путь к истине. Когда мы пришли в церковь, то почти все питерские прихожане молодого поколения (а было нас тогда не так уж много) знали друг друга, если что-то открывалось в духовной жизни, старались поделиться. Так, когда узнавали о духовно опытных людях, старались к ним съездить, чтобы учиться правильной духовной жизни. Мы ездили в Каменный Конец к отцу Василию Швецу, к блаженной Любушке, к отцу Павлу (Груздеву), к отцу Науму в Троице-Сергиеву Лавру. Архимандрит Наум стал моим духовником. И оказалось, что все священники, с кем мы встречались, к кому ездили за советом, очень почитают протоиерея Николая Гурьянова с острова Залит. Почитали его как опытного и в то время по возрасту самого старшего из духовников, как молитвенника, потому что сами условия его жизни располагали к молитвенному подвигу. Вот мы на приходах — в основном ремесленники, к нам народ идет с требами, мы постоянно в этой круговерти. А отец Николай много лет жил в таких условиях, что люди его особенно не донимали, и он имел возможность молиться.

Я поехал к отцу Николаю именно с вопросом о молитве. Впервые тогда прочитал книгу С. Большакова «На высотах духа», где рассказывается о том, как православный мирянин учился молитве у подвижников, «собирал мед духовный», ездил к разным подвижникам именно для того, чтобы научиться правильно молиться. Потому что от этого все в жизни зависит. Нельзя не убавить, не прибавить. Нужно исполнять свою меру, это как на работе: хорошо работаешь, норму выполняешь,

хорошо тебе платят, плохо работаешь, ничего не получаешь. Так в молитве, если прибавляешь или убавляешь, молитва превращается в забаву. И за это расплачиваешься. Чем? Болезнями, жизненными неприятностями. Правильно и хорошо молишься, и жизнь твоя течет в нужном русле. У меня были проблемы в личной жизни тогда, я понимал, что что-то не так с молитвой, и потому поехал к старцу Николаю. Кроме того, я чувствовал необходимость пересмотра жизненного пути. Я был в то время геодезистом, работал зав. лабораторией в Горном институте, много путешествовал по стране, но уже чувствовал духовную неудовлетворенность, душа искала иных путей.

Очень мне запомнилась та первая поездка к батюшке. Я доехал до Пскова, сел на «Ракету». На острове вышло три человека — двое местных, и я. Я направился в глубь острова, а навстречу мне батюшка. А я даже не знал, как он выглядит. Несу в подарок арбуз и два батона. Спрашиваю его:

— А вы не знаете отца Николая?

— Так ведь он в Москве.

— А как бы ему гостинец передать?

— Да ладно уж, заходи.

Зашли мы в келью, присели к столу с многоведерным самоваром, за зановеской спальня, на стене икона Страшного суда.

Разговаривали мы очень долго. Я спрашивал о своих жизненных проблемах, но в основном мы говорили о молитве.

Считаю, что к духовным людям с этим и нужно ездить: «Батюшка, научи молиться!» А не то что: «Вот фотография, скажите, батюшка, хороший это человек или плохой, нужно за него замуж выходить?»

Или, как бывает обычно, спрашивают: «А если так?» — «Ну, помолись». — «А если так?» — «Помолись». — «А если вот так?» Так что же, старец — гадалка?

Потому старец и отвечает некоторым однозначно, что не видит, что человек способен на труд духовный, что он сам способен поразмышлять, молитвенно поискать воли Божией.

Про себя скажу, что в мой первый приезд старец Николай не дал мне никаких житейских советов. Он так же только сказал: «Молись». И наставил на молитвенном правиле, как и сколько я должен молиться. И потом это принесло плоды — я стал служить в церкви, сначала алтарником, потом псаломщиком, потом дьяконом, а потом уже Господь меня сподобил священства. И с семейными у меня все, слава Богу, устроилось. Не сразу, не без искушений, постепенно, но устроилось.

И потом я понял главное — учиться нужно всегда у Церкви. То есть жить церковной жизнью, ровно, последовательно, и все будет устраиваться, открываться постепенно, без рывков, без надрыва.

Потом я ездил к старцу еще раз, чтобы утвердиться в том, что я иду правильно. То есть в миру оставаться или служить в Церкви. Я склонялся к последнему, но хотел узнать мнение старца, на правильный ли путь я встал. Он благословил меня готовиться к церковному служению. Но именно готовиться, а не искать, не вымогать.

Так старец Николай дал мне направление духовной работы на всю жизнь, этим путем я и иду.

Потом, когда уже к старцу поехали толпы, я на остров не ездил. Я ездил к матушке Любушке, Бог

дал и причащать ее уже в Вышнем Волочке, часто ездил к старцу Павлу (Груздеву) в Ярославщину.

И из общения с этими молитвенниками я понял, что нужно уметь правильно задавать вопросы. Вот сейчас слышишь: «Старец Николай благословил, а так не получилось. Благословил на брак, а он развалился. Благословил на священство, на монашество — и одно искушение вышло из этого. Как же так?» Но дело вовсе не в том, что старец ошибся, а в том, что к старцу подходили, как к оракулу, как к волшебнику. И это не только к старцу Николаю относилось и относится.

Так как я к старцу в последние годы не ездил, приведу аналогичный пример с матушкой Любушкой. Приехала ко мне на приход какая-то женщина, и давай меня учить духовной жизни. Я ее спросил: «Кто тебя на это поставил?» — «Матушка Любушка». — «А как?» — «Я ей рассказала о своих откровениях, духовных снах. О том, что хочу людей учить. А она сказала: «Как хочешь». И вот человек делает, как хочет.

К старцу идут с вопросом, заранее ожидая ответа. Он видит, что человек не слышит его, повторяет ему его же намерение, — пусть шишки набивает и через это учится мудрости духовной. Духовные вещи необъяснимы, тут нельзя с грубой логикой лезть. Если ты идешь к старцу, то ты должен подготовиться к этому и ловить каждое его слово, а не думать о своем. Например: «Жена в церковь не идет, не хочет. Венчаться не хочет». — «Захочет. Привези ее ко мне, я с ней поговорю». Она так и не захотела к старцу ехать, и в церковь ходить не захотела, но венчалась, правда, не потому, что захотела, а только потому,

что ее уговорили, почти заставили. И брак тут же распался. Так что же, старец в этом виноват? Надо было внимательно слушать и выполнять его благословение в той последовательности, которую он открыл, а не механически.

И теперь явно, что многое из того, что приписывают старцу — не он говорил, а от него говорили. Не искали воли Божией, а ехали уже с определенным решением: «Я знаю, что надо делать, чтобы было хорошо». Ну вот, старец и благословлял, видя такую внутреннюю установку, а потом человек набивал шишки и начинал учиться серьезной духовной жизни, в которой нет ничего механического. Часто люди ехали именно с такой формулировкой: «Батюшка, помолитесь, чтобы...» А может, молиться нужно совсем о другом? «Батюшка, благословите на то-то и то-то». А может, нужно сначала спросить: «А нужно ли мне это делать?» Но человек уже заранее убежден, что «его дело правое», нужно только благословение получить. Поэтому старец часто на все вопросы отвечал только: «Помоги вам Господи, спаси Господи», то есть как Бог Сам все устроит, так и будет.

Опять приведу пример из жизни Любушки Сусанинской. Однажды мы приехали к ней с одним студентом Духовной Академии, у него был вопрос: где ему найти духовника? Она ему ответила: «Выбирай: отец Николай Кузьмин, отец Богдан из Никольского и отец Василий с Серафимовского». И я спросил: «А мне духовника?» К отцу Науму уже редко приходилось ездить — я был уже рукоположен и послан в деревенский приход, там было очень много забот, не выбраться было в Лавру. И Любушка мне ответила: «А ты у Бога спрашивай». Я был в недоумении: «Как это —

у Бога спрашивать? Руки к небу воздымать, Ангелы к тебе спустятся и будут тебя учить? Что-то не то». А потом, со временем, по жизни до меня дошло: «Читай Евангелие каждый день и смотри, как Он поступал, так и ты старайся. Так и учись постоянно. Ситуации ведь одни и те же. И тогда люди голодали, болели, были у них семейные неурядицы, с властями неприятности были». Так нужно постоянно учиться вере. Все мы еще по-настоящему неверующие люди, если бы я веровал, то я бы уже по воде ходил...

А старцы, подвижники — они верующие люди. Но их слова, их советы обычной логикой не познаются. Продолжу тот пример, о котором рассказывал. Тот семинарист (теперь он священник), который спрашивал Любушку о духовнике, пошел к отцу Василию Ермакову, а через него к нему потом пришел и я. Отец Василий и рекомендовал меня на священство, у него на Серафимовском кладбище служил я целый месяц после рукоположения во священники. Так все в духовной жизни совершается постепенно, не вдруг. По молитве Бог все устраивает.

А то мы святых превращаем в мифы, их слова, их жизнь истолковываем по-своему. И внимание обращаем в основном на внешнее: во что одевался, где был, каких людей привечал, а главное не это, главное — как молился святой. Как, например, отец Павел (Груздев) учил молиться. Так, как будто ты упал в колодец и видишь, кто-то мимо идет, ты ведь не будешь говорить: «Кидай веревку, где ты раньше был?» Нет, ты будешь упрашивать: «Спаси меня, помоги мне».

Старцы, подвижники — это те, кто правильно молится. И Бог дает им Свои дары. А мы все

умничаем. Вопросы любим задавать, хотим, чтобы у нас в жизни все поскорее да получше разрешалось. А нужна верная основа жизни для каждого человека — правильная молитва, и учиться нужно всю жизнь у Церкви, остальное приложится.

В память о незабвенном старце отце Николае Гурьянове

Протоиерей Владимир Степанов,
село Бронница Новгородской области

Двухэтажный озерно-речной пароход, с прекрасным названием: «Александр Невский», настойчиво продвигался к острову имени Залита (бывший Талабск), разрезая смело при этом осеннюю темноту и пенящиеся штормовые волны. Я сидел в нижнем этаже и при изрядной качке и тусклом свете читал книгу г-на Сурского об отце Иоанне Кронштадтском. Мой путь был к батюшке Николаю.

Пароход, победив и темноту, и шторм (недаром «Александр Невский»), причалил к пристани. Иду мимо часовни и храма к домику батюшки. Стучусь в дверь. Старец открывает, благословляет. Входим в домик. Батюшка у меня спрашивает: «Чья память 20 декабря?» Я отвечаю, что не помню. Тогда отец Николай говорит: «Отца Иоанна Кронштадтского». Ну, думаю, какой батюшка прозорливый, знает, что у меня в портфеле книга об отце Иоанне Кронштадтском, которую я читал на пароходе. Отец Николай продолжает: «Вот знаешь, батюшка (хотя тогда я еще

не был священником), говорят, что я — прозорливый. А ты поверь мне, что вот этот кот знает больше меня». По физиономии кота Липуни было заметно, что он остался весьма доволен словами старца о нем, считая их вполне справедливыми.

Батюшка меня покормил, побеседовали, почитали вечерние молитвы. Отец Николай постелил мне на полу, где я и проспал до утра. Утром встали, почитали утренние молитвы. Попили чайку, и я, испросив батюшкиного благословения, отправился на пристань. Пришел пароход, на котором я благополучно вернулся в Псков, где в то время жил и служил диаконом в Троицком кафедральном соборе.

Рядом с собором стоит колокольня, в которой в 70-е годы жила монахиня Архелая. Захожу однажды навестить матушку. Речь зашла об отце Николае. Она мне рассказывает, что ей было очень тяжело, и она молитвенно обращалась к батюшке Николаю: «Отец Николай! Помоги мне! Отец Николай! Помоги мне...» И так несколько раз. Утром следующего дня батюшка приезжает в Псков, приходит к матушке Архелае и с порога говорит ей: «Ну что ты меня просишь: отец Николай, помоги мне, отец Николай, помоги мне...»

Матушка очень удивилась тому, что за тридцать километров ее «сигнал» дошел до старца и понудил его прибыть к ней.

Приезжая в Псков, батюшка обычно шел в Троицкий собор, где молился до конца литургии, стоя в конце храма. Затем мы с ним пешком шли в Епархиальное управление, где его всегда с честью принимал митрополит Иоанн (Разумов). После

епархии шли на пристань, и отец Николай на «Заре» возвращался на свой обитаемый остров. Интересно, что батюшка всегда старался войти на катер последним, но ему всегда кто-нибудь «бронировал» место.

Наше общение со старцем длилось более двадцати лет. Много часов мы провели с батюшкой в беседах. Он вспоминал, как плыл на лодке вместе с новомучеником Российским митрополитом Вениамином Петроградским на богослужение в село Ремда Гдовского уезда. Батюшке было тогда 12 лет. Владыке Коленька понравился, и он так сказал: «Хороший мальчик, взял бы я его к себе в Петроград, да не те времена». Вскоре митрополит был расстрелян (в 1922 г.).

Также, вспоминая Гражданскую войну, батюшка говорил, что в их дом залетел снаряд, но по милости Божией не взорвался.

Со слезами на глазах и с глубокими вздохами отец Николай говорил о лагерных страданиях: «Батюшка, если бы ты знал, что там было — ужас! Нас туда отправили не для того, чтобы мы оттуда вышли живыми». Гоняли заключенных на лесоповал. Паек скудный, а норма по заготовке дров приличная. Не справился с нормой — завтра паек не получишь, а на работу идти обязан. «Идешь утром в лес на работу по лесной дорожке — один упал, умирает; еще один падает — вот так было», — говорил батюшка, а у самого полные глаза слез. Отец Николай и в заключении не терял бодрости духа и даже веселости (хотя чего это ему самому стоило?). Этим самым он подкреплял и других не впадать в отчаяние. Кто сподоблялся, по Промыслу Божию, живым выходить из лагеря, те очень благодарили будущего старца,

говоря, что если бы он их не поддерживал своим духом и веселостью, то они бы живыми оттуда не вышли. Батюшка вспоминал, что в тюрьме встречался с епископом Борисом (Шипулиным). Владыка, глядя на Николая, говорил: «Вот цветок, только распустился — сорвали, растоптали». Вера и молитва юного Николая не посрамила его. «Подниму руки к Небу и молюсь: Небо! сжалься надо мной» — так рассказывал отец Николай о своих крестных страданиях в неволе.

Испытав на себе все прелести «социалистического рая», батюшка был очень осторожен. Проповеди в храме он в основном читал по книге, но иногда между строк, что-то добавлял свое, глядя в книгу. Он прекрасно знал, что много духовенства пострадало из-за проповедей, которые были расценены властями как антисоветские.

Помню еще: батюшка играет на фисгармонии и поет духовный стих. По улице мимо окошек старца проходит человек. Отец Николай бросает играть и петь, пока человек тот не удалится на приличное расстояние от домика.

Батюшка часто шутил. Угощает, бывало, обедом за столом, старается порцию дать побольше, сахару в чай — до десяти ложек, а сам приговаривает: «Ешь, ешь, дорвался до чужого, так ешь полным ртом». Иногда просят его: «Батюшка, помолись за меня». Он отвечает: «Молюсь, молюсь, а как тебя зовут-то?»

Старец любил труд: участвовал в ремонте храма, сажал деревья — сам поливал, не давал даже в свой дом для него принести воды; пек просфоры... Многих людей также подвигал к трудолюбию.

Господь наградил батюшку живой верой и непрестанной молитвой. Часто было заметно, что он творит Иисусову молитву. Силу его молитвы я испытал на себе и не один раз. Один из примеров: у меня была серьезная проблема, и я зимой пешком от большака пришел по озеру к старцу. Он меня выслушал, затем встал и говорит: «Давай помолимся». Батюшка становится на колени на своей крохотной кухоньке; я за ним тоже. Несколько минут молитвы. Встаем с колен. Отец Николай меня благословляет, и я ясно в душе ощущаю, что моей проблемы больше нет. Слава Богу!

По благословению батюшки я принял сан священства и отправился служить в храм Архангела Михаила в село Кобылье Городище Гдовского района. В этом храме крестили будущего старца отца Николая, на кладбище, около храма, могила его отца Алексия. В 6-ти километрах от храма деревня Чудские Заходы, где родился батюшка. И дом, где он жил с родителями, стоял у дороги. В этом приходе я прослужил около девяти лет. Дважды старец приезжал к нам в гости на катере «Ракета», который ходил по маршруту Псков — Тарту. Спал ли батюшка у нас, в церковном доме, не знаю, только когда часа в 4 утра я ненароком заглянул в отведенную для него комнату, то увидел следующее: батюшка в подряснике как вкопанный стоит около Казанской иконы Божией Матери, весь погруженный в молитву...

Во время второго к нам приезда отец Николай предложил мне вместе с ним и еще одной благочестивой мирянкой съездить в Пюхтицкий женский монастырь, в Эстонию, на что я с радостью согласился.

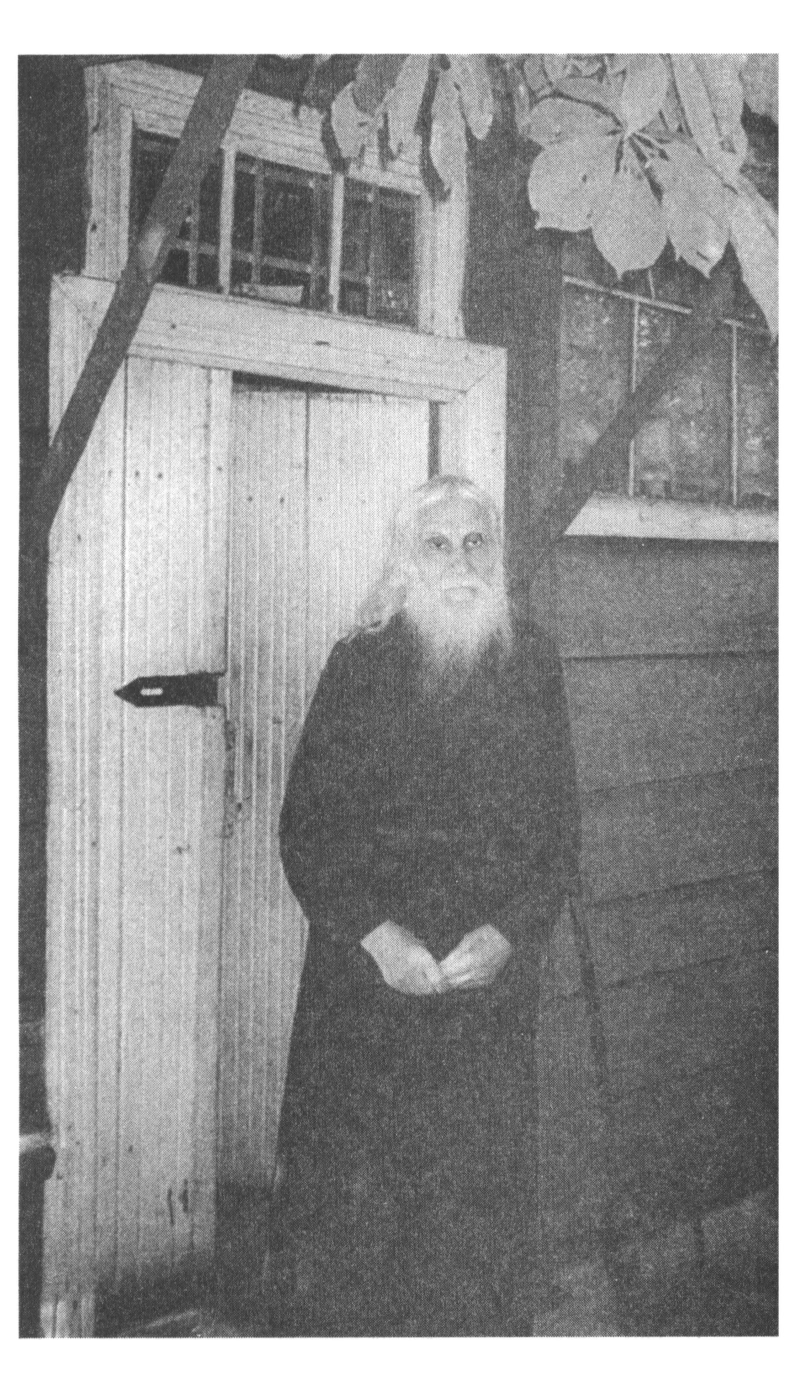
Рано утром мы сели в селении Самолва на пришедший катер «Ракета» и на нем приплыли в город Тарту. Из Тарту на такси (благо в то время это было не так дорого) мы приехали к Пюхтицкому монастырю. Надо было видеть радость игуменьи Варвары и сестер! Батюшка всех благословлял, много шутил, хлопал сестер и по щекам, и по лбу, при этом все веселились, как дети. На ходу обучал сестер правильной Иисусовой молитве. В общем, визит батюшки к монахиням был для них большим праздником.

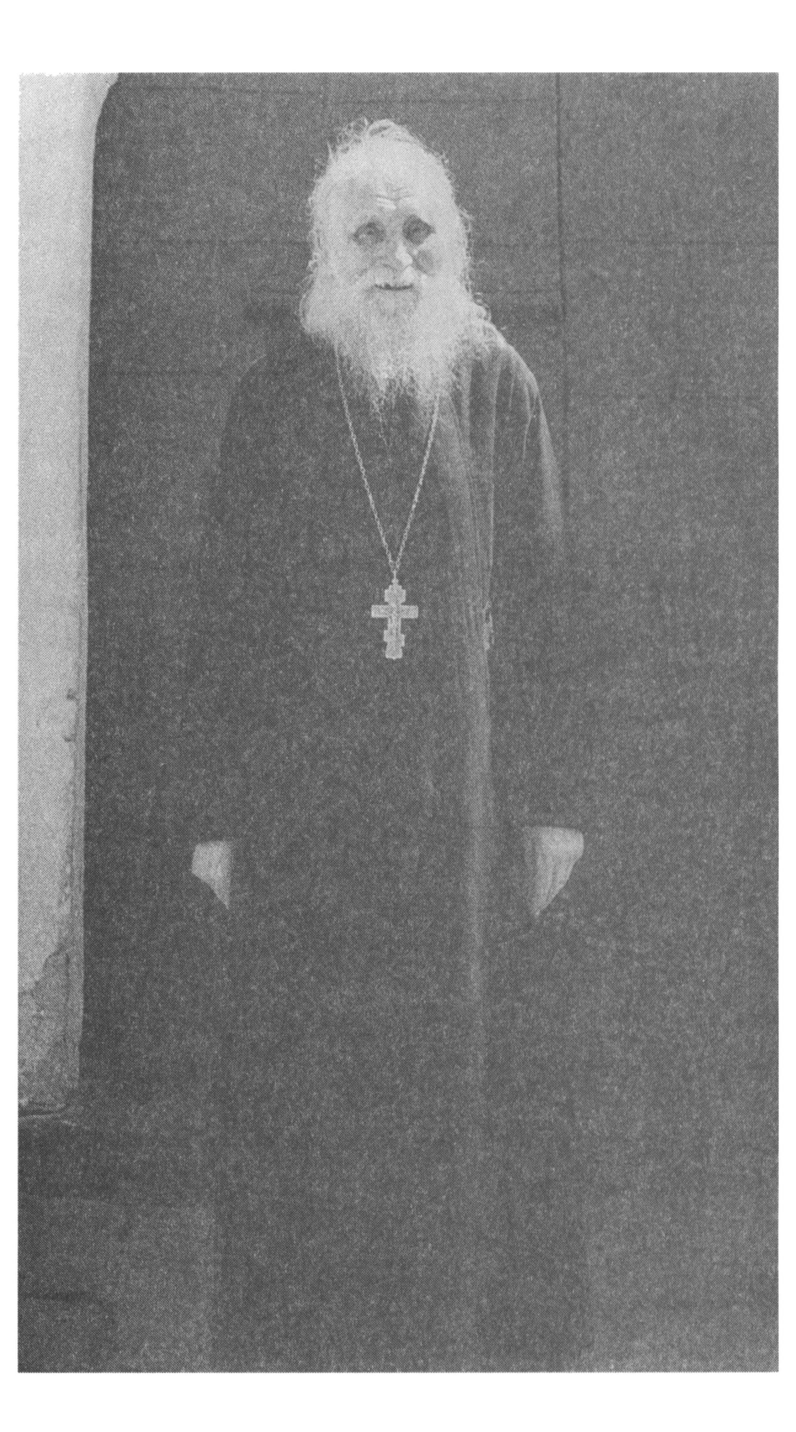
Вдвоем с отцом Николаем мы пошли на источник Богоматери искупаться. От монастыря очень красивая, живописная, гористая дорожка к источнику. На одной из горочек корневая система деревьев очень замысловато переплелась на поверхности земли и в одном месте очень похожа на человеческий след. Батюшка мне и говорит: «Люди почитают этот «след» за стопочку Богородицы, а ты же видишь, что это природа, ну да ладно...»

Благополучно искупавшись в источнике Царицы Небесной, мы вернулись в обитель. Был приготовлен прекрасный обед со множеством заморских яств. К моему удивлению, отец Николай и игуменья Варвара почти ничего не ели, а вели журчащий душеполезный разговор. Мне же, грешному, было велие утешение.

Рано утром следующего дня мы отбыли из гостеприимной обители на монастырской машине до Тарту, а там сели на «Ракету». Я, попрощавшись с отцом Николаем, вышел на пристани «Самолва», а батюшка с сопровождающей поплыли далее к Пскову, к своему острову.

Иногда батюшка громогласно провозглашал, что он умрет в 2013 году. Некоторые люди это





слышали и до сих пор недоумевают, что он не дожил до этого срока, но он мне объяснял: «Многие думают, что в 2000 году наступит конец мира, а я их хочу переубедить таким вот "пророчеством"».

Кстати, отец Николай был назван в честь блаженного Николая Псковского — это довелось мне от него слышать.

Как-то мы разговаривали со старцем Николаем о епископском служении, и батюшка в полушутку изрек: «Лучше не родиться, чем быть архиереем». Появившееся на свет мнение о том, что батюшка был тайным епископом, считаю безосновательным вымыслом.

У меня от отца Николая осталось десятка два писем. Батюшка писал мне в Псков, когда я там жил, и на приход. Письма отражают смиренную и любвеобильную душу дорогого старца. Вот одно из поздравительных писем старца:

«*Ваше Высокопреподобие отец Владимир с тружениками по храму Божию и прихожанами Вашего Духовного окормления! Всех Вас молитвенно поздравляем с Праздником Рождества Христова, Новолетия и Богоявления. По молитвам Вашего Небесного Покровителя Архангела Михаила, да хранит Ваши Боголюбия Сладчайший Создатель мира на долгие, долгие лета!!!..*

С любовью о Сладчайшем Богомладенце Господе недостойные послушники и Богомольцы Вашего Иерейства — отец Николай, инокиня Раиса и Анастасия с пташками.

Простите и благословите — 7 января 1990 года».

...Сижу за столом на кухоньке у батюшки. Угощаюсь чаем с пирогами. Старец очень постарел

и изможден. Поговорив со мною несколько минут, он сказал, что устал, и пошел полежать. Полежав некоторое время, снова вернулся на кухню и сел на свой стул. Я же, видя батюшкину слабость, стал собираться уходить. Мы встали, помолились. Затем я обращаюсь к отцу Николаю и прошу его: «Батюшка, благословите меня». Старец благословил меня своим пастырским благословением. Затем он говорит мне: «И ты меня, батюшка, благослови». И я, грешный, также осенил старца священническим благословением. Мы братски поцеловались, взаимно испросили прощения друг у друга. С грустью на сердце и со слезами на глазах я покидал благословенный дом старца. Больше нам видеться с ним на земле было не суждено. Через несколько месяцев его светлая, богопреданная душа ушла ко Христу Богу, Которому батюшка был верен до смерти.

Царство Ему Небесное и Вечный покой! Его молитвами Господь и нас, грешных, да помилует, яко Благ и Человеколюбец!

Аминь!

Иерусалимский крест

Игумения Георгия,
настоятельница Горнего монастыря в Иерусалиме

Отца Николая я впервые узнала в Вильнюсе в 1953 году. В то время я была послушницей Вильнюсского женского монастыря святой равноапостольной Марии Магдалины.

Потом мы с матушкой игуменьей Варварой часто ездили к старцу на остров, он бывал у нас в Пюхтицах.

Мне батюшка за двадцать лет почти предсказал Иерусалим. Еще при покойном Патриархе Пимене к нам в Пюхтицу приехал тогдашний митрополит Таллиннский и Эстонский Алексий, наш теперешний Святейший Патриарх, и говорит: «Есть благословение из числа ваших сестер собирать пополнение для Горненского монастыря на Святой Земле». Потому что до 1000-летия Крещения Руси у нас в Русской Православной Церкви было всего 18 монастырей, а Пюхтицкий был одним из немногих, который никогда не закрывался. Сестер в то время в Пюхтицах было около 100 (сейчас уже 170), потому можно было из них выбрать кандидаток в Иерусалим. Владыка сказал, что надо собрать группу и подготовить ее к послушанию на Святой Земле. Группу собрали, в специальном «иерусалимском корпусе» открыли мастерские. И в это время приехал батюшка, отец Николай. Это было в начале 1980-х годов. Батюшка очень любил наш Свято-Успенский Пюхтицкий монастырь — монастырь, построенный по благословению св. прав. Иоанна Кронштадтского, место, избранное Царицей Небесной.

Когда батюшка приехал, матушка настоятельница благословила меня показать ему «иерусалимский корпус»: «Пусть он все посмотрит, благословит, пообщается с сестрами». Мы пошли. Приходим. Я впереди, открываю одну келью, другую — золотошвейную, рукодельную, иконописную. А кто-то из сестер говорит: «Батюшка, мы так счастливы, что нас направляют в Иерусалим.

Но как же мы там жить будем — там ведь игумении нет?» А он у меня за спиной, на меня показывает и отвечает: «Что ты, что ты говоришь? Там пюхтицкая игумения». А я этого не вижу и не слышу, что он даже прибавил: «Пюхтицкая игумения Георгиюшка». Мне потом только сестры про эти слова батюшки сказали.

Это было еще до Карповки. В 1983 году мы послали десять человек в Иерусалим.

Потом, когда я уже была на Карповке, Святейший мне как-то говорит: «Мать Георгия, сейчас Рождество, а в Великом Посту я опять приеду и хотелось бы уже останавливаться в монастыре». День и ночь мы трудились, чтобы отреставрировать покои св. прав. Иоанна Кронштадтского. За месяц до приезда Святейшего я звонила ему и благодарила за помощь и святые молитвы, сообщила, что к его приезду покои будут готовы. А он мне говорит: «Спаси Господи, мать Георгия. А теперь вам нужно потрудиться в Иерусалиме в Горненском монастыре». А за месяц до этого разговора со Святейшим одна прихожанка, по профессии архитектор, выразила мне свое желание постоянно помогать мне в восстановлении монастыря и хотела уйти со своей основной работы. И она поехала к отцу Николаю на Залит за благословением.

И вот через несколько дней она приезжает с таким известием: «Матушка, а отец Николай не благословил. Сказал, где работаешь, там и работай. А вам передал конверт». Я смотрю, написано: «Игумении Георгии». А я на Карповке игуменией не была, монастырь тогда восстанавливался как подворье Пюхтицкого монастыря и я была старшей сестрой.

Я удивилась — никогда батюшка так не писал. Всегда просто «матушке Георгии». Я подумала, что это просто юродствование. Открываю конверт: «Что же он пишет?» И что же? Хоть бы одно словечко — ничего, только деньги, без всяких объяснений.

Это были деньги на дорогу. Я потом это поняла, после разговора со Святейшим.

Конечно, монах не имеет права отказываться от послушания, на которое его призывают, но я очень смущалась и даже возражала: «Ваше Святейшество, простите, ради Бога, я боюсь, что я не справлюсь». Я стала перечислять другие монастыри и другие кандидатуры. А он сказал: «Матушка, у меня нет другой кандидатуры. Поезжайте, хотя бы ненадолго».

И тут я вспомнила про батюшкину посылочку, и еще вспомнила, как однажды я к нему приехала, а он меня из домика позвал в храм: «Пойдем, Божией Матери помолимся». Я приложилась к иконе Одигитрии. А батюшка меня манит в алтарь: «Иди сюда, иди». Я робею, но сняла туфли и подхожу. И пока я крестилась и кланялась, вдруг батюшка из-за печки, которая была в алтаре, достал большой металлический крест, и мне на спину так и положил. «Это твой крест. Господь поможет», — сказал батюшка. Я тогда не поняла, что это за крест, а потом поняла, что это — крест игуменства.

Еще вспомнила, как однажды мы приезжали с матушкой Варварой и отцом архимандритом Гурием из Кингисеппа к батюшке, еще одна монахиня с нами была. И батюшка нас повел на кладбище к мамушке — рабе Божией Екатерине (я ее тоже хорошо знала еще и по Вильнюсу в 50-е

годы). Мы пропели литию, стоим у могилки, и вдруг он говорит: «Георгиюшка, благослови мою мамушку». Я так растерялась — стоит архимандрит, стоит игуменья, сам батюшка, и вдруг он меня — простую монахиню — просит о благословении. А батюшка опять повторяет: «Георгиюшка, покрести мою мамушку, покрести ее». Я к матушке игуменье Варваре повернулась, а она мне говорит: «Раз батюшка благословляет, так и делай». А батюшка в третий раз просит. Я исполнила.

Батюшка все время мне пророчил Иерусалим. Иногда неожиданно при мне начинал петь: «Иерусалим, Иерусалим...»

Так батюшка меня отправил в Иерусалим, а из уст митрополита Филарета (тогда главы ВЦС) я услышала: «Вас благословляет Церковь Христова. Это воля Божия».

И после этого я тоже ездила к батюшке Николаю и он благословил на игуменский крест. Тяжелый крест — ведь игумения за все переживает, за каждую сестру, за все, что происходит в монастыре.

Надо сказать, что это было чудо, что мне к батюшке удалось попасть, потому что на озере были льдины, на лодке было не проехать. А я по благословению Святейшего заехала сначала в Псково-Печерский монастырь. И вот оттуда мы с настоятелем архимандритом Петром на вертолете попали на Залит. А батюшка нас уже встречал на паперти.

Мы идем навстречу, а батюшка почти бежит и все приговаривает: «Георгиюшка, Георгиюшка, какая ты счастливица». А я плачу, ничего сказать не могу, только повторяю: «Батюшка, помолитесь».

А он опять: «Георгиюшка, да какая ты счастливица, куда ты едешь — ведь ко Гробу Господню. Да там же и твой Георгий». А палестинцы, действительно, очень почитают Георгия Победоносца. «Батюшка, я так боюсь». — «Не бойся, все у тебя будет хорошо». — «Батюшка, и климат, и здоровья, и ума, боюсь, не хватит». — «Да всего тебе хватит. Все будет хорошо». — «Святейший обещал, что я недолго там буду, три года, пять лет». — «А я хочу, чтобы ты там всегда была, чтобы ты там и померла». Думаю: «Утешил батюшка». Но все равно осталось в памяти только одно: «Какая ты счастливица!»

Батюшка очень помогал. Он молился. По его молитвам все и устраивалось в обители и сейчас устраивается.

Великий дар — прозорливость [1]

Игумен Роман (Загребнев)

Дорогой батюшка давно уже стяжал великую молитву и целую толпу добродетелей и всю свою жизнь поучался в блаженных добродетелях. Он воспитал в себе редкие качества, как то: любовь к Богу и ближним, назидательность, простоту и доступность к нему каждого, жертвенность, милосердие и ко всем и ко всему сострадание. За такую жертвенную любовь к Богу и ближним Бог украсил его редкостною добродетелию, или, проще сказать, даровал ему дар прозорливости,

---

[1] По изданию: *Роман (Загребнев), игумен.* В память вечную будет праведник. Псков, 2003.

который сиял в нем, как солнце. Но давно ли замечалась в нем эта Божественная красота? Это известно Единому Богу, когда Он сообщил ему этот великий дар. Но мы можем догадываться по фактам. Например, игумения Варвара, управляющая и по сей день знаменитою обителью в честь Успения Пресвятыя Богородицы в местечке Куремяэ, в Эстонии, раньше жила среди монахинь Виленского монастыря, Свято-Духовского, будучи уже монахиней. После воскресного богослужения состоялся сестрический обед, вместе с ними был и служащий батюшка, отец Николай. Во время трапезы отец Николай обращается к монахине Варваре, будущей игуменье, с такими словами:

— Матушка Варвара, а как если будут вас сватать-то? Соглашаться надо.

— Что вы, батюшка, такое говорите? — отвечала та. — Я ведь в постриге, обет Господу дала!

Отец Николай свои слова повторил:

— Матушка Варвара, а как если будут вас сватать-то, то соглашаться надо. Тогда не отказывайтесь!

— Батюшка, я тридцать лет в монашестве, а вы такое говорите!

Через некоторое время виленская монахиня стала пюхтицкой игуменьей, и вот только тогда уразумела, о каком именно сватовстве шла речь за трапезным столом в Свято-Духовском монастыре. Апостол Павел говорит: «Бог наш, Который был вчера, Он тот же и ныне, Он тот же и во веки».

И дары Его Божественные живут вечно в человеке, если сам человек не потеряет его, недостоинства своего ради. Но батюшка все земное считал за мусор, его ничто не прельщало и не привлекало, и поэтому этот бесценный сладчайший

дар он берег как зеницу ока. Сего ради и дар Божественный в полноте обитал в любимце Христовом. Об этом свидетельствует Сам же Спаситель: «Кто любит Мя, будет возлюблен Отцем Моим, и Я возлюблю его. Я и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим». Если логически мы проведем линию, то приведем один фрагмент из жизни старца и в настоящее время, что батюшка наш такой же прозорливец есть, как и был прежде. И пусть в этих чудесах славится наш Дивный, Чудный, Славный, Вечно Царствующий Бог, в Троице прославляемый, Ему же слава во веки. Аминь.

Однажды рано утром катер доставил меня вместе с большой группой паломников на остров Залит. От пристани я прямо направился к сторожке, что у храма святителя Николая, где жила тогда алтарница Анастасия, ныне уже покойная. За мной плелся какой-то друг по несчастию. Мы оба вошли в домик, по-христиански приветствовали хозяйку, добрую и скромную, а потом обратились к ней с вопросом:

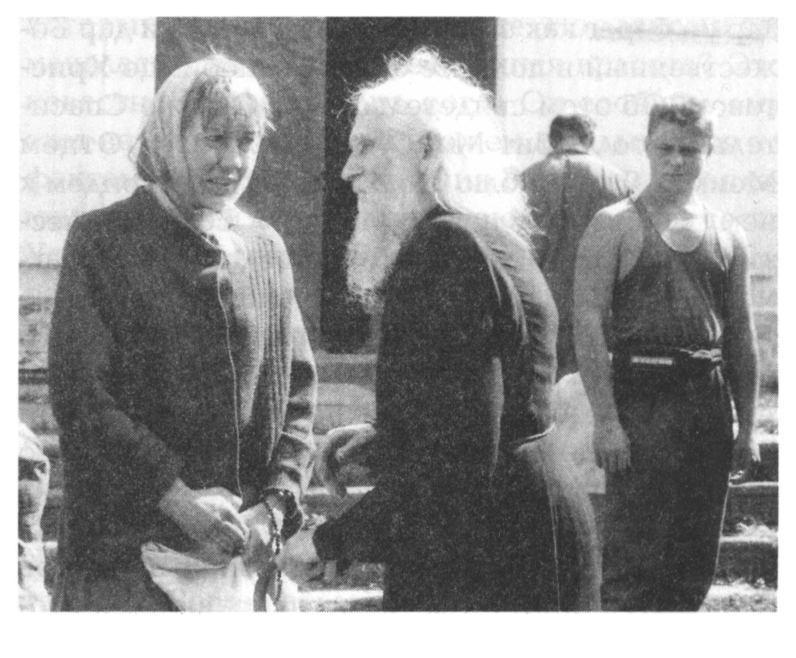
— Скажите, мать Анастасия, как нам лучше — здесь посидеть или дойти до домика батюшки?

Мать Анастасия, по происхождению украинка, на украинском наречии и сказала:

— Посидите трошки тут, чай и сам прииде! Только успела промолвить эти слова, как вдруг открывается дверь и, словно легкокрылый Ангел, входит желанный отец Николай.

— Здравствуйте, мои драгоценности! Да хранит вас всех милосердие Божие, — сказал он, весело улыбаясь.

Он присел на лавку, стоящую недалеко от порога, и усадил нас на ней. Меня справа, а того



слева. Завелась теплая беседа, батюшка и сам нас спрашивал, и мы его спрашивали, вопросов было много и различных по характеру. Он нам все отвечал, а потом показалось, что вопросы исчерпались, а если признаться по честности, все забываешь, когда увидишь батюшку. Он, лучезарный, как появляется, тут и радость какая-то приходит, и все тучи мысленные улетучиваются, нужды исчезают, вопросы пропадают, и думаешь: «Ну что спросить?» А потом решаешь: «Да ничего не буду, какой я счастливый, что батюшка рядом!» Здесь уместно вспомнить аналогичный случай, бывший у преподобного Антония. Приходили любители аскезы к преподобному и вопрошали его о художестве духовного спасения, а один брат приходил и, ничего не спросив, уходил, и так много раз. Однажды преподобный Антоний спросил его: «Почему же ты, брат, приходя ко мне, ничего не

спрашиваешь меня и ни с чем уходишь?» Брат отвечал: «Авва Антоний, для меня достаточно и того, что я сподобляюсь видеть вас!»

Воистину отец Николай был сосудом Святаго Духа, и благодарим Господа, Который в наше нелегкое время даровал Церкви такого светильника, излучающего свет и тепло. Его душа имела животворящую любовь ко всем людям без исключения, ибо в каждом видел образ Божий и подобие Божие, желая всем помочь и чтобы каждый пришел ко Христу и обрел в Нем спасение вечное. Слово батюшки исполнено четкости и ясности, оно затрагивало самые сокровенные струны души, врачуя, обличая и наставляя. В нем особо виднелись дары: молитвы, исцеления, рассуждения, прозорливости, постничества, бдения и дар любви. Вот этот благодатный свет, как облако, исходит от отца Николая и с отцом Николаем и обволакивает пришедших, как на Фаворе апостолов, и человек забывает все, что ему мешало, что надо разрешить, у него все управлено, ничего ему не надо, вместе с пророком Давидом говорит: «Благо же, благо же душе нашей», а со апостолами взывает: «Как нам с Тобой хорошо, Господи!»

Так случилось и в этот раз.

— Ну что ж, — говорю я, — пора бы нам и отпустить старца-трудолюбца. Ведь он многим нужен, подобным нам, и наверняка уже ждут его святыню, желая лицезреть его, получить благословение его и разрешение недоуменных вопросов.

Мы оба встали, чтобы уходить, но вдруг старец обращается к моему товарищу и говорит, глядя на него пристально:

— Скажи мне, разве это дело, дома писал-писал хартию с вопросами, положил в карман

и, не разрешив ни одного вопроса, уезжаешь! Разве это дело, сейчас сядешь в «Ракету» и поплывешь, а вопросы в кармане. Ну-ка, доставай сейчас же. А то ведь поплывешь до Пскова, руку случайно сунешь в карман, сердечко-то так и екнет. Чтобы оно было спокойно, и нужда есть разрешить вопросы. Понял?!

Упал в ноги мой товарищ по несчастию, слезы побежали из глаз, прося прощения и терпения на разрешение написанных вопросов. Они сели на лавочку, а я, чтобы не мешать и не вводить в затруднение товарища, ушел. Видите, факт остается фактом!

Иди в мир, Платонушка

Игумен Николай (Парамонов),
настоятель Свято-Троицкой
Сергиевой пустыни

Первый храм, в который я попал служить, в народе был прозван «храм с бутылочкой», по той причине, что там до революции размещалось Всероссийское общество трезвенников во главе с отцом Александром Рождественским. Общества трезвенников в храме не было, зато в него очень часто приходили греться с вокзала пьяные «бомжи», просившие хлеба и денег. Народ этот был иногда по-своему оригинален. Так, один из пьяниц часто подходил к распятию Иисуса Христа, падал на колени и с отчаянием в голосе просил: «Начальник! Хозяин! Прости!»

Храм был оригинален не только «бомжами», но и руководством. Там имелось сразу два настоятеля,

и оба с указами митрополита Иоанна. Третьего не было, так как, по слухам, его «съел» староста с сотоварищами.

Историю «съедения» очевидцы рассказывали в картинках. Староста Брюлев и его помощники были абсолютно нецерковными людьми, перепутавшими псевдопатриотические идеи с церковными. Поражала манерная «набожность» этого старосты. Креститься он почему-то начинал с темечка, закатывая при этом глаза под потолок.

Первый настоятель, бывший одновременно преподавателем Семинарии, отец Стефан Дымша, тщетно пытался донести до старосты мысль, что настоятель является главным руководителем храма.

Видя, что никакие уговоры на него не действуют, он пошел, как говорится, ва-банк.

За воскресной литургией, когда народу в храме было очень много, отец Стефан представил Брюлева народу, но добавил при этом свое оригинальное истолкование: «Этот человек на ваши скудные лепты купил себе а-вто-мо-биль!»

Толпа возмущенных стащила с солеи старосту, пронесла по храму и выбросила с высокого крыльца вон. Кто-то из его команды вызвал милицию. Отец Стефан в момент прибытия милиционера совершал обычное заочное отпевание. Милиционер сокрушенно подождал конца отпевания и спросил отца Стефана:

— Что? Уже скончался?

— Да, — ответил Стефан. — Вечная ему память, — и ушел в алтарь, куда милиционера не пустили.

Брюлев, в то время когда отец Стефан мирно отдыхал в пономарке, собрал толпу оголтелых

«патриотов» и «шведской свиньей» ринулся в алтарь с криками:

— Где этот ватиканский выкормыш?

Бедный отец Стефан в отчаянии только кричал из алтаря:

— Караул! Убивают!

Из тех двух «одновременных» настоятелей, после отца Стефана, один все время призывал говорить проповеди против беззаконий в храме, но это только раззадоривало старосту, считавшего храм собственностью «общины», но не Епархии.

Имея теплые отношения с местным РУВД, Брюлев навесил на храм замок и выставил охрану из милиции. Когда я приехал служить вечером, они с каким-то «священником» набросились на меня: «Маран афа! Будь проклят. Маран афа!» — кричал «священник-заклинатель». Ничего не оставалось делать, как ехать в Епархию, где еще продолжался прием посетителей.

Епархиальное руководство, во главе с митрополитом Иоанном, на нескольких машинах подъехало к храму, где «скакал» староста с «патриотами».

— Ты владыка или кто?! — кричали «патриоты» на архиерея. Местное РУВД, куда приехало все руководство Епархиального управления, долго не могло разобраться, кто главный по должности: митрополит или староста? Не добившись никакого результата, руководство вынуждено было уехать в Епархию.

Ночью настоятель спилил замок, и утром мне пришлось служить литургию с охраной из 12 семинаристов.

Сразу после прекращения атаки старосты настоятель как-то в алтаре спросил:

— А ты вообще-то у нас кто?

Не поняв глубокого смысла вопроса, я ответил, что знал по этому поводу:

— Вы с митрополитом записали меня сюда. Я не проявлял своей инициативы.

Неожиданно он сменил тему разговора:

— Тебе надо будет съездить со мною к старцу Николаю, на остров Залит, отвезти от владыки продукты, — приказным тоном скомандовал настоятель.

По пути к острову заехали в Печоры-Псковские и встретились сразу с отцом Иоанном (Крестьянкиным) в дверях братского корпуса.

— Голубчики! За мной, на службу! — обнял обоих батюшка. — Завтра обязательно приму, а сегодня к отцу Адриану сходите.

Увидев утром настоятеля с видеокамерой, отец Иоанн развеселился.

— Танечка! Что это у них такое?! Ах, это камера? Я уже был в одной камере. Немедля конфисковать камеру. А что, вы уже что-то сняли? Отца Адриана! А где он здесь? Вот в этот маленький глазок? Ага! Он. Что разбойник творит? Мыслимое ли дело — архиерея учить!? Опять разбойник заболеет. Ай-я-яй, опять заболеет!

Обернувшись в мою сторону, батюшка неожиданно спросил:

— А почему ты не в клобуке? Ты же иеромонах?

— Нету своего, давали на постриг в Академии, — ответил я.

— Танечка! Это негоже, это мы немедленно исправим. Неси сюда мой клобук скорее, а камеру

в другую комнату конфискуй. А то я их знаю, разбойников. Давай и зеркало сюда, Танечка. Как хорошо, как хорошо! Ему идет. Гляди сюда, в это зеркало. Я подержу, Танечка, зеркало сам. Вот и носи во здравие души, — приговаривал отец Иоанн.

— По молитвам владыки доедете, хоть и дорога трудная, — напутствовал батюшка.

По озеру на лодке нас вез огромного телосложения чуть захмелевший местный рыбак.

— Рази от водки избавишься? Знамо дело, как охота! Тут одних лечиться к батюшке нашему вот так же вез. Раз хошь, то хоть кто не вылечит, даже и наш батюшка Николай не поможет.

К маленькому зеленому домику подошли уже совсем затемно. Постучались. Дверь открыл старый батюшка с бледным лицом и реденькой белой бородой.

— Нету, нету. Ничего мне не надо. Продуктов и так не знаю, кому раздать. От владыки? Ну, проходите хоть в избу. Священники, говорите? — тихим голосом спрашивал батюшка.

Выслушав все высказывания настоятеля, отец Николай попросил двух стоявших в избе бабушек взять обоих на ночлег.

Лежа на кровати, в теплой избе, в темноте, отец настоятель давал наставление:

— Отец Иоанн — это что! Вот отец Николай — прозорливец. Хотя батюшка Иоанн тоже по-своему старец. Ну, давай спи, завтра сам убедишься. Я к нему уже не раз приезжал.

Рано утром отец Николай нас встретил со словами:

— С утра приходили ваши хозяйки, все мне говорят да толкуют. Ангели, говорят, вы, не люди.

Да где они ангелев-то видели? Ангелев-то они и не видали. Ну проходите ближе. Да. Значит, священники. А вот каноны-то на каждый день читаете всегда? Да, говорите, не всегда. А когда? Плохо. Вот где грешники-то живут, — показал отец Николай на репродукции Страшного суда места грешных в аду и добавил сокрушенно: — жарко там будет им.

Отец Николай замолчал и стал, не мигая, смотреть прямо мне в глаза, двигая постоянно губами. В его синих, бездонных, «космических» глазах невозможно было ничего прочитать и предугадать.

Вдруг он нагнулся под стол, достал оттуда трехлитровую банку, полную меда, взял в руку большущую стальную ложку.

— Откройте рот, — скомандовал он мне и стал заталкивать огромную порцию меда в рот.

Эта процедура продолжалась три раза. Не успев проглотить все, услышал следующее:

— А у нас чаек есть, запейте. Ага. Теперь в туалетик пойдемте, он почти в избе, в сенях он у нас.

Оказавшись в туалете, я вдруг сообразил: надо что-то спросить о себе, но что? Господи, вразуми! Ага, вот и мысль пришла.

— Батюшка! А я на своем месте? Может, к матери домой ехать, служить на родине? — задал первый свой вопрос.

Тихий до того батюшка резко повернулся и, махнув рукой куда-то сверху вниз, с силой произнес:

— Вы! На своем месте!

И из души ушел куда-то камень.

— Надо же, дышал в треть груди, а теперь так легко, — подумал я.

— Идите с Богом! Давайте вас благословлю. Иди в мир, Платонушка! — хлопнул меня по спине старческой рукой два раза отец Николай, и мы вышли из его избы.

Незабываемый наш отец

Е. А. Руткаускайте,
прихожанка храма Святителя Николая
в Гегобростах

Жизнь каждого человека не прожитыми годами измеряется, а добрыми делами на земле прославляется и в памяти людской на долгие годы запоминается. Эти слова характерны для отца Николая Гурьянова — нашего батюшки, который в 1943—1954 годах проживал в Литве, в одном отдаленном уголке, среди незнакомого населения, далеко от своих родных и близких, далеко от родного дома.

Невольно возникает вопрос: какое это место? Где оно? Еще до появления русского населения эта деревня называлась Гегоброст. Она находится в Пасвальском районе Пумпенской волости Паневежского уезда. На западе течет река Лево.

Наше село пережило разные трудности: кому-то пришлось в крепостное время свою трудную жизнь слезами оплакивать, на барина за кусок хлеба тяжело трудиться, а когда народ восстал — Царь жесткие меры применил и наших дедушек в Литву из России пригнал. И вот они здесь остались. В 1897 году церковь построили, а около нее появилась приходская начальная школа. Детей учили на русском языке. И деревню назвали село

Никольское. Так оно называлось до 1918 года — до литовской независимости. В 1954 году здесь было 54 усадьбы и проживало 305 человек. Литовцы вернули старое название — Гегоброст.

Шли годы, менялись времена — одни умирали, другие на войне погибали, кое-кого злая рука умертвила, и в 1959 году осталось 173 человека. Много, ой много трудностей пережили наши предки, но вера в Бога не покидала их. Каждую работу начинали с молитвой, и закончив ее, благодарили Спасителя и Его Матерь Марию. В праздничные дни не работали, дома молились, так как священник приезжал из Паневежиса. И вот однажды Иван Иванович Кравцевич узнал, что в Гегоброст приедет молодой батюшка. Верующие очень обрадовались и с нетерпением его ожидали, советовались — кто мог бы его приютить. Место было быстро найдено. И старый, и малый — все готовились к первой встрече, к общей молитве в церкви святителя Николая. Бежали дни, недели. Шел 1943 год — трудное, страшное военное время. Весна в сельскую жизнь принесла свои заботы, свою радость. Пахарь посеял зерно, женщины в огороде копались, дети в школу ходили, а старики за домашним скотом ухаживали.

Тяжелый крестьянский труд облегчала красивая природа. В окрестностях деревни — несколько небольших лесов. Там растут разные деревья, и весной они своей нежной зеленой листвой и свежим ароматом радуют каждое сердце. Особенно приятно стоять у берегов реки Лево. Здесь цветет пышная, в белом платье, как невеста — черемуха, и днем и ночью свою прекрасную песню поет соловей, бежит, спешит весенняя вода

в реке, а у церкви святителя Николая, скрестив руки на груди, усердно молится первый раз на новой земле отец Николай Гурьянов. Пришел он тихо — никем не встречен, никто тотчас его не заметил. Приближался тихий майский вечер. Мимо деревенского храма бежали две девочки: Валентина Аверкина и ее подруга. Услыхав молитву незнакомого человека, обе остановились и из-за кустов внимательно осмотрели его. После горячей молитвы он сел на деревянные ступеньки возле церкви. Рядом с ним лежал небольшой дорожный мешочек — все его богатство. Девочки быстро побежали домой, рассказали все своим родителям. Добрая весть мигом облетела всю деревню. Собрались женщины, низко поклонились своему будущему пастырю и повели к Георгию Васильевичу Крашенко. Хозяева этого дома радушно приняли отца Николая. Хозяйка показала небольшую деревенскую комнатку, накормила дорогого гостя. Трудно вспомнить первые ласковые слова, описать радость молодого, всякие трудности пережившего священника, но одно предложение осталось в памяти верующего человека: «Теперь буду жить, как в своем родном доме. Пелагея Петровна мне напоминает мою любимую, далеко живущую мать...» Он не ошибся. Действительно, Пелагея Петровна любила его, как своего сына. Тот майский вечер 1943 года надолго запомнился простому деревенскому глубоко верующему человеку. Несмотря на свою усталость, отец Николай вышел на двор, где толпились мужчины и женщины, обсуждая житейские дела, как вдруг неожиданно среди них встал их будущий пастырь и своим добрым взглядом, как светлый луч солнца, согрел каждое

крестьянское сердце. Говорил он тогда недолго. Конечно, этих слов точно никто не может передать, но призыв и первые напоминания были таковы: «Хотел бы, чтобы каждый из вас жил, соблюдая заповеди Господни, делал добро несчастному, в беде и в горе живущему...» Все вместе прочитали вечернюю молитву. Сердечно поблагодарив свою будущую паству, отец Николай прибавил: «Идите и делайте добро. Всякая любовь покрывает множество грехов».

Тихо разошлись люди по домам и с нетерпением ожидали первой общей молитвы в храме святителя Николая. С радостью пришел в свой уголок и батюшка. Поблагодарил Господа Бога за успешно прошедший день, решил отдохнуть, но в голове — новая мысль: как усерднее помолиться святителю Николаю — его покровителю, какую проповедь сказать своим духовным чадам; и многие, многие вопросы переплетались в его голове. Первые трудности решить помогла боголюбивая, все церковные обычаи знавшая Пелагея Петровна. Она рассказала о церковном хоре, о деятельности церковного комитета — так называемой «десятки». Отец Николай узнал и о некоторых здесь сложившихся праздничных традициях и немедленно захотел встретиться с активом нашей общины. Первая встреча состоялась в усадьбе Ивана Ивановича Кравцевича. Эта семья пользовалась большим уважением не только среди деревенских людей, здесь не раз останавливались гости из других православных храмов Литвы. Иван Иванович долгие годы руководил церковным хором, всегда его голос звучал при чтении апостольских Посланий. Жена София, дочери — Елена и София активно участвовали

в каждой церковной службе и своими хорошими голосами славили Господа Бога, Деву Марию и всех святых. Много интересного в тот день узнал отец Николай. С тех пор часто советовались не только о церковных делах, не раз пришлось отцу Николаю молиться за ушедшего на фронт молодого сына...

Первая литургия прошла очень торжественно. В церкви было многолюдно. Каждая семья переживала не только за родных и близких, но и за тех, кого война оставила без своего дома, без своей родной земли. Люди усердно молились, надеялись на Божью помощь и старались выполнять то, о чем говорил отец Николай. Его проповедь, сказанная впервые в нашем храме, была обдуманна, каждому верующему понятна. Это был дар Божий ему.

Бежали годы, менялись праздники, приходили в церковь новые люди, но наш батюшка не стоял на месте. К каждой проповеди усердно готовился, много читал и каждую мысль глубоко обдумывал. Его проповеди можно было без конца слушать и казалось, что сказанное глубоко застревало и у старого, и у молодого. Слушаешь, бывало, его, и кажется, что именно эти слова обращены к тебе лично.

В памяти верующих остались некоторые воспоминания и о других праздниках. Это Рождество Христово, Крещение, Воскресение Христово, Троица и другие. Когда приближались великие церковные праздники, отец Николай большое внимание уделял соблюдению поста. Он объяснял, что пост — духовная школа для каждого человека. Это хороший духовный чернозем, на котором вырастает большая духовная нива.

Его слова строго применялись в жизни. Сам он соблюдал все посты, а глядя на него, постились и все верующие. В их сердцах тогда загорелась еще бо́льшая любовь к Богу — Спасителю мира. Батюшка тогда часто собирал людей в храм для общей молитвы. Накануне каждого праздника совершалась всенощная.

Из всех зимних праздников хочется выделить Крещение Господне. Еще до вечерней службы перед этим праздником мужчины торопились на реку, покрытую снегом и толстым слоем льда, вырубали крест, украшали его зелеными веточками ели, забрасывали наверх толстую одежду, чтобы прорубь не замерзла. По окончании литургии в храме вместе с отцом Николаем все молящиеся с хоругвями в руках и иконами направлялись к реке. Шли медленно. Общим пением праздничных тропарей славили Бога. Усердно молились, стоя вокруг вырубленного креста. Далеко был слышен голос отца Николая. Ему вторил церковный хор, пел весь народ. И когда звучали слова: «И Дух в виде голубине...» — молодые парни выпускали из-за пазухи трех голубей. Птицы, расправив крылья, поднимались в воздух. После освящения воды все верующие брали ее, старались принести домой и бережно сохраняли. Эту воду пили, ею окропляли скот, когда его впервые выгоняли на луг. Отец Николай старался как можно скорее побывать в каждой избе, святой водой окропить все жилища. Не раз ему приходилось брести по зимним снежным сугробам, бороться с ледяной вьюгой. Он шел не только по своей деревне, но также старался побывать везде, где жили православные христиане. Ходил он по отдаленным уголкам Литовской земли,

думая, как помочь несчастному больному, как развести скорбь на сердце у матери в разлуке с детьми. Каждого согрел в трудные часы добрым словом, умным советом: главное — надеяться на помощь Господа нашего Иисуса Христа, ходить в церковь, причащаться, делать добрые дела.

Как встречали Воскресение Христово — Пасху? Это самый большой праздник. Отец Николай интересно рассказывал о значении Великого поста, усердно молился. Особенно запомнилась Страстная седмица. Каждый день верующие ходили в храм. Перед ним проходит вся жизнь Христова, все чудеса, сотворенные Им на земле, и все Его учение. В Великий четверг батюшка рассказывал о Тайной Вечере, на которой Господь установил Таинство Святого Причащения и первый раз причастил своих учеников, и отец Николай старался как можно больше верующих в этот день причастить.

В четверг вечером все спешили в церковь на «страсти». Это длинная-длинная служба. И батюшка, и все молящиеся стояли с зажженными свечами в руках, а при чтении Евангелия 12 раз падали на колени и в сердце переживали страдания Христа. После службы свечи не тушили — это святой огонь, и каждый старался его принести в свой дом. От него зажигали лампады, выжигали на потолке крест, чтобы летом гром не ударил в жилище. Хранили огонек как можно дольше, не гасили его.

Приближалось Воскресение Христово. Отец Николай, несмотря на свою занятость в церкви, хотел, чтобы этот весенний праздник разбудил людские сердца, наполнил их радостью, верой в лучшее будущее. Созывал он тогда деревенскую

молодежь, советовался с ними, как украсить храм. Мужчины делали цветные фонарики, девушки ходили в лес, собирали зелень, плели длинные венки, прикрепляли их к потолку. С помощью цветной бумаги делали цветы, украшали иконы.

Запомнилась пасхальная ночь, замечательная пасхальная заутреня. Все молящиеся держали в руках горящие свечи и ждали, когда священник в светлой ризе и крестный ход с иконой и хоругвями выйдут из церкви и трижды обойдут вокруг нее. Цветные фонарики, горящие свечи в руках, тихая пасхальная ночь — все это заставляет каждого человека еще раз вспомнить страдания и погребение Христа. Шли медленно, долго, и казалось, что увидим запечатанный гроб Спасителя. Вдруг народ останавливается. Священник громко произносит: «Христос воскресе из мертвых...» Ему вторит хор, поет весь народ, пою вместе и я... Отец Николай усердно готовился к каждому празднику, к совершаемой службе. Однако к отцу Николаю больше всего притягивала Божия любовь, которая изливалась из его сердца на каждого приходившего к нему в храм.

Чем дальше уходят годы, тем ярче оживают воспоминания о событиях 1947 года. Я весной успешно окончила женскую гимназию в городе Паневежис и мечтала о дальнейшей учебе. Трудное послевоенное время, родители жили бедно, иногда в доме не было даже хлеба. Мой отец ценил учение и часто повторял: «Учение — свет, неучение — тьма». Он хотел, чтобы я училась. Приближалась Троица, и я с отцом собиралась поехать в церковь. Дорога далекая, лошадка усталая, нехотя тянула воз, но все же не опоздали.

Всю литургию внимательно прослушала, причастилась. Стало легче и радостнее. В церкви в тот день было необычно. Все иконы украшены цветами, везде стояли зеленые березки, на полу лежал пахучий аир (такая душистая трава растет в нашей реке).

После усердной молитвы люди спешили домой, но батюшка не торопился. Подошел к моему отцу, долго с ним беседовал и, узнав о моей мечте, подозвал к себе, благословил, подарил нательный крестик и велел не расставаться с ним. Велел по мере возможности каждый день читать молитву Господню «Отче наш», песнь Богородице «Богородице, Дево, радуйся» и Символ веры. В течение дня велел читать молитву Иисусову. Впереди лежал трудный жизненный путь, но советы отца Николая помогли мне преодолеть все беды. Добрые слова, любовь и забота до сих пор радуют меня. Он не только мне дал хорошие советы. Кто-то уходил на фронт — перекрестил, иконку в дорогу подарил; кое-кому жизнь семейную наладил, девице мужа подарил... Новую семью создал.

Отец Николай большое значение придавал молитве. Не раз он напоминал нам: «Молитва должна быть искренняя, как обращение сына к отцу. Ведь Бог — Отец каждого из нас»...

Как и во всех странах, в Литве почитают Деву Марию как Матерь Спасителя нашего Иисуса Христа и молятся Ей как Охранительнице и Спасительнице от бед. И наша церковь отмечает праздник Тихвинской иконы Богородицы. До приезда отца Николая этой иконы в нашей деревне не было. Однажды батюшка рассказал ее историю. Мы узнали, что икона хранилась в Рижском

женском монастыре, где он служил, пользовался большим авторитетом и молился сердечной молитвой. И когда отец Николай переехал в Литву, сначала в Вильнюс, а потом был послан в Гегоброст, рижские инокини решили эту икону ему подарить. Как и кто в наш храм ее привез — не удалось узнать. По рассказу Анны Карповны Исаевой, эту икону отец Николай куда-то возил. Кто-то ее реставрировал, так как она была вынесена из горящей церкви и согнулась от огня. Икона Божией Матери стояла на левой стороне от Царских врат. Местные люди обрадовались и не знали, как выразить благодарность инокиням. Решили послать небольшую посылку. Две женщины — София Кравцевич и Валентина Владимировна Ермошенко — собрали продукты и передали в Ригу.

Бежали годы, менялись священнослужители, но праздник Тихвинской иконы Божией Матери благодаря отцу Николаю каждый год 9 июля собирает в храм не только нашу небольшую общину, но приезжают паломники из других городов, чтобы помолиться этой чудесной иконе.

Поучительные проповеди, сердечная, усердная молитва и понятное разъяснение Священного Писания каждый раз все больше и больше привлекали людей в наш храм. Никто и не подумал, что здесь случится несчастье. Совершался церковный брак. В церкви было многолюдно. Все хотели посмотреть на красавицу невесту и ее будущего мужа, пожелать будущим супругам добра и любви. От тяжести старый пол не выдержал — проломился. Сильно переживал тогда батюшка. И днем, и ночью спрашивал себя: «Кто поможет?» А время тогда было трудное. Люди каждый день работали в колхозе, а вечером — в своем

хозяйстве. Кроме того, молодые парни учились, а после учебы не возвращались в родную деревню — работали в городах. Часть мужчин погибла на фронте. В селе остались пожилые люди, женщины, подростки. На помощь пришел церковный комитет. Решили обратиться к председателю колхоза с просьбой, чтобы получить строительный материал. Колхозный совет просьбу удовлетворил — и нужные бревна, и доски лежали около церкви. Несмотря на свою усталость, мужчины прибежали, убрали остатки поломанного пола, но все волновались, как закончить работу. Особенно переживал батюшка — он так любил свой храм! В те дни можно было видеть его озабоченного, грустного. Целыми часами стоял он возле церкви, скрестив руки на груди. Может, молитву читал, за помощью к святителю Николаю обращался — трудно сказать, но в один жаркий летний день из другой деревни шли советские солдаты на реку купаться. Увидев группу молодых парней, отец Николай побежал навстречу, ласковыми словами остановил их со слезами на глазах и, как отец сыновей, попросил их помочь ему в беде. Это было для молодых солдат большой неожиданностью. Они тут же остановились, замерли, как в строю. Тишину нарушил их командир: «Давайте поможем человеку в беде». Работа началась. Одни тяжелые бревна тащили и в указанное место складывали, другие доски несли, а кто-то их гвоздями закреплял. Осталось только покрасить. Батюшка сердечно поблагодарил, каждому руку пожал, своим сыном назвал, благословил, перекрестил, счастья пожелал и с Божией помощью благополучно вернулся в родной дом.

Хорошие дела не умирают, живут в народной памяти и как легенды передаются старшими своим детям. Кто бывал в Гегоброcте летом и видел цветущие на кладбище вокруг церкви толстые липовые деревья, тот скажет, что их посадил отец Николай. Днями ходил в лес, выкапывал молодое деревце, бережно нес и как дитя берег, пока каждое не прижилось. Растут, шумят пышные липы, своими душистыми цветами лечат людей, зовут пчелку за медком. Однажды по липовой аллее, ведущей на кладбище, шел сосед. Остановился и долго осматривал каждое дерево. Увидев меня, сказал: «Сколько священник Николай здесь трудов положил, сколько любви природе оставил. Зимой птичек кормил, летом саженцы поливал...» На минуту замолк и продолжал: «Однажды председатель колхоза Виктор Носерев послал нас, четырех мужчин, спилить большие березы. Собрались мы и уже готовились приступить к работе. Неожиданно появился батюшка. Как и всегда, ласково заговорил и, узнав цель, — перекрестил нас, упал на колени и жалостно просил нас не рубить это Божие творение... Мы так смутились и, не сказав ни одного слова, взяли свои топоры и пилы и, как малые дети, свесив голову, тихо ушли». Березы остались и еще до сих пор зеленеют.

За все прожитые годы много чего батюшке пришлось пережить — и горе, и радость не с одним разделить. Вот что ныне припоминает Анна Карповна Исаева: «Нас он венчал. Родился первый мальчик — радовались, но недолго. Заболел младенец. Испугались — может без креста умереть. И побежал отец к отцу Николаю, свою беду рассказал. Батюшка тут же бросил свои дела,

поспешил на помощь. Крестил дома. Мы так растерялись, что не успели и крестного отца найти. Отец Николай его заменил. Вырос наш Павел, имеет свою семью и бережно хранит фотографию своего крестного отца, присланную с острова Залит».

Немало забот в те годы выпало батюшке. Война разбросала людей по разным уголкам. Несколько человек приехали и в нашу деревню. Местные жители их приютили и чем могли — помогали. Немало позаботился и батюшка. Сам не ел — детей голодных кормил, стариков не забывал, не одного в вечный путь проводил — никакой платы не брал.

С 1945 года батюшка жил в церковном домике. Построили его местные мастера. Это небольшая деревянная избушка с маленькими окошками: два смотрят на восток — на храм, два на юг. Ничего лишнего в этой избушке не было. В углу висела большая икона святителя Николая, перед ней день и ночь горела лампада, небольшой столик белой скатертью покрыт. Здесь лежали книги, Священное Писание. У этого стола батюшка читал, искал ответы на разные вопросы, сочинял стихи. До приезда матери, Екатерины Степановны, батюшке во всем помогала немолодая верующая одинокая женщина, когда-то проживавшая в Новгородской области, в селе Нехино. Звали ее Елена Александровна Тимина. Эта старушка с большой любовью убирала храм, не жалея сил, старалась, чтобы вокруг церкви и возле домика царил порядок.

Легче и веселее отцу Николаю стало, когда к нему приехала дорогая, любимая, заботливая мать. Это была добрая, любящая Бога и каждого

человека женщина. Она проявляла особую заботу о своем сыне. Она как солнечный луч согрела его одинокое сердце, озарила дорогу, по которой ему легче стало пробираться. Сумела она тогда не одну скорбящую, обиженную, плачущую утешить. Сумела свою доброту передать сыну.

Уважал отец Николай свою мать, часто детям говорил: «Мать — самый дорогой человек на земле. Она нам дала жизнь, она желает нам счастья, успехов в учебе, в тяжелые минуты слезы вытирает, на добрый путь направляет».

Ласковое обращение с людьми, оказание помощи неимущему, справедливость — все эти добрые качества привлекли всесильную Божию помощь бывшему нашему священнослужителю, а с 1952 года протоиерею Николаю Гурьянову. Он был действительно духовным отцом. Его ценили и уважали не только наши верующие, но и высшее духовенство. Радует, что он не только получил это высокое звание, но и был награжден золотым крестом. Получив высокую награду, отец Николай с новой силой и большим усердием искал новые пути к сердцу верующего. Одному иконку святителя Николая подарил, второму молитвенник, а Александру Ананикову — Новый Завет, и своей рукой написал такие слова: «На молитвенную память моему дорогому сыну и брату Александру Александровичу от священника отца Николая Гурьянова».

Батюшка поддерживал связь с семьей Анны Федоровны Кашириной, которая была сослана в Сибирь 14 апреля 1949 года. Эта женщина пела в церковном хоре, старалась жить по Христову учению, внимательно относилась к каждому слову и усердной молитве отца Николая.

Любовь и вера в Божию помощь и письма отца Николая ее одинокую жизнь с двумя малолетними дочерьми морально укрепляли и помогли преодолеть все трудности в сибирской тайге. Батюшка не только писал письма, но и старался напомнить ей свой родной уголок. Высылал фотографии. На одной — отец Николай Гурьянов в 1952 году, на ней написано: «На память детства другу Анне Федоровне от священника Николая. Гегоброст 19 октября 1952 г. Высылаю Вам». Вторая — отец Николай на нашем кладбище около родителей Анны Федоровны. Рядом с ним стоят Елена Васильевна Давыдова и Ксения Аркадьевна Ермошенко.

Приближался 1954 год — год неожиданной разлуки с нашим любимым отцом. Трудно мне сегодня выразить то людское горе. Все его любили, любили как своего сына, но всегда к нему обращались «отец». Жаль было оставить свою паству и отцу Николаю. Особенно его волновала дальнейшая судьба церкви. В те дни он долго думал, и решил попросить Зою Петровну Карпенко и Валентину Владимировну Ерошенко, чтобы они присматривали за храмом. Вот что сказали они: «Позвал нас отец Николай в церковь, благословил, пал перед нами на колени и со слезами в глазах так грустно и сердечно просил: «Не оставьте сиротой святую церковь. Берегите ее до конца своей жизни, убирайте, заботьтесь о ее будущем». Мы тогда плакали и обещали его просьбу выполнить». Валентина Владимировна до сих пор является старостой прихода и заботится о нашем храме.

Все новые и новые вопросы возникали у верующих. Особенно было тяжко молодым людям.

Вот что заставило молодую девушку Екатерину Ефремовну Рогову обратиться за советом к отцу Николаю. Работала она в совхозе бухгалтером. Однажды ей сказали: «Вступай в комсомол». Девушка и ее мать ходили в церковь, молились и верили в силу и помощь Божию. Мать и дочь горько плакали и решились обратиться за помощью к отцу Николаю. Выслушав эту беду, отец Николай задумался, не сразу дал ответ. Он знал, не послушаешь своего начальника — потеряешь работу. А как жить в чужой сторонке? Их родная деревня в России сгорела... И вот наконец-то батюшка сказал: «Вступай, моя дочь, но Бога не забывай». Вот что сказала мне Катя: «Вступила я тогда в эту организацию. На курсы меня в Псков послали, а я там в церковь ходила и до сих пор всем говорю: хотелось бы мне теперь в нем побывать и к отцу Николаю птицей полететь. Низко ему в ноги поклониться, обеими руками к сердцу прижать и дочернее спасибо за привитую любовь к Богу сказать».

Не только православные, но и католики (литовцы) отца Николая хвалят, добрых слов ему не жалеют. Однажды возле реки стоял незнакомый человек и любовался на плавающих белых как снег лебедей. Увидел меня, подошел и начал рассказывать про свое детство. Оказалось, его родители жили в нашей деревне в то время, когда в церковном домике поселился отец Николай. Литовец дружил с русскими ребятами, и часто они бегали мимо церкви. Отец Николай любил бродить по лесу, слушать пение птиц, собирать осенью грибы. Один раз дети нашли немало подосиновиков и решили отдать их батюшке. С тех пор, как вспоминает теперь

взрослый мужчина, они стали друзьями. Батюшка их к себе приглашал, вкусным березовым соком угощал...

Тяжелый путь прошел отец Николай, но он не растерялся, не роптал, а в эти трудные дни был сияющей звездочкой в темной ночи. Божиим словом показывал настоящую жизненную дорогу, учил любить Господа Бога и оставаться верными детьми Всевышнего.

Хотелось вспомнить кем-то сказанные слова: «Когда сильная буря бушует, и пчелка на цветок не садится, но батюшкиным крыльям нельзя бояться бури, надо людей к Богу вести». Эти слова подтверждают наши старики: «В это трудное время он нам, оставшимся старикам, так много помог, он каждому дал новые силы и смелость умело преодолеть не только духовные, но и телесные трудности. Он навсегда останется в нашей памяти. Он вечно будет жить в наших сердцах».

Не забывал отец Николай наших верующих. Долгие годы переписывался с Ксенией Аркадьевной Ермошенко. Поддерживал связь с Еленой Васильевной Давыдовой. Не раз передавал привет с острова Залит своим бывшим чадам. Получили мы от отца Николая две книги: «Слово жизни» и «Напоминаю вам».

Церковь, в которой молился отец Николай, каждое лето теперь оживает. В нашу деревню приезжают ученики из Вильнюса на отдых. Утром и вечером звон колокола созывает ребят в церковь к общей молитве. Иногда совершается и литургия. Под сводами старого храма звучат детские голоса и вместе со взрослыми славят Господа Бога.

Воспоминания о старце Николае Гурьянове

Анна Ивановна Трусова

Впервые я попала к старцу на остров в начале 1970-х годов. О старце Николае я впервые услышала в Вильнюсе от одной старой матушки. Она прислуживала в покоях у архиепископа Германа, который приезжал к моему духовному отцу, многими почитаемому за старца — отцу Владимиру Каменскому.

Она только упомянула о старце Николае, о его прозорливости, а как к нему попасть — не сказала, коротко только так обронила: «Добираться трудно. Это водой нужно плыть...»

Батюшку тогда тщательно скрывали, духовные чада старались, чтобы люди не особенно широко узнали о батюшке, не беспокоили его, потому что в то время на острове было на него гонение. Местные власти даже отдали распоряжение; чтобы язык у колокола привязать, батюшка даже на праздник не имел права звонить в колокол. Тогдашний «начальник острова» очень атеистически был настроен, потому и к батюшке так относился.

А у нас в Духовной Академии, где я тогда работала, был такой певчий Коля, сейчас он регент в церкви «Кулич и Пасха», и он мне как-то сказал: «Я был у старца Николая». Я стала просить его, чтобы он меня взял с собой в следующий раз, и он согласился.

Батюшка меня в первый раз встретил очень сурово: «Ты зачем приехала? Вот тебе пароход, отправляйся обратно». Но потом стал со мной

беседовать. Я приехала к старцу хлопотать за одну девушку. Нужно было узнать волю Божию о ней — идти ли ей в монастырь.

Сначала я пришла к матушке Анастасии, которая пекла просфоры для храма. И вот вошел батюшка, благословил меня и говорит: «Читай акафисты, читай акафисты». Я взяла книжечку стала читать, и ничего не понимаю, что я читаю. А батюшка все тяжело вздыхал. А потом я говорю: «Батюшка, помолитесь, чтобы такая-то девушка в монастырь определилась». — «Какой ей монастырь!» Батюшка предвидел, что она скоро выйдет замуж. После этого батюшка меня строго спросил: «Исповедоваться будешь?» Я исповедовалась.

У него было очень легко исповедоваться, он молчал и все время молился, и я чувствовала, как он разрешает мои грехи. А в конце он сказал: «Больше не возвращайся к этим грехам». Вечером я должна была уезжать, но батюшка благословил придти к нему обедать. И он оставил меня еще на три дня при себе.

Я хочу сказать особо о матушке Анастасии, она была подвижница — весь день в трудах, а всю ночь на молитве. Она много лет была при батюшке. Я бы ее назвала настоящей старицей. Она всех, кто приезжал к батюшке, у себя в домике при храме принимала, кормила, на ночлег оставляла. И такая была кроткая, смиренная, любвеобильная.

Тот обед у батюшки я запомнила на всю жизнь. Он сам тогда готовил. Налил мне полную миску щей и говорит: «Ешь». А я смотрю на Анастасию: «Можно мне есть, очень много, да еще и с мясом?» А батюшка так строго: «Ешь, тебе

говорю, всё». Я, давясь, с трудом все доела. А батюшка достает еще кринку молока, три литра: «Пей молоко!» — «Батюшка, я не могу больше». — «Ну хорошо, вечером придешь, будешь молоко пить».

Вечером, когда я пришла, батюшка играл на фисгармонии, пел духовные песнопения. Так и еще два дня пролетели. Эти дни на острове для меня запомнились как одни из самых радостных в моей жизни. Паломников тогда никаких не было, тихо, спокойно было.

В тот приезд батюшка меня спросил: «Ты к отцу Петру Белавскому ездишь?» — «Езжу». — «Вот и езди, исповедуйся у него».

Еще батюшка меня спросил: «А работаешь-то ты на Льва Толстого?» Я действительно тогда еще подрабатывала в Первом Медицинском институте, который на улице Льва Толстого. Мне это необходимо было для стажа. У меня были только те годы, когда я до лагеря работала. А все лагерные годы для стажа пропали.

Батюшке было все видно, он все знал до мельчайших подробностей — даже назвал ту улицу, на которой я работала.

В то время я еще увидела, как надо почитать родителей. Я ему сказала: «Вот мама мне деньги дала». А он даже возмутился: «Мама? Не сметь у мамы ничего брать! А стараться ей угождать. Вот я однажды поехал в Псков, мама меня просила яблоков ей привезти. А приехал без яблок. Мама говорит: «Не привез мне яблочков-то? Вот умру я, так жалеть будешь, что яблочка мне не привез». Я тут же сел на пароход и поехал в Псков обратно. А когда привез их, мамочка их уже не могла доесть».

Батюшка водил меня по кладбищу и показывал мне могилочку мамочки Екатерины и других праведных людей, останавливался рядом с могилочками и говорил: «Помолись за них».

Батюшке были открыты мысли человека. Когда я стояла в храме перед иконой Божией Матери с молитвой о том, что хотела бы остаться здесь, батюшка вдруг быстрыми шагами ко мне подошел и на ухо говорит: «Вот чего захотела!»

В 1970—1980-е годы к батюшке Николаю в основном ездили монахини — пюхтицкие монахини приезжали, вильнюсские монахини приезжали, он был их духовным отцом. А из мирян почти никто не ездил. Батюшка боялся, что его могут выгнать с острова, а он очень дорожил этим местом.

Из всех моих поездок я особо запомнила еще одну, потому что во время ее проявилась прозорливость батюшки. Мы приехали на остров вместе с моим племянником. Он попал тогда в очень трудное положение. Он защищал одного человека, на которого напали хулиганы, а его обвинили в преднамеренном убийстве и краже. Следователь давал ему две статьи. Мы поехали к старцу Николаю просить его святых молитв.

Батюшка нас с первых же слов потряс своей прозорливостью. Мы ехали к старцу зимой, и я нагрузила на санки всю нашу поклажу, а пока К. их вез, саночки все время переворачивались. И вот батюшка встретил нас словами: «Ох уж эта тетушка, нагрузила саночки. А саночки-то по дороге кувырк!» Так он определил, что я приехала именно с племянником и, наверное, его тайный ропот по дороге.

Потом батюшка спросил: «А что вы приехали?» Я только сказала, что предстоит суд и дают две статьи. Батюшка не стал спрашивать — за что, почему, только я вдруг увидела, как изменились его глаза — таких глаз я не видела ни у кого в жизни. Он ушел далеко, он не присутствовал здесь, среди нас. Я прямо-таки затрепетала от этого батюшкиного взгляда. Не знаю, сколько он так молился, пять минут или больше, но только потом он глубоко вздохнул и сказал: «Не осудят. Оправдают». Так за какие-то несколько минут старец вымолил человека.

Потом батюшка обратился в племяннику и говорит: «А у тебя два мальчика?» — «Да». — «Младшему надо помогать учиться». И на самом деле младшему мальчику было очень тяжело учиться. У старшего хорошая была память, а у младшего нет, и он от этого плохо учился.

Потом старец помолчал, и вдруг взял К. за руку, показал ему на большую картину Страшного суда и сказал: «Тебе нужно туда, туда — показывая на Небесные Обители. А туда — и он показал на ад — попадают блудники». А потом прижал его голову к своей груди и быстро-быстро три раза сказал: «Терпи-терпи-терпи». А его семейная жизнь была крестоносная, его жена была очень строптивой, и он очень много терпел. И батюшка увидел это.

А потом он вдруг говорит: «В Польшу поедешь». — «Батюшка, да что вы...» — «Поедешь в Польшу. Слышишь, что говорит тебе православный священник? В Варшаву поедешь». И действительно, скоро его оправдали, обвинения сняли и направили на службу в Польшу.

Потом батюшка вдруг заговорил о Духовной Академии, где была моя основная работа (хотя

я ему об этом не говорила). «А владыку Кирилла сняли?» — «Да, сняли». — «А кто же теперь будет?» А потом помолчал: «А там же брат его, Николай. Ты ведь его знаешь. Ты ведь в Преображенский собор ходишь?» Все батюшке было открыто, я действительно была прихожанкой Преображенского собора и действительно на место митрополита Кирилла (Гундяева) ректором в Академию назначили его старшего брата — Николая. На следующий день после приезда с острова я пошла в Преображенский собор и удивилась, что отец Николай не служит. И прихожане мне сказали, что сегодня он первый день служит в Академии — пришло назначение. А старец Николай все знал заранее на своем уединенном острове.

А в конце той памятной встречи во время поездки с племянником батюшка встал на колени перед иконами и, обращаясь к К., сказал: «Я твой молитвенник!» Несколько раз повторил. А потом опять его голову прижал к своей груди.

А потом опять встал к иконам: «Господи, пошли им машинку, они так устали!» Тут мы поняли, что нам нужно уходить, и стали брать благословение у старца на дорогу. Но он сказал: «Нет, нет, еще не время. Еще посидите». Мы сели, просидели несколько минут, и он говорит: «Вот теперь время. Идите». Из этого можно было понять, что весь остров у батюшки как на ладони. Он видел, что где-то неподалеку человек собирается в путь на машине, и в тот момент, когда тот выехал, он нас благословил идти. Велел еще зайти на могилку к мамочке. Мы поклонились могилке, батюшка в окошечко на нас смотрел.

Потом мы отправились в путь по замерзшему озеру, прошли несколько сот метров, нас нагоняет

машина, останавливается и водитель предлагает нам сесть. А я говорю: «А у меня саночки!» Водитель тогда велел другим пассажирам потесниться и нас посадил. А потом спрашивает: «А вы к кому приезжали?» — «К батюшке». Он нас довез не только до берега, но до самого Пскова. Оказалось, что это был председатель колхоза. Только по молитвам батюшки он остановил машину и нас посадил, потому что, когда мы шли к батюшке, ни одна машина не остановилась. Так долго, трудно мы шли по льду, а обратно как на крыльях долетели.

Не знаю, нужно ли об этом говорить, но, видно, это был урок не только для меня — урок нестяжательности, скромности. Господь однажды меня сподобил стирать белье отца Николая, и я увидела, что оно все в заплатках — вот так: заплаточка, а поверх еще заплаточка. Да и подрясники у него все время были поношенные, старенькие. Если подарки старцу привозили, то он старался поделиться, раздать. А сам старался всегда угостить, никогда без чая или кофе от себя не отпускал.

Расскажу о случае прозорливости старца, который проявился по отношению к одной моей знакомой. Она решила переезжать в Житомир, ухаживать за одним престарелым батюшкой из города Кирова. Когда она приехала к старцу и спросила его об этом, то он воскликнул: «Как в Житомир? Сегодня ты золотая, а завтра будешь серебряная, а послезавтра будешь медная». То есть предсказал ей, что ее ожидает в духовном плане в Житомире. А казалась, что была прямая дорога — в том доме, где жила Марья Ивановна, жили дети той старушки, которая из Житомира

хотела переехать к ним. Все уже было решено. Оставалось только какой-то один документ подписать. Но батюшка сказал: «Никакого Житомира. Твое место в том городе, где ты живешь». А она была подвижница, у нее на дому наш общий духовник — отец Владимир Каменский — крестил детей, так под ее окнами иногда по 50 колясок стояло, и ей говорили: «Ты смотри, осторожнее». Эта Мария Ивановна и всех старушек опекала, готовила к причастию. То есть очень она была нужна людям. Думаю, что еще и поэтому старец не благословил ее уезжать. А еще он ее спросил: «В Лавре ты бываешь?» — «Бываю». — «От меня положи поклон владыке Никодиму. Великий был человек, мудрый митрополит. Смотри, бывай на его могиле».

Однажды мне рассказали две островские жительницы еще об одном случае прозорливости. Они сидели у старца, и вдруг он говорит: «Идите, сестру Анну встречайте. Она сумку тяжелую несет. Ей тяжело». Они вышли, издалека меня увидели и поразились (а они тогда не очень-то в прозорливость батюшки верили): «Как же он увидел, что она идет с тяжелой сумкой?»

Батюшка вообще островных жителей считал своими и жалел их. Однажды мы шли с батюшкой по острову от матушки Анастасии, и стоит мужчина пьяненький. Чувствуется, что он еле на ногах держится. А мы подошли, и батюшка говорит: «Иван Иванович! Вам мое почтение». — «Батюшка, батюшка, да как же вы так ко мне...» И я потом спросила: «А почему вы так сказали?» А он ответил: «Там, где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено — там ни одного». Островные жители простые были, потому батюшка их и любил.

Потом идет мальчик. Батюшка назвал его по имени (он, видимо, всех жителей острова по имени знал). Он его благословил и спрашивает: «Как твои дела?» — «Хорошо, батюшка». — «Я вот и говорю — все у тебя хорошо. Бог тебя благословит». И опять для меня повторил: «Где просто, там Ангелов со сто, где мудрено — ни одного».

Это, кстати и потом проявилось, когда велись споры по поводу этих ИНН. Он спросил батюшку, который к нему приехал от имени Патриарха: «А от Христа отрекаться не требуют?» — «Нет». — «Значит, не требуют отрекаться». И все, больше ничего не сказал — просто, без всяких призывов. Это было уже в 1990-е годы, батюшка уже стал знаменитым на всю Россию.

Случилось это после того, как в 1980 году сняли фильм «Храм», где впервые люди показывали батюшку на всю страну по широкому экрану. Вроде ничего особенного не показали, батюшка на экране запечатлен минут пять. Он просто пригласил съемочную группу «попить чайку». Но по стране тогда пролетело: «На острове Залит на Псковском озере живет старец». И тогда люди отовсюду потянулись. И батюшка поначалу всех принимал.

Я уже в это время не ездила к батюшке, только передачки ему посылала, а он однажды с моей знакомой предал мне деньги, сказал: «Отвези ей деньги. У нее нет денег». Я расстраивалась: «Зачем ты взяла?» А она: «Так как же я могла отказаться, если батюшка мне прямо в руку положил эти деньги?»

Батюшка был очень любвеобильный. Это была сама любовь, само милосердие, как у отца Иоанна Кронштадтского.

«Старец был прежде всего утешителем»

Наталия Александровна Лукина

Впервые мы — тогдашние прихожане храма Иоанна Предтечи на Каменном острове — поехали к старцу в 1989 году, тогда еще о нем не так много людей знало. И он при первой же встрече поразил нас. Он вышел к нам со словами: «А, воры приехали...» И принял очень ласково, долго беседовал, говорил на разных языках, сам даже спрашивал каждого по отдельности: «Ну, что ты хочешь спросить?» Одному мужчине, который эпизодически помогал храму, а у старца решил спросить благословения на то, чтобы перейти на постоянную работу в храм, он неожиданно для всех нас сказал: «Хорошо. Только уж тогда не пей». Потом выяснилось, что у него есть такая слабость, о которой мы и не подозревали. Но больше всего нас озадачило, — мы даже самого батюшку спросили, но он не ответил, — почему он нас назвал «ворами». Но потом, когда нас действительно обвинили в воровстве, стало понятно, что батюшка нас предостерегал.

Клевету эту мы пережили не случайно, а в наказание за нарушение архиерейского благословения. Дело в том, что мы очень хотели приобрести машину для храма. И спросили благословения у митрополита Иоанна. А он сказал: «Покупать машину не благословляю». Но вот вскоре появилась возможность получить машину в подарок. И мы решили: «Владыка не благословил покупать, а про подарок он ничего не сказал, значит, можно у него и не спрашивать». И на это лукавство наложилось еще одно лукавство —

человек, который решил нам машину пожертвовать, сказал: «Вы напишите письмо на завод от имени церкви, попросите две машины по себестоимости. Тогда эти две машины будут стоить как одна, если ее покупать в магазине. Я дам денег, одна машина останется вам, другая мне». И вот за этот лукавый подарок мы и получили — нас обвинили в том, что мы на церковные деньги купили автомобиль. Вскоре он, кстати, и разбился. А еще одно лукавство состояло в том, что на получение машины в подарок мы взяли благословение у старца Николая и еще у одного почитаемого батюшки. То есть таким образом захотели «обойти» архиерейское благословение. Духовная жизнь не терпит лукавства. И, кстати, даже если ты возьмешь благословение на благое дело, а потом внесешь в него свое лукавство, то Господь потом все равно обличит и выведет на чистую воду.

В моем многолетнем общении со старцем я убедилась — он часто благословлял человека на заведомо «провальное дело», зная заранее, что у него ничего не получится. Он это делал для того, чтобы человек двигался, шел вперед. Батюшка любил людей деятельных, активных. Ведь к нему ехали в основном люди с великими скорбями, которым было не до «активничания», а когда он видел человека, который намеревался что-то делать, строить, созидать, то он очень радовался и благословлял на дело. Если это намерение не было связано с нарушением заповедей Божиих, он всегда благословлял. Потому что само стремление к какому-то свершению уже меняло человека, меняло его жизнь, приносило в нее откровения, которых он, если стоял на месте, не получил бы. Со мной было два таких случая.

Оба они связаны уже с периодом первых лет строительства храма св. прав. Иоанна Кронштадтского в Дачном. Батюшка благословил нас на это начинание. Всякий раз, когда я приезжала и жаловалась на то, что дело двигается трудно и медленно (семь лет только мы воевали за землеотвод), батюшка повторял: «Построишь, построишь...» И вот, когда уже появилась возможность приступить к конкретным работам, оказалось, что денег-то брать неоткуда. И тогда пришла в голову мысль: «Нужно выставить свою кандидатуру в депутаты. Если выберут, деньги появятся». И поехала я к батюшке за благословением. Он благословил. Мы развернули бурную деятельность. И, конечно же, ничем это не кончилось. Но опыт за это время «участия в выборном процессе» был приобретен немалый. А когда я приехала к батюшке и сказала о своем «провале», он сказал: «Как я рад, что ты не стала депутатом!»

Второй случай тоже был связан с поисками денег на строительство. Опять нас посетила идея: «Надо ехать в Америку и просить там помощи. Там есть православные, они помогут». Опять поехали к батюшке за благословением. Он благословил. А я не исполнила его благословения в течение года (тогда были очень дешевые билеты, мне хватило бы моей зарплаты). Не исполнила благословения, потому что сама решила: «Ну вот, благословение теперь уже есть. Когда-нибудь можно и поехать, но не сейчас». А через год стоимость билетов выросла в 10 раз, и, конечно, уже не было возможности ехать. Правда, можно сказать, «рикошетом» благословение батюшки перешло на мою младшую сестру — она в 57 лет вышла в первый раз замуж за православного

грека, живущего в Америке, и уехала с ним. И стала православной, а здесь ее было в храм не затащить. Так что Америка все равно вошла в мою жизнь вот таким неожиданным образом.

Не раз приходилось убеждаться в прозорливости старца. Можно сказать, что он читал мысли человека. Я, например, узнала от его врача, что у него очень больные ноги — в них плохо поступает кровь, и непонятно, как он еще может ходить. И вот как-то я приехала к старцу и постоянно думала об этом, сокрушалась. А он вдруг говорит: «Побежали на выборы, побежали». И на самом деле побежал, и так быстро, что я едва за ним успевала. Тогда я поняла: нечего своим умом мешаться в жизнь святого человека. Прозорливый был батюшка, но не это главное было в его служении. Главное было то, что он всех утешал. Он ведь и сам так говорил, когда выходил из своего домика: «Надо вас утешить. Чем вас утешить?» Помазывал нам святым маслицем скрепочкой из пробирки, и такое утешение входило в душу. А говорил он совсем немного и, казалось бы, одни и те же слова разным людям говорил, а все получали утешение в самых разных обстоятельствах. Мне пришлось получить прямое свидетельство этого.

Несколько лет я ездила к батюшке с вопросами по поводу строительства храма, но при этом многие прихожане просили меня задать батюшке их личные вопросы. И я всегда брала с собой тетрадку, где были записаны эти вопросы, и напротив каждого имени записывала, что ответил батюшка: «Благословляю. Не надо. Пусть потерпит. Не скажу. Все будет хорошо». Чаще всего он говорил: «Надо помолиться». И привозила я эти ответы, и видела, как такие простые, краткие

слова доходят прямо до души человека, входят прямо в сердце. Все становится на свои места.

Слово старца, простое по форме, обладало духовной энергией. А потом, когда уже старец не принимал, я через одну местную жительницу, которая носила ему рыбу и молоко, пересылала свои вопросы, и опять старец отвечал кратко: «да», «нет», — но в душу приходил мир, и те обстоятельства, которые казались ужасными, переставали такими казаться. Да и теперь я делаю то же самое — посылаю свои вопросы на остров, та же женщина ходит теперь уже на могилку, постоит, почитает их, а мы тут все ощущаем, что старец за нас помолился, и все устроилось. Кстати, так было, и когда старец болел — приезжали мы на остров, постоим мы у домика, прочитаем на кладбище акафист святителю Николаю, мысленно побеседуем со старцем, — и такое было всегда чувство, что он нас услышал и утешил, успокоил.

Старец Николай был и есть — старец-утешитель.

Батюшка прежде всего учил молиться. У меня было два таких случая. Умерла моя мама, она была неверующая, и я очень переживала. Молилась за нее напряженно, подала сорокоусты куда только можно. А потом я увидела утешительный сон — я видела маму красивой, счастливой и успокоилась, и перестала напряженно за нее молиться. А потом рассказала батюшке об этом сне, но он строго сказал мне: «Продолжай молиться до конца дней».

Было у меня недоумение по поводу молитвы об одной усопшей женщине-гинекологе, которая (в советское время, по неведению, и была она неверующая) сделала немало абортов. И я не знала, молиться ли за нее, и спросила батюшку.

Он ответил: «Молись. Обязательно нужно за всех молиться».

Опекая молитвенно наше строительство храма святого праведного Иоанна Кронштадтского, батюшка и нам заповедал постоянно молиться. И происходили чудеса. Бог постоянно посылал помощников. Они приходили прямо с улицы. Больше всего запомнилась первая из них. Она пришла и спросила: «Чем вам помочь? В чем у вас нужда?» Мы сказали, что нам нужны кирпичи. Кирпичи были очень дорогими. Нужна была огромная сумма. И она купила нам столько кирпичей, что нам хватило на все строительство храма.

Когда мы батюшку спрашивали о том, в честь кого освятить большой храм, который мы будем строить рядом с маленьким храмом св. прав. Иоанна, он на вопрос: «Можно ли его освятить в честь Царственных Страстотерпцев?» — ответил: «Надо молиться».

С этим заветом старца мы и живем, мы постоянно читаем в нашем храме акафист святым Царственным Страстотерпцам и надеемся, что Господь благословит наши намерения и совершит их молитвами старца Николая.

Старец Николай в моей жизни[1]

Владимир Алексеевич Непомнящих

В феврале 1989 года я впервые попал к старцу Николаю на остров Залита. Пока шел по льду,

---

[1] По изданию: Воспоминания о старце Николае Гурьянове. М., издательство «Ковчег», 2002.

мысленно перебирал в памяти основные события жизни и думал о том, имел ли я право беспокоить старца своими проблемами. Как я подойду, что скажу?

Подошел к домику, постучал в дверь. Старец Николай вышел, внимательно посмотрел на меня и ласково приветствовал: «Ну вот, я сижу — врача дожидаюсь. А врач взял сам ко мне и пожаловал!» Нельзя передать ту радость, которую я испытал в ту минуту. Именно с этого мгновения я почувствовал себя истинным врачом, потому что до этого все сомневался, имел ли право лечить людей. Столько дипломов с отличием имел, а вот настоящий диплом врача получил в тот день!

С такими мыслями я зашел в келью батюшки. «Знаю, зачем пришел, — сказал он. — Проявил в поезде ротозейство, кольца-то и пропали. Не беспокойся, никаких неприятностей на службе по этому поводу не будет. Господь отвел беду». Пропажа золотых колец была источником моих переживаний.

Отец Николай успокоил, что я буду часто встречаться с сыном. Тогда мне это казалось совершенно невероятным, поскольку я жил в Алма-Ате, а сын — в Баку. На прощанье батюшка утешил: «Все у тебя будет хорошо. Куда собирался поехать — езжай». Мне хотелось посетить Псково-Печерский монастырь, но я не успевал. «Тебя аэросани догонят. Быстро домчат. Еще пятнадцать минут автобуса будешь дожидаться». На прощанье старец благословил, помазал иерусалимским маслицем и пригласил приезжать еще. После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно

иной, появилась твердая уверенность в будущем. Действительно, на аэросанях меня быстро доставили до остановки за пятнадцать минут до отправления автобуса. Так Господь подарил мне крепкого молитвенника о спасении души, подлинного духовного отца, оказавшего решающее влияние на всю мою жизнь. С того дня я стал приезжать на остров к старцу два-четыре раза в год.

Хочется рассказать о самых главных, жизненно необходимых проблемах и ответах отца Николая, которые касаются многих христиан. После распада СССР с большим трудом мне удалось переехать в Подмосковье. Несколько раз ездил за молитвенной поддержкой к батюшке. С 1993 года, наконец, я устроился в Подмосковье, где продолжил службу в военном госпитале. Трудно пришлось на новом месте. Было много искушений, клеветы на работе, особенно тяжелыми оказались столкновения с экстрасенсами. Дома одолевали скорби, досаждала бытовая неустроенность, отсутствие достаточных денежных средств. В это время я создавал новую семью, родился мальчик. Старший сын переехал в Москву, и наши взаимоотношения складывались непросто. В 1994 году я приобрел сборник духовных стихов, собранных старцем Николаем, «Слово жизни», с радостью поехал на остров и попросил батюшку подписать книгу на память. «А зачем? — удивился батюшка. — Ведь я ее уже подписал!» Когда открыл титульный лист, увидел под фотографией отца Николая строки:

А я? Лишь утро наступает,
Стою пред образами,
Вам в помощь Бога призываю,
С надеждой, верой, со слезами.

Когда в храме после беседы со старцем просматривал книгу, внимание сконцентрировалось на трех стихотворениях, которые особенно утешительно действуют на сердце: проходит уныние, на душе становится легче, словно рассеиваются невидимые тучи.

Господи, помилуй,
Господи, прости.
Помоги мне, Боже,
Крест свой донести.

* * *

К Тебе, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю возвести свой глас,
Лице слезами омывая,
Услышь меня в сей скорбный час.
Прими теплейшие моленья,
Мой дух от зол и бед избавь,
Пролей мне в сердце умиленье,
На путь спасения наставь.

* * *

Мира Заступница,
Матерь Всепетая!
Я пред Тобою с мольбой:
Бедного грешника, мраком одетого,
Ты благодатью прикрой!

Меня смущали помыслы подозрения некоторых знакомых и даже родственников в том, что они могли оказывать темное магическое воздействие на моих близких. Батюшка меня спросил, венчались ли мы с супругой, и успокоил, что меня беспокоили вражеские наваждения. Когда у нас

пропали деньги в одном из коммерческих банков, он обещал, что «Господь все управит». **Православному человеку нужно искать защиту «у Господа, у Господа. Где просто, там Ангелов со сто. Где простота. А где мудрено, там — ни одного. Вот».**

Дома я переживал из-за трудны семейных отношений, поделился с батюшкой, а он попросил передать жене от него поклон и сказать, чтобы она слушалась мужа. Я спрашивал, возможно ли, чтобы старший сын когда-либо стал жить вместе со мной, старец утешил, что у Господа все возможно. По молитвам батюшки я стал часто видеться с сыном. Когда я, было, задумал купить машину, отец Николай не разрешил: «Не надо, ты еще не старый. На бензин много денег надо. На одиннадцатом номере надо ездить. Пешком».

Мне хотелось стать начальником глазного отделения, но старец не одобрил этого и благословил «*евангельское служение людям в качестве врача*». Я пожаловался на то, что трудно теперь жить и служить. «Будет легко лечить», — ответил он твердо. Меня волновало, благословит ли старец писать диссертацию, и он ответил: «Отчего же не писать? У тебя есть знания». Перед началом работы отец Николай учил кратко помолиться: «Господи, благослови!», — в процессе работы: «Господи, помоги!», — и после работы: «Слава Тебе, Господи!» На вопрос о духовном руководстве кратко сказал, что его «Бог определит». Меня интересовало, можно ли посещать службы в Зарубежной Православной Церкви. Батюшка строго отнесся к этому: «*Есть наша Церковь*». В тот день батюшка дважды повторил: «*Не надо крест снимать в бане*», — и я вспомнил, что перед этим несколько раз ходил в баню и, действительно,

снимал серебряный крестик и цепочку. В 1995 году во время вечерней службы я исповедовался у отца Николая и пожаловался, как трудно жить: прихожу с работы и падаю как подкошенный. «Станет полегче», — успокоил старец. По его молитвам вскоре стало легче, не чувствовалось такого смертельного опустошения и бессилия. После исповеди батюшка тихо подошел ко мне и впервые сказал: «*Какой ты счастливец, ты — евангельский врач!*» Решив продолжить военную службу, я сказал об этом батюшке, и он одобрил: «Хорошо». **Батюшка не одобрял смены жизненных обстоятельств без особой необходимости**.

Через полгода после опубликования в журнале «Москва» моих первых рассказов при встрече я попросил у старца благословения на занятие писательской деятельностью. «Владыка благословит», — ответил отец Николай. Хоть я и удивился, но не посмел его расспрашивать. На следующий день я был в Петербурге, посетил часовню блаженной Ксении. В храме во имя Смоленской иконы Богородицы вечером служил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. После богослужения прихожане подходили под благословение к владыке. Когда подошла моя очередь, я, нервничая, скороговоркой попросил благословения на написание православных рассказов и успешное лечение больных.

Старец-митрополит остановил меня, заставил спокойно все повторить и затем только благословил. Мне казалось, что после благословения владыки я стану писать, как по нотам, на деле в течение пяти лет я не написал ни одной строчки.

Как врачу, всегда хочется предъявлять к себе особо высокие требования, поэтому часто меня

тревожило, что я, на мой взгляд, недостаточно хорошо оперировал, но отец Николай спокойно заметил: «Операции на глазах — дело тонкое». Батюшка всегда обращал к своей совести, понуждал человека к личному покаянию. *Услышав о смущении блудными помыслами, напоминал об обете супружеской верности, — о тяге к винопитию, указывал на помощь всесильного Креста Господня.* **Во всем учил полагаться на волю Божию: «Будет, как должно быть».**

Старец был противником того, чтобы христиане пили водку. Что греха таить, на службе у нас застолья были частым явлением. После банкетов с вином и водкой стыдно бывало показываться ему на глаза. Отец Николай встречал тогда сухо и приезжать не разрешал. «*Вино сокращает жизнь*». Однажды посетила мысль о том, как дорого обходится дорога к нему. Прощаясь, батюшка заметил: «Зачем на дорогу тратиться?» При врачевании отец Николай благословил читать «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и «Царю Небесный», позволил смазывать освященным елеем лоб и глаза у больных, причем не только у православных, но у всех страждущих. Временами хочется чередовать чтение Иисусовой молитвы с чтением «Богородице Дево, радуйся», но меня смущало, можно ли оставлять то одну, то другую, — батюшка рассеял мои сомнения и сказал, что можно читать молитвы попеременно, лишь бы сохранить молитвенное устроение. На прощание старец Николай просил молиться за него и добавил: «Я еще не отхожу в вечность». 23 февраля 1996 года я вновь был на острове с пациентом Игорем, отца Николая застал рано утром в храме. Увидев нас, старец обрадовался

и по смирению хотел поклониться в ноги, но мы его удержали: «*Какой вы счастливец! Евангельское лечение будете проводить!*» — говорил мне батюшка, благословляя. Игорю сказал: «Врач знает, как лечить». Мой пациент некоторое время был связан с криминальной средой, но постепенно отошел от нее и стал на путь истинный. Когда он жаловался на своих бывших приятелей, старец его решительно перебил: «Они много лучше нас». На этот раз отец Николай благословил приобрести машину и продолжать службу в госпитале. Деньги он не взял со словами: «Тебе самому нужны».

Каждый раз, когда я ехал на остров, волновался о том, как меня встретит батюшка. Иной раз встречал теплый прием и живое участие в разрешении моих проблем, получал приглашение приехать. Часто бывало, что старец смирял меня тем, что смотрел на меня, словно видел впервые. Во многом встреча зависела от моего духовного состояния и образа жизни. Батюшка искоренял у меня особенную гордость, которая поражает многих христиан от частого общения с духовными лицами. Начинает казаться, что ты выше и лучше других. Когда я уклонялся от истинного христианского пути, то хорошего приема не ожидал. Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время.

Летом 1996 года я приехал на остров вместе со старшим сыном Евгением. Вечером мне батюшка посоветовал не оставлять службу добровольно, но и не сопротивляться, если будут вынуждать уйти: «Ты — молодой, послужи. А если выгонять

будут, тогда не надо». На следующее утро старец служил Божественную литургию. Необыкновенная тишина и благоговение были в храме. Никто из прихожан не проронил ни одного слова. Все, как один человек, в положенные моменты опускались на колени, были предельно сосредоточены: поистине тогда у всех было «единое сердце и одна душа». По окончании литургии отец Николай кротко и очень тихо сказал: «Какие вы счастливые, мои дорогие, сегодня Сама Матерь Божия незримо посещала нас и всех благословила, бывших на службе». На прощание батюшка утешил: «Все будет хорошо!» — а сыну посоветовал стать врачом. Евгению же хотелось стать юристом, и я рассказал об этом старцу. «А болтать умеет?» — «Да, как папа». — «Тогда можно быть юристом, но лучше бы было идти в медицинский».

Впоследствии мне пришлось уволиться с военной службы. Я устроился на работу в Институт глазных болезней и одновременно подрабатывал в различных лечебных учреждениях, что не всегда бывало легко. Не раз приходила мысль уволиться из института, но отец Николай не давал на это благословения. На все новые осваиваемые методы и способы лечения, в том числе и гомеопатию, я получал благословение батюшки. Вначале он помазывал лоб маслицем, а затем отвечал на мои вопросы. Весной 1997-го я приехал на остров и радостно заявил, что получил заграничный паспорт, чтобы ехать на Афон и в Иерусалим. «Да, да, на Валаам-то поезжай», — услышал в ответ. «Да я там был в прошлом году!» Батюшка еще раз твердо повторил: «На Валаам поезжай». Что делать? По благословению старца провел целый месяц летом на Валааме, причем

три недели жил в уединенном Иоанно-Предтеченском скиту. Не передать словами, какую духовную радость и пользу я там получил! Позже батюшка позволил посетить и Святую Гору, и Святой Иерусалим. В декабре 1997 года его глазки стали еще голубее и прозрачнее. Спросил меня: «Не пьешь водку? Не куришь?» — «Нет, батюшка». — «Вижу, что не пьешь и не куришь». Многократно в этот раз я подходил к старцу и никак не мог с ним расстаться. Впервые услышал, как старец пел:

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя,
И двери смерти, страшно тяжки,
Уж недалеки от меня.

Душу охватила грусть, казалось, что больше не придется свидеться. Но батюшка ответил: «Скоро». Через два дня приехал вновь после посещения Псково-Печерского Успенского монастыря с иеромонахом Антонием. Удивительно было слышать, как два старца, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и протоиерей Николай, одинаково открыли ему Божию волю. Позволю себе рассказать только об одном вопросе отца Антония: «Батюшка! Недавно блаженная Любушка, которая была духовной дочерью Серафима Вырицкого, преставилась. А ведь она предсказывала, что после ее смерти будет немало потрясений в стране». Долго размышлял отец Николай, а потом спросил: «А вы молитесь за нее?» «Да, ежедневно», — ответил Антоний. «Так и она каждодневно молится перед Престолом Всевышнего! Умолила, чтобы не было бедствий!»

Батюшка обратился ко мне: «Передай своей родственнице: «Поп Николай сказал: "Не будешь ходить в церковь — ослепнешь"». Не послушала она, к сожалению, предостережения, и через полгода ослепла внезапно на один глаз, а вскоре резко ухудшилось зрение другого глаза из-за глаукомы.

Старец разговаривал с нами, находясь за запертой дверью. Меня беспокоило, что я не знал, был ли крещен мой отец, который умер, когда мне было всего три месяца. Батюшка ответил утвердительно и разрешил поминать папу. Интересно, что он спросил меня: «Ты причащаешься?» Отец Николай благословлял подходить ко Святому Причастию «по состоянию и готовности». Я ответил, что часто причащался — четыре раза в год. Мне стало не по себе: значит, Господь только четыре раза принял меня как причастника!

Я жаловался на непонимание коллег, на непочтительное отношение больных. «Ничего. Твой труд евангельский». «Подойдите к окошечку, мои дорогие, я вас благословлю». Мы смотрели через окно, как старец долго молился, многократно благословлял и крестил нас. Несколько раз я привозил и подавал ему для благословения фотографии близких мне людей. Батюшка внимательно смотрел и крестил фотографию. Однажды заметил, что рядом с одним из моих родственников стоит бутылка. Действительно, тот часто выпивал. Раба Божия Тамара приезжала к старцу Николаю за благословением на сложную операцию в брюшной полости. Женщина очень боялась предстоящей операции, поскольку у нее было наследственное тяжелое заболевание почек. Отец Николай благословил на предстоящую операцию. После операции начались осложнения, и больная

впала в уныние, боялась, что старец Николай ошибся в своем решении. Однако постепенно в ходе дополнительного лечения у Тамары наступило улучшение самочувствия. Особенно разительная перемена произошла с больной после посещения монастыря святителя Тихона Задонского, где она пробыла неделю и ежедневно купалась в целебном источнике. Женщина перестала сомневаться в благословении батюшки.

На третьем десятке лет раб Божий Сергий неожиданно заболел: развилась сильнейшая дистрофия внутренних органов. Парень буквально таял на глазах, резко убавил в весе, его беспокоила страшная слабость, постоянная тошнота и частая рвота. Усилия медиков были напрасны, родители безрезультатно потратили огромные деньги на обследования и лечение. Сергей продолжал таять, как свеча, и его близкие готовились к худшему. Знакомая монахиня предложила отвезти больного на остров к старцу Николаю. Добирались с большим трудом из-за плохого самочувствия молодого человека и различных поломок автомобиля. Когда дошли до домика, оказалось, что батюшка не принимал, все упали духом. Однако вскоре на пороге дома показался отец Николай. Услышав от больного, что никто не мог его вылечить, батюшка участливо посмотрел на Сергея, затем легонько стукнул его по щеке и сказал: «Все пройдет». Через некоторое время еще раз стукнул больного по щеке, подергал за ухо и добавил: «Будешь здоров». Здоровье Сергея после поездки пошло на поправку.

1 мая 1998 года я спросил благословения на поездку летом на Валаам и услышал в ответ, как батюшка запел: «О, Иерусалим, Иерусалим!»

(Господи! Какой Иерусалим с моей зарплатой!). Спустя две недели пришла пациентка, лечение которой я начинал еще в бытность военным врачом в госпитале. Женщина рассказала, что молилась на могиле блаженной Матроны о возвращении здоровья и услышала ответ в душе: «Ищи военного врача». Другого военного врача она не знала, и разыскала меня. Лечение оказалось долгим и трудным. Ни о каком материальном вознаграждении не было речи. Выздоровев, пациентка вернулась, чтобы поблагодарить за помощь. Она оказалась главным бухгалтером коммерческого банка. Приветствовав меня, женщина передала небольшой сувенир и конверт с оплаченной квитанцией на паломническую поездку в Иерусалим. Мне осталось только оформить документы, и через две недели, в начале июня, я оказался на Святой Земле и на Синае. В Горненском монастыре довелось встретиться с игуменьей Георгией, которой старец за много лет предсказал, что она будет на Святой Земле возглавлять женскую обитель. Матушка передала подарки отцу Николаю. Когда я передавал их батюшке, он пошутил: «А она на меня не обижается? Ведь это я ее из Пюхтиц на Святую Землю отправил».

Летом 1999 года отец Николай принял меня очень сурово. Отношения в семье были тяжелые, я думал о разводе. Один из известных духовников поддержал меня, сказав, что для моего спасения лучше развестись и жить раздельно. В смятенном состоянии шел я к старцу, который встретил меня у калитки. Не дожидаясь вопроса, батюшка сказал: «А ты сам виноват в отношении жены. Пожалей ее, ведь она тебя жалеет!» Вмиг наступило прозрение, вспомнились все мои

прегрешения по отношению к жене, семье, сделалось нестерпимо стыдно. После этого я два дня не находил себе места на острове, не смея показываться на глаза отцу Николаю.

С тех пор я стал осторожно относиться к советам младостарцев. По слову батюшки: «Езжай, всюду побываешь и все увидишь!», — я побывал на Святом Афоне и посетил все двадцать монастырей, множество скитов и келий.

Особо хочу подчеркнуть, что с этого момента вход во дворик старца был закрыт, но он еще имел возможность выходить к людям. Выходя из домика, батюшка, полушутя, бегом бежал к нам, стоявшим за калиткой. Внешне он казался отрешенным от всего земного. Чувствовалось, что между нами, грешными, и старцем было громадное расстояние. Многим подходившим под благословение батюшка уже не отвечал на вопросы, а только молча крестообразно елеем помазывал лоб. При этом люди чувствовали, как необходимость в расспросах исчезала. Однако с теми, у кого действительно была нужда, отец Николай беседовал, отвечал им на вопросы и даже приглашал людей к себе в домик. Иногда батюшка выходил на улицу, низко кланялся паломникам и просил их еще раз приехать: «Милости просим, мои дорогие, прошу вас к нам пожаловать». Неоднократно старец по болезни никого не мог принимать, тогда приходилось писать записки. Келейницы относили их батюшке, затем передавали ответ. Он отвечал не на все вопросы, а выборочно. Несомненно, старец Николай знал волю Божию и открывал ее в той мере, в какой считал необходимым. На мое смущение по поводу еврейского вопроса отец Николай просто ответил: «Есть

евреи и — евреи». После этого душа примирилась: есть хорошие и есть плохие люди. Я — врач, и, по молитвам батюшки, остаюсь со всеми ровен. Осталось трогательное воспоминание о том, как любимый белоснежный голубок батюшки, вспорхнув, сел мне на голову.

Последний раз при жизни старца посетил остров в декабре 2001 года, но уже увидеть его не довелось... На похоронах отца Николая многие отмечали удивительное душевное спокойствие, мир. Когда прикладывались, ручка у старца была теплая, как у живого. Всякий раз после встречи с отцом Николаем разрешались сами собой десятки вопросов и проблем. По молитвам батюшки очищались ум и сердце. Когда я заходил в Никольский храм и прикладывался к чудотворному образу Богородицы «Благодатное Небо», душа успокаивалась, настраивалась на покаяние, забывались обиды. Это внутреннее очищение происходит при посещении и других праведников, святых мест. Надо только иметь веру и надежду на милость Божию. В самые сложные периоды жизни батюшка мне всегда говорил: **«Что тебе волноваться, у тебя есть вера»**. Господь в лице старца Николая явил мне образец истинного служения ближнему, указал духовный ориентир смирения и самопожертвования. Я несколько раз спрашивал батюшку, можно ли мне считать его своим духовным отцом, но он ничего не отвечал. Внутренне всетаки обращался к нему за молитвенной помощью именно как к духовному отцу. Ни на минуту не сомневаюсь, что старец имеет дерзновение молиться за Россию и за весь наш народ. Господь да сохранит всех нас молитвами старца Николая и дарует наследовать Царствие Небесное!

Остров Залита

Елена Пустовойтова

Поезд на Псков чист. Не то что в недавние еще времена моего последнего с Россией свиданья. Простыни проводницы раздают сродни домашним — белые с цветной каемкой. Чай горячий, в подстаканниках, с дребезжащей ложечкой. Пей — не хочу!

Попутчиками моими оказалась жена военного с двумя детьми. Дочери пятнадцать, сыну восемь — Иваном звать. Узнав, что еду я на остров Залита, обрадовались: были они у старца Николая четыре года тому назад. Тогда мужа определили служить в Ставрополь. Чечня рядом. Вот и поехала Ольга к старцу, со страхом не могла совладать. Старец выходил к паломникам и со всеми говорил. Ее увидел и сразу спросил: отчего они живут с мужем невенчанными? Наказал повенчаться и успокоил — на новом месте службы горе мимо пройдет. А напоследок сказал: «Сын хорошим человеком вырастет»... Иван сидит рядом с мамой и блестит глазами.

— Туда на лодках плыли, страшно даже было — ветер, дождь, вода через борта плещет, а обратно — просто чудо. Солнце светит и на душе покой...

За окном вагона тихая русская красота. Лес, пронизанный белыми стволами берез вперемежку с солнечными ладонями лугов. А уж если случится проезжать сплошной березняк, лишний раз вздохнешь от радости и умиления — слава Тебе, Господи, за красоту такую! Поля в России попрежнему раздольны, завлекают глаз пшеничным

золотом. Реки все так же тихи и манят прохладой. Яркие брошки желтой пижмы на зелени лугов, розовые кисти иван-чая, белая пена кашки... А по обочине железнодорожного полотна умиляют своей голубизной распахнутые глаза цикория... Стожки на скошенных лугах крепки и многочисленны, похожи на крепышей-богатырей в островерхих шлемах — сторожат русскую землю. Приволье! Зелень сочная, совсем иная, чем в Австралии. Эвкалиптовые леса окрасом не вышли, их зелень с коричневым отливом, с серым подмесом. Конечно, земля-матушка везде красива, и кому-то эвкалипт милее моей березки. Это не обидно. Обидно, когда свое не мило. Манят взгляд и покосившиеся заборы с поленницами дров под ними, и темные деревянные баньки, и некрикливые домики с резными наличниками. Но всего душе приятней заглядываться на старушек, хлопочущих подле живности или в огороде. Белые платочки, натруженные руки, согбенные спины — русские корни воплоти. Те, кто на самом деле соединяет нас с родной землей. Дай Бог им сил отстоять внуков своих от поклонения чипсам и макдоналдсам, от хеллуинского обезьянничанья. Дай Бог, чтобы их колыбельные закаляли кровь внуков от яда иностранщины и прививали любовь к великой простоте родной речи...

Не всякий русский человек счастлив без России. В нынешней своевольной эмиграции немало, конечно, таких, но не все. Жена нового русского, свалившего с деньгами в Австралию и владеющего теперь и домом на побережье, и яхтой, рассказывала, что ей неотступно снится сон — она в Россию собирается, чемоданы упаковывает...

Безродность даже таких пронимает. Но не всем суждено вернуться — кого грехи не пускают, кого деньги, кого амбиции, кого неверие, а кто просто устал. Но рассказа побывавшего на родине человека ждут с нетерпением, вопросы всякие задают, чтобы на внутренних своих весах взвесить все за и против, свою тоску и сытость, свои печали и радости...

До Псковского озера доехать просто — таксисты и частники сами окликают — «кому до острова». И через час я с попутчиками уже там. На берегу начинается царство лодочников. Они должны цену назначить, а мы на нее согласиться. А иначе и царство не в царство.

Лодка, взявшая вместе с нами пятерых гостей к старцу Николаю, не спеша, с натугой затарахтела по протоке, окаймленной высоким камышом, и с трудом выбралась на простор. Берег остался позади, а впереди, как в море-окияне, сплошная вода. Молоденькие паломницы достали из сумок платки. Скоро Залита.

Остров Залита открывается вашему взору не вдруг, медленно и величественно, не спеша поднимаясь из недр самого озера. Округл и зелен, с белой церковью посередине. Сразу вспоминается сказка про чудо-юдо, рыбу кит. Очень похоже. Весь остров покрыт травой-муравой. Улицы, дворы, берег. Нет ее лишь на тропинках, расчерчивающих буйную зелень желтыми полосами. Жужжание пчел, щебет птиц... Бабочки летают... До боли все знакомо, хоть видишь это в первый раз. Словно в детство свое попадаешь. Только в нем так было — зелено, тепло и покойно. Над островом разливается звон колокола. Служба началась. День убиения Царственных Мучеников...

Спутники мои здесь не впервые. Знают, куда идти и что делать. Повернули от церкви на улочку, в просвете которой виднеется озеро, пошли мимо каменной кладбищенской стены и остановились напротив маленького зеленого домика с белыми простыми наличниками, что расположен как раз напротив расписанных фресками кладбищенских ворот. Дворик оторочен штакетником такого же цвета, что и дом. На калитке прибит крест, под ним образок, а рядом, в рамочке, тщательно выписанное объявление — просьба не стоять под забором и не ждать встречи с батюшкой. Болен он. Уйти нет сил. Проходящая мимо женщина, явно из местных, подошла к калитке, низко поклонилась, приложилась к кресту и к образу и дальше пошла по делам своим. То же самое и все паломники совершали, подходя к домику, затем, безропотно помедлив перед объявлением, расходились — кто на кладбище, могиле матери отца Николая поклониться, кто в церковь.

Церковь от времени заметно осела, фундамент почти в землю ушел, но стоит крепко, зеленея прочной крышей и красуясь стройной колокольней, непокоренная прошедшими бедами. Иконы старинные, намоленные. На иных, почерневших от времени, и не разобрать мне было ликов святых. Но от этого иконы святости своей не потеряли. Народу много. Молятся истово, поясными поклонами не отделываются, земные кладут. Со слезами на глазах молятся. Все женщины в платочках. В Москве такого почтения к святому месту можно и не встретить, там и в брюках, и с непокрытой головой свечи ставят. И то ладно. Даст Бог, опамятуются. Много детей.

Мальчишки крестятся истово, прижав левую руку к боку, правой размашисто себя осеняют. От усердия плечики поднимаются, и лопатки оттопыриваются, как крылышки. Девчонки около мам ютятся. Два батюшки, явно из паломников, стоят позади. Молятся. Лица молодые, спокойные и красивые. Давно таких лиц не встречала.

После службы вернулись к домику. Слышны молитвенные песнопения из шалаша в огороде, накрытого клеенкой. Человек в пятнистых омоновских штанах вышел оттуда навстречу молодой в черных монашеских одеждах, женщине. Других не видно, лишь слышны голоса. Две паломницы, прибывшие с нами в одной лодке, устремились к забору, но монахиня, встретившись в огороде с человеком в камуфляжной форме, удалилась.

— Это Татьяна, живет у отца Николая, — пояснили они мне, — ее надо просить о встрече...

Сказывают, что когда старец принимал паломников, то рыба косяками к острову подходила. Времена сменились, теперь далеко не всем паломникам суждено батюшку увидеть. И рыба от острова ушла. Покой здешних жителей пришлый люд не смущает — вопросов никто не задает и пристальным вниманием не оделяет. Жизнь неспешная. Босой мужик перешел улицу наискосок, две женщины с корзинами, тихонько переговариваясь между собой, прошли мимо нас и завернули за угол кладбищенской стены. Стая гусей просеменила к озеру... Оживление лишь на берегах — горожане на лето в родные дома детей своих отправили. Посидели и мы на берегу, на простор полюбовались. Вернулись, а перед воротами домика старца Николая начался

водосвятный молебен. Стражник в пятнистых брюках, вооружившись видеокамерой, снимал. Удивились кинокамере и усомнились в происходящем. Отошли от греха подальше. Завернули за угол и присели на старую лодку. Лодка большая, рассохшаяся до треску, но нам в самый раз на ней переждать. Молебен продолжался. Охранник заменил камеру фотоаппаратом и, чтобы лучше получился кадр, иногда просил молящихся встать поближе друг к другу. Не выдержала, подошла; вдруг батюшка выйдет к людям или его по немощности вынесут на солнышко из домашней прохлады? А вдруг задумано его под кинокамеру вывести? Взгляд охранника — как рентгеновские лучи. Подумалось: так старца от людей не охраняют. Иная мера у всего, что к старцу имеет отношение. Пятнистые штаны служителю Христову без надобности рядом держать — у него своя стража, крепче не бывает. Явно не старец, а кто-то иной здесь боится.

После вольного моления в церкви молиться под прицелом фотокамеры невмоготу. Батюшку так и не удостоилась повидать, а попозировать со всеми пришлось. Вернулась к спасительной лодке. Один из моих спутников знает батюшку не понаслышке. Много раз у него бывал, ждет в уверенности, что старец духом ведает обо всем и скоро даст знать. Надо только не спешить, и станет ясно, что делать и как быть.

Из-за угла, вся в черном, вышла Татьяна. И — прямиком к нам. Глаза смотрят пристально, как и у охранника... «Вот, иду по улице, маслом помазую... Имена как ваши? Хотите чего?»

Представились, хоть и несказанно были происходящим удивлены. И о главной цели нашей

сразу, будто она могла быть здесь кому-то неясной:

— К батюшке мы.

— Нельзя. Болен он.

— Сестра наша из Австралии приехала к нему, можно хоть ей одной? Другого случая у нее может не быть... — стали просить за меня. Татьяна проэкзаменовала меня на предмет австралийской жизни и, заметно успокоившись, пояснила:

— Болен батюшка, совсем слаб. Людям нужно иметь человеческое сострадание и оставить его в покое, но не все понимают... Случай недавно был, одна паломница к батюшке рвалась. Муж у нее пьет, дети маленькие... Она пришла и нам, заявила, что никуда не уйдет, пока у батюшки не побывает. Вот не уйду, говорит, и все, отсюда. Что делать? Повела ее к батюшке. Он лежал к стенке лицом, я ее завела и говорю тихонько: «Вот, посмотри и уходи». А батюшка поворотился, ручку ей дал и сказал, что все у нее образуется, нужно потерпеть только, а мужа бросать не надо... Так эта женщина потом нам помогала других паломников отговаривать — что батюшка слаб и не надо к нему идти...

— Так отчего ж ей других не отговаривать, — улыбнулась я, — ведь она-то побывала у батюшки. Татьяна на мою улыбку не отозвалась.

— А почему охранники у вас? — вступил в разговор мой спутник.

— Это не охранники, а келейники. Один только охранник. Знаете, кого здесь только не бывает. Вот недавно бесноватая была, а зимой сатанисты приезжали. Неоновой краской лики на воротах кладбища залили. Мы их святой водой отмыли. Господь надоумил.

Послушали. Покивали головами...

— Если пожить дня два-три, может, батюшке станет легче? — начали снова просить за меня мои спутники. Татьяна смотрела с укоризной.

— Есть ли вообще у меня надежда увидеться с ним? — спросила и я.

— Нет, — не раздумывая, ответила она. Дальше, по улице, помазывать не пошла, вернулась.

...В обратной лодке оказались мы со священником из Омска и его семьей. Они на острове прожили неделю, и накануне батюшку к старцу Николаю допустили.

— Нам говорили, что он очень болен и слаб. Как вы нашли его?

— Он не болен, — услышали мы ответ...

Еще в России получила известие: скончался старец Николай с острова Залита. Сказывают люди, там побывавшие, благоухание в церкви стояло. И благодать была. Батюшка всем знак подал.

Сидней, 10.01.2003

Образ святости

Людмила Иванова,
церковный фотограф

До сих пор с трепетом вспоминаю тот момент, когда родился кадр — старец Николай благословляет мальчика... Батюшка стоял у забора и... будто Ангел пролетел: я оказалась в нужной точке, и в тот самый момент к старцу направился мальчик. Затаив дыхание, выждала решающее мгновение, важно было не сорваться и не нажать на спуск раньше.

Первый раз я поехала к нему в девяносто четвертом году. Пока добиралась на остров, душа ныла и ждала чего-то судьбоносного. Я не стремилась задать какие-то житейские вопросы, а жаждала узнать нечто, чего на словах-то и не сформулировать даже. Надеялась, что Господь откроет мне некую тайну.

Батюшка пригласил в дом, но за беседой я все же не смогла ничего спросить, лишь благословилась на съемку. Старец предложил покушать — я отказалась, не знала, что во всем нужно его слушать. Он мне: «Поешь, поешь», — а я: «Спасибо, батюшка, мы только что позавтракали». — «А молитву перед едой читаешь?» — спрашивает отец Николай. «Не всегда, батюшка». — «Надо читать, а то хлеб не хлеб — комом в горле встанет».

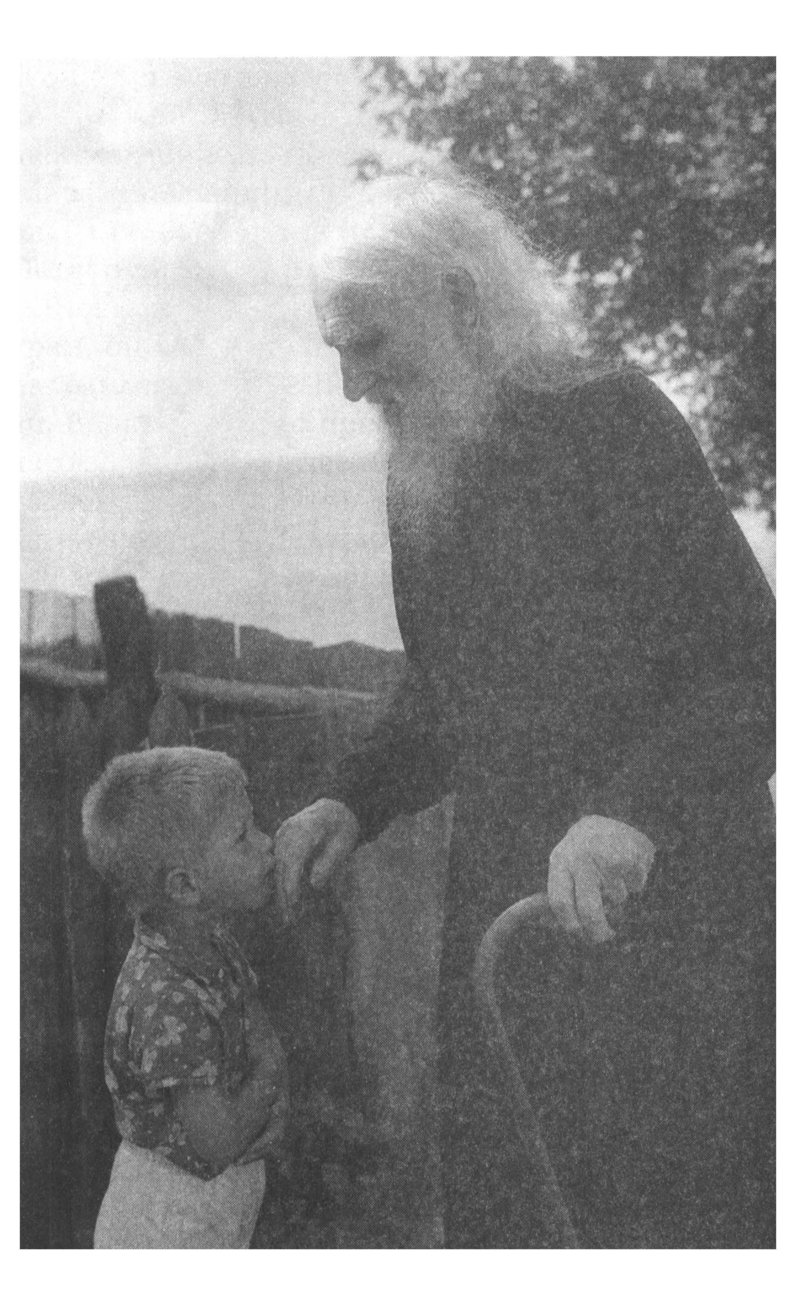
Сижу, как под рентгеном. Стала объяснять, что приехала с такой-то целью, а он: «Сфотографировать меня хочешь? А как хочешь сфотографировать?» — «На улице, батюшка». — «Во что ж мне нарядиться?» — «Можно прямо так, батюшка».

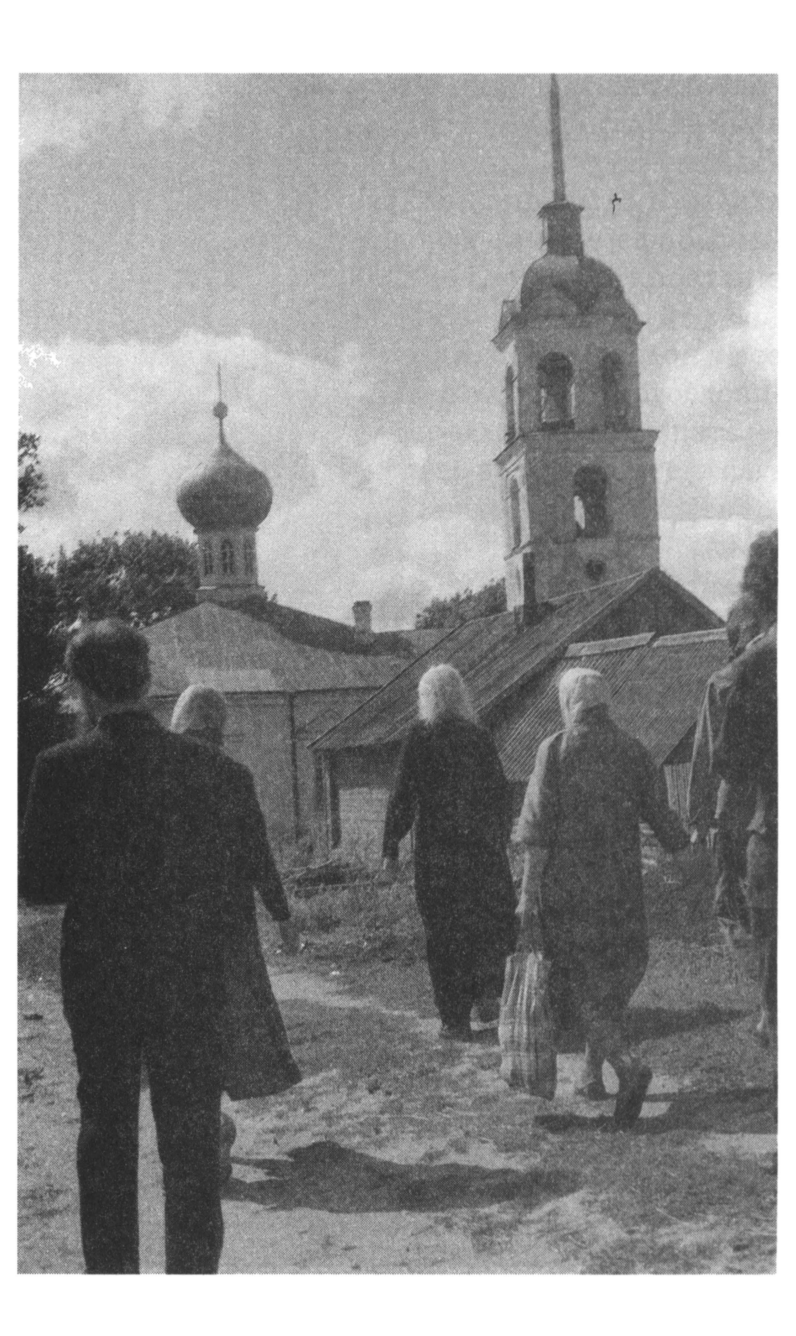
Он отправился в другую комнату и вскоре появился с черным подрясником в руках. «Может, в этом?»

«Хорошо», — кивнула я, но глаза старца стали вдруг веселыми. Он хитренько спросил: «А может, в розовом?»

Я растерялась и говорю: «А фотография будет не цветная». Озорная улыбка озарила лицо, и отец Николай опять исчез в комнате. Вскоре вышел в черном подряснике.

Помню, как на улице я забежала вперед, чтобы запечатлеть на пленку, как люди устремились за старцем. Все так быстро происходило,





что не успевала навести на резкость, и как только об этом подумала, старец остановился и пошел медленней. Удалось сделать его портрет у озера и поленницы с дровами, эти кадры были опубликованы в газете «Православный Санкт-Петербург».

Когда вслед за отцом Николаем люди вошли в храм, он нас оставил на какое-то время и долго находился в алтаре. Все напряженно и молча ждали. Вновь возникло прежнее чувство, с которым я ехала к старцу, душа опять стала ныть... Старец вышел на амвон, окинул всех глубоким взором, затем подошел и каждому что-то свое сказал... Неожиданно на вопрос, который мне не удалось сформулировать, я получила емкий ответ.

К рассказу о фотопортрете старца хочу добавить потрясшее меня повествование.

«Надежда в девичестве носила фамилию Иванова, а когда встретила будущего мужа — он тоже оказался Ивановым. Так что она Иванова дважды.

Жили счастливо, но недолго: трагическая смерть мужа вдруг обнажила другую реальность — рядом существовало зло. Бороться с ним не было сил. Одних людей скорби ведут к отчаянию, для других являются толчком к обретению веры. Так случилось и с Надеждой: обращение к Богу не только утешило, но и наполнило земную жизнь новым смыслом. Читая духовную литературу и посещая святые места, Надежда укреплялась в вере.

Ей посчастливилось не раз бывать у почившего батюшки Николая и стать его духовным чадом. Однажды она стояла в его дворике и глядела, как батюшка мажет людей освященным маслицем. Непроизвольно ушла в свои мысли... "Хорошо, когда есть Господь. А если б Его не было, то даже

не знаешь, зачем жить", — думала Надежда. Вдруг заметила на себе проницательный взгляд старца. "Хорошо, когда есть Господь, — подтвердил вслух ее мысли батюшка Николай и тут же добавил. А если б Его не было — то незачем жить!"».

Слухи о прозорливости отца Николая Гурьянова с острова Залита давно ходили по России. Вот и ехал, тянулся к старцу народ разный. Кто с горем ехал, кто за духовным наставлением, а кто про свою душу понять что-нибудь. Батюшка утешал, наставлял, подсказывал — все во спасение.

...Собрался однажды отец Николай в поздний зимний вечер в сильную пургу куда-то идти.

— Батюшка, в такую стужу?.. Зачем? — испугались матушки.

— Зовут, — тихо сказал старец. И, несмотря на уговоры женщин, ушел в ночную тьму.

Ветер выл лютым зверем, метель не стихала. Батюшка долго не возвращался. Бежать, искать — куда?.. Оставалось молиться, уповая на волю Божию.

Вернулся батюшка не один. Мужика замерзшего привел. Тот заблудился в пургу, стал силы терять и даже о смерти думать. Вспомнил он вдруг, как бабы в беде Николая Чудотворца вспоминают. От страха взмолился угоднику Божию, хотя и считал себя неверующим.

Отец Николай услышал...

* * *

...Захотели как-то послушницы одного прихода съездить к отцу Николаю. Выждали момент, когда настоятель уедет, и, не спросив разрешения, скорей на остров! Спешат, бегут по весеннему

льду, торопятся: засветло хотят вернуться назад, чтоб никто ничего не заметил.

Добрались до места. Батюшка выходит на крылечко:

— Вы почему приехали сюда без благословения?! Возвращайтесь назад!

* * *

...Поехали несколько молодых людей к старцу за советом. Каждый хотел о своих проблемах поговорить, а один студент еще и спросить, жениться ли ему.

Принял всех старец, маслом освященным помазал, духовно наставил. И так хорошо побеседовал и благословил на обратный путь, что студент забыл про женитьбу спросить. Прощаясь, старец каждого перекрестил, а ему тихо шепнул: «Женись, женись...»

Зри мое смирение[1]

О нашем батюшке

С первого раза, когда я приехала к батюшке на остров, и потом, еще в течение многих лет и встреч с батюшкой, многое из того, что батюшка сказал, было не сразу понятно, скрыт был духовный смысл его слов.

Так, часто он начинал говорить на эстонском языке, и уже много позже стало ясно, что он

---

[1] Воспоминания, объединенные общим названием «Зри мое смирение», впервые опубликованы в журнале «Новая книга России», *№ 5—7/2003.*Печатается в сокращении.

показывал, что я и другие, стоящие рядом люди, духовно не можем понять батюшку. Хотя были и такие моменты, когда он говорил на немецком языке и мне было понятно, что он говорил, а он спрашивал у рядом стоявших: «Поняла, что я сказал?»

Часто батюшка юродствовал и обличал с любовью. Маме моей врачи порекомендовали сделать полостную операцию, и она сильно боялась. Вскоре у меня была командировка в Петербург, и я, этим воспользовавшись, бегом к батюшке с этим вопросом.

Он ответил: «Пусть не боится, — и добавил, — она еще молодая. Лет-то ей 35?»

«Нет, Батюшка, — говорю я, — ей 73 года».

«Ну, я-то еще моложе, мне всего 88 лет».

И только много лет спустя стало ясно, что значит «лет-то ей 35». Ведь она работала, несмотря на преклонный возраст, и больше всего на свете боялась потерять работу, общение с людьми. По молитвам батюшки все обошлось, маму прооперировали, и она осталась на работе. А года через два ей снова назначили операцию, и опять батюшка сказал: «Пусть делает, омолодится. Пусть не боится. Какая радость для всех вас будет. Как зовут ее?» — и помолился.

Но мама так и не согласилась делать вторую операцию, сказав, что «теперь уже точно я лишусь работы».

И вот маме моей скоро, если Богу будет угодно, исполнится 79 лет. Почти год назад она оставила работу и жалеет, что не согласилась тогда оперироваться — уж очень ее допекает эта болячка.

И, несмотря на то, что мама моя ездила несколько раз к батюшке, любит его стихи и даже

наизусть знает несколько из них, но духовно принять и понять батюшку она так и не смогла. И когда я показывала батюшке фотографию, где было несколько человек, он пальчиком показал на маму и спросил: «А это что за ребенок?» Тогда и стало понятно, что у мамы детский духовный возраст.

* * *

Наша организация сотрудничала с Петербургским Союзом художников, и с нами много лет работал один и тот же художник. Он приезжал в наш город, защищал свои работы на художественном и научном совете. Все складывалось хорошо. Когда познакомились поближе, оказалось, что он человек глубоко порядочный, любит историю России, крещеный, все время носит крест.

И однажды, когда я спросила у него, не собирается ли и он уехать за границу, как уже поступили многие его друзья, он ответил: «Родина — это как мать, какая бы она ни была, — нет даже такой мысли». Это было как раз в тяжелые годы начала «перестройки». Я уже не говорю о его отношении к близким и родителям — искренняя забота и чувство ответственности.

Был еще такой случай. Его друг должен был поехать в Югославию к своим родителям, а в это время там уже началась война. Он очень переживал, и когда узнал, что друг его не носит крестика, то тут же надел на него крестик и сказал: «Ну вот, теперь мне будет спокойнее».

Когда я начала ездить на остров Залит, приходилось иногда ездить через Петербург, и я много рассказывала художнику о батюшке.

И однажды он сказал, что хорошо бы, если бы мы вместе могли поехать туда.

И Господь дал нам этот случай. В конце августа у меня была командировка, и я взяла с собой дочку. Мы с художником и его женой поехали на машине к батюшке. Когда ехали по городу Пскову, жена художника говорила: «Давай заедем в этот храм, да еще вот сюда, и в этот собор...» На что он ей отвечал: «Что, ты хочешь везде сразу побывать? Ведь мы с тобой еще не раз сюда приедем».

Конечно, как и во всякой поездке к батюшке, не обошлось без искушений. На середине озера у нашей лодочки отказал мотор, на меня напал страх, и мы с женой художника начали паниковать (вместо того, чтоб молиться), зато моя дочка и художник совершенно спокойно ждали, что нас кто-нибудь подберет, наслаждались прекрасной, тихой, солнечной погодой.

И вот мы у батюшки. Ни с чем не сравнимое чувство радости и счастья! Я в совершенной эйфории от всего этого, говорю: «Батюшка, вот они решили повенчаться, когда им это сделать?»

Батюшка говорит: «Да вот пусть сегодня и повенчаются».

Я: «Да как же, батюшка, когда же сегодня?»

Батюшка: «Пусть завтра повенчаются», — и даже имя священника назвал.

Батюшка благословил нас в обратный путь, и мы летели, как на крыльях. На обратном пути даже успели заехать посмотреть памятник Александру Невского. В лесу набрали грибов и ягод и к вечеру вернулись в Петербург.

Я тут же подарила им свой молитвослов, венчальное полотенце и на прощанье напомнила,

что батюшка сказал повенчаться побыстрее. Они были согласны и сказали, что будут готовиться к венчанию.

В ноябре мы с мужем и дочкой возвращались от батюшки через Петербург домой. И я снова напомнила нашему другу-художнику, чтобы не забыли о батюшкином благословении. Это было в аэропорту Пулково. Художник с женой стояли обнявшись, счастливые, и говорили: «Ну, что вы переживаете, вот весной, когда будет много цветов, мы и повенчаемся».

Это была наша последняя встреча. А через неделю позвонили из Петербурга и сообщили, что художник умер, утром у себя на даче встал, хотел ехать на работу и упал замертво — отказало сердце. Умер на руках матери и жены.

А батюшка все это знал, поэтому и благословил «скоренько» повенчаться.

* * *

В очередной приезд батюшка в своей келейке показал мне свой молитвослов и спросил:

«Молитвослов-то такой у тебя?»

«Нет, — отвечаю я, — такой был, но я подарила (именно такой молитвослов подарила я тогда художнику), только не читают, наверное, его».

А я так переживала о смерти художника, что уже ругала себя, что если бы я ничего не рассказывала о батюшке, может быть, все было бы по-другому. И батюшка как бы ответил на мои переживания:

— Так говори, говори людям-то, когда спрашивают.

* * *

Дочка закончила 9 классов, оставалось еще два года учебы в школе, и нужно было уже думать, куда она дальше будет поступать, на кого будет учиться. Сама девочка еще не склонилась конкретно ни к какой профессии, но предполагала, что, может быть, как ее мама, поступит на факультет иностранных языков в университет и тоже будет ездить по «заграницам». А я к этому времени уже много слышала о батюшке и все намеревалась поехать к нему, но, как говорится, «грехи не пускали». И тут как раз командировка в Петербург, и вот я у батюшки. И среди других вопросов — куда пойти учиться моей дочери.

«Так в медицинский пусть поступает», — благословил батюшка, что было для меня полной неожиданностью. Уж какие варианты мы в семье не проговаривали, но о медицинском даже никто и не думал.

Приезжаю домой с этим известием, а дочка мне и говорит: «Я сама хочу поехать к батюшке и спросить его». И вот на зимних каникулах мы сели с ней на автобус до Пскова, а потом шли пешком по озеру. Народу тогда к батюшке ездило еще не много, он выходил к людям такой радостный и дочке сказал: «Поступай в медицинский, будешь врачом и меня лечить будешь».

Для нас это было, конечно, почти несбыточно. Ведь мы знали, какой конкурс в Медицинском институте, как трудно туда поступить. Два года пролетели незаметно. За это время мы с дочкой еще не раз ездили к батюшке и каждый раз он укреплял наши духовные силы, и дочка готовилась в медицинский.

Прозвенел последний звонок в школе, и тут муж нам с дочкой категорически заявляет, что ему предложили протекцию: организуется новый факультет, и практически без экзаменов дочка может поступить в университет. Дома разразилась война. Тогда дочка говорит отцу: «Давай поедем вместе к батюшке, и ты сам спросишь его». К моему удивлению, муж согласился. Это было в конце мая. Я с нетерпением ждала звонка из Пскова. Там, на озере, в это время был еще лед, но идти по нему уже было нельзя. Но я знала настойчивый характер мужа и по своему неверию думала, что если они все равно пойдут по льду, то утонут. И целый день рыдала, вместо того, чтобы молиться за них. Батюшка же все знал, все видел Духом Святым. Муж с дочкой благополучно добрались, поехали в Печоры и вернулись такие счастливые, радостные, столько рассказов было у них, что даже на некоторое время отошел на задний план вопрос о мединституте.

Вот позади выпускные экзамены в школе, и снова возникли разногласия по поводу поступления в институт. Тут муж уже сам говорит дочери: «Давай снова поедем к батюшке и спросим». Так Господь через дочку привел его к батюшке, которого он «принял» с первого раза. Как человек неверующий, который не ходил в храм, да еще партийный работник, он сказал: «Я не верю священникам, все они мирские люди, но этот батюшка — особый, вот ему я верю».

Настал день первого экзамена в мединститут. А враг не дремлет. И утром дочь заявляет: «Я не могу идти на экзамен, у меня стекло в пятку

вонзилось». Я в ужасе звоню моей верующей приятельнице, та говорит: везите дочь на машине, заодно заедете ко мне, я дам святого маслица помазать пятку, где стекло. Так и сделали.

Ждем с нетерпением окончания экзамена. Дочь, радостная, счастливая, сбегает по лестнице. Уже стекла в пятке нет и в помине, и ничего не болит. Вот что значит выполнить благословение старца.

И с первого курса было явно показано нам, неверующим родителям, что действительно Воля Божия учиться ей в мединституте. Когда она приносила домой из анатомки кости, кусочки черепа то говорила: «Разве вы не видите, какие они красивые?»

Еще в течение нескольких лет после поступления дочка ездила к батюшке. Когда я приезжала к батюшке и говорила, что трудно учиться в мединституте, батюшка говорил: «Пусть учится. Да ничего, все хорошо будет, только пусть учится. Скажи, что батюшка на Залите молится за нее».

Позади переживания по поводу экзаменов. На руках уже диплом об окончании мединститута. Муж просто счастлив, что в семье — свой врач. Только батюшки вот нет с нами.

Когда дочка ездила на похороны батюшки, то очень жалела, что быстро уехала с похорон, ей так хотелось еще побыть рядом с батюшкой. И она говорила, что все чувствовали, что батюшка не умер. Он живой и совсем рядом.

Р. Б. Людмила

* * *

Очень часто, когда у батюшки во дворике собиралось много людей, он радовался их приезду

и обращался ко всем со словами: «Ведь какое счастье, мои драгоценные, что вы сохранили Истинную Веру! Ведь Бог вот так чувствуется (крепко сжимает одной рукой другую). И если вам кто будет обратное говорить, не верьте. Ведь это мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. Но только, мои драгоценные, горе будет нам дома, если мы в гостях были, да что-то нехорошее делали».

«Мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Но там, дома, двоякое направление жизни — там вечная радость для праведников и страшный, геенский огонь для грешников. И это не какие-нибудь выдумки, нет, это — Истина».

«Я только хочу Вам сказать, мои драгоценные, берегите растительный и животный мир. Кошку, собаку, вот именно, надо пожалеть. Ведь это посмотрите, вот как делают (идет по тропинке и, сделав ожесточенное лицо, дергает за ветку). Это же Бог создал, украсил, а ты такую красоту разорил! Это же страшный грех! Ведь посмотрите, как все Бог устроил. Вот кладбище, под покровом леса-то как хорошо!»

Весь батюшкин облик, все его слова и дела дышали такой любовью ко Господу и ко всему его творению, что людям думалось: если такая любовь у батюшки, то какая же она у Господа!

Как-то батюшка шел с людьми по узенькой тропинке, вокруг — трава, и он говорит: «Видите, я палочку несу, мне травку-то жалко», — хотя ноги у батюшки сильно болели.

В другой раз, вспоминая о лагерной жизни (с большим содроганием), говорил: «Бывало, весь день работаешь, работаешь на холоде, а хлеба дают (и показывает: делит одной ладонью другую

пополам) за весь день. И все, знаете, хочется с птичками поделиться. Я ведь с шести лет голубей кормлю. Мне мамушка говорила, что они Бога благодарят».

Батюшка никогда не разрешал убивать домашних пауков, даже трогать их паутинку. С детства у меня было страшное отвращение к паукам, но когда я увидела, с какой любовью относится к ним батюшка, как тонко знает их повадки и законы, то поняла, что я их тоже жалею.

Про своих необыкновенных котиков — Таляпку и Липушку, батюшка, ставя их в пример людям, говорил, что они его слушаются, даже и чужих людей любят, как батюшка любил даже чужих по духу людей и врагов.

Батюшка всех любил и жалел. Бывало, идет из храма и благословляет с любовью все вокруг: не только людей, но и травку, и дома. Навстречу грязный, пьяный рыбак — и к батюшке обниматься. А батюшка палочку бросил и искренно, крепко его обнял и наставлял.

Батюшка плакал и молился за весь мир и говорил: «Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться: «Господи, избави их от этого вражеского помрачения».

Как и все великие святые, батюшка все время думал о цели земной жизни — соединении с Господом. Говорил: «Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом».

А когда батюшка произносил слова: «Он раб Божий», — подчеркивая «Божий», его лицо светилось такой теплой радостью! И все понимали сердцем, что это самая великая похвала для человека — служить Богу. О суетности всего остального часто читал стихи:

«Все исчезнет в этом мире,
Как трава и цвет в полях,
Нищий в робе, царь в порфире,
Обратятся оба в прах».

«Вы простите, вы простите,
Род и ближний человек,
Меня грешнаго, помяните
Отхожу от вас навек».

(Или часто: «пока не навек, еще увидимся».)

«Время мчится вперед,
Год за годом идет,
Торопить ничего невозможно.
Время мало у нас,
Береги каждый час
для молитвы...»

А людям, уклонившимся от пути спасения, читал:

«Душа моя грустью убита,
Я воли Твоей не творю,
И дверь ко Спасенью закрыта,
Закрыта дорога к Царю».

Батюшка всегда повторял, что для духовного спасения необходимо несение Креста: «Враг-то ведь он Креста боится, как самого страшного огня. Вот почему и против Креста вооружает. Крест надо носить».

Как и все великие подвижники, батюшка имел непрестанную Иисусову молитву и советовал творить ее другим. Многие люди спрашивали,

как справиться с одолевающими бесовскими нападениями (уныние, хульные мысли, блуд и т. д.). На это батюшка обычно отвечал, осеняя себя крестом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». И советовал не обращать внимания на вражеские мысли: «Это бесу тошно, что вы молитесь, вот он вас и смущает».

Выше поста и молитвы — послушание, и батюшка часто проверял его. Если выполнишь, батюшка, назвав по имени, скажет: «Я вас давно знаю». И очень гневался и огорчался за непослушание, даже прогонял.

Учил батюшка и необходимой для спасения духовной внимательности и трезвению. Однажды повел нас на бережок возле храма. Погода чудесная, солнышко, на озере тишина, лодочки плывут. Батюшка говорит: «Вот и кораблик поплыл, и чайки летают. А все, знаете, с такой мыслью: душу погубить — какую-нибудь рыбку поймать».

Так, наверное, и в духовной жизни — в самое безмятежное время нельзя забывать, что враг ищет погубить душу.

Р. Б. Елизавета

Впервые на Залите. Мамина болезнь

Впервые мы с мужем приехали к батюшке Николаю летом 1995 года, брать благословение на венчание.

Дома, в больнице, осталась моя мама. У нее был диагноз — острая тромбоцитопеническая пурпура, — не сворачивалась кровь. Все тело

было в огромных синяках, — лопались сосуды. Изо рта сочилась кровь.

Врачи, лечившие маму, поставили на ней крест, некоторые приезжали для консультации даже из Москвы.

Родственники и друзья опасались, что дни ее сочтены. Возможно, так оно и было...

Никогда не забуду, как я, грешная, впервые подошла к отцу Николаю под благословение.

Взглянув на него, я была поражена тем, что лицо его сияло, светилось как бы изнутри мягким светом. Белым, белее снега.

Все слова забылись, хотелось только стоять вот так, смотреть на этого неземного, дивного старца, чувствуя тишину и радость, которые наполнили душу. Когда я пришла в себя, то попросила отца Николая помолиться о моей тяжело больной маме. Он обещал. А нас благословил венчаться, сказав: «Хорошо, что доехали!»

Вернувшись домой, с радостью узнала о том, что со дня посещения батюшки мама пошла на поправку... А вскоре совсем встала на ноги. Врачи разводили руками и говорили, что не понимают, как поднялась мама, и что произошло чудо.

Это и было настоящее чудо, по молитвам дорогого нашего батюшки Николая.

Дети

Всякий раз, ожидая рождения ребенка, я ездила за благословением к старцу.

По грехам моим роды каждый раз были мучительными и долгими. Но всегда заканчивались

благополучно по молитвам батюшки. Он говорил: «Все будет хорошо», — и иначе уже не могло быть.

Батюшкино благословение

Как-то осенью повезла к отцу Николаю на остров Залит свою подругу, которая тяжело болела. Поехали мы вдвоем, а я была на седьмом месяце беременности, ждала третьего ребенка. Прибыли мы к озеру, катера нет. На берегу стоит горстка паломников. Стали тут все молиться, чтобы Господь помог добраться до острова.

Нас согласился довезти на длинной деревянной посудине с мотором один раб Божий, добрый человек.

Набилось нас полное судно народу. Мне досталось место с краю, у борта. Ну, с Богом, поплыли.

На середине озера задул ветер, поднялись волны. Народ начал взывать к святителю Николаю, помогающему на водах, чтобы не дал потонуть и чтобы нам живыми добраться на Залит. Волны уже были такими высокими, что каждый раз очередная волна окатывала меня по шею.

Вода была по-осеннему холодная, а я тогда даже этого не замечала. Было тепло и радостно, верилось, что вот сейчас, совсем скоро, увижу батюшку.

Уже на берегу у меня мелькнула мысль, как бы не заболеть. За себя я не особенно беспокоилась, а вот младенчика, которого носила, было жалко, поэтому попросила: «Отец Николай, батюшка, благословите не заболеть, промокла сильно».

Батюшка ответил: «Не заболеешь, все будет хорошо, только зайди к кому-нибудь погреться».

Когда все поговорили с ним, прибежали с пристани люди: «Скорее! Скорее! Все на катер, он сейчас уходит, больше вам не на чем будет добраться на землю!» Народ устремился на берег, потянула и меня туда подруга.

«Ну, нет! — говорю, — батюшка сказал, что "все будет хорошо", если зайти согреться. Пойдем проситься к кому-нибудь в гости, иначе "хорошо" уже не будет». Так и сделали. Обратную дорогу Господь, по молитвам старца, устроил нам хорошую, благополучную и не суетную. Нас довезли на лодочке, потом другие люди домчали до Пскова на машине и денег не взяли.

Пальто мое на синтепоне и вся одежда окончательно просохли только в Москве, но за батюшкины молитвы я осталась здорова.

Не кури и не пей

Муж мой был заядлым курильщиком с самой юности. Когда уверовал в Бога, крестился, все хотел бросить, да не получалось.

Курил часто и помногу. Когда приехали на остров, я, побеседовав с батюшкой, отошла в сторонку. Издалека смотрю, как мой супруг со старцем советуется.

А батюшка ласково так пощипал его за кончик носа. Удивилась я: «Зачем это отец Николай тебя за нос щипал?» — спрашиваю, а муж не помнит.

«Не было, — говорит, — этого».

«А что тебе батюшка напоследок говорил?»

«Не кури и не пей, и все будет хорошо?»

На обратном пути, в поезде, мне муж шепчет: «Слушай, я ведь не курил давно, и про сигареты забыл даже». Через некоторое время говорит: «Боюсь радоваться, пойду, проверю, попробую покурить, неужели мне не захочется?»

Возвращается: «Вот так гадость, в рот взять противно». — И выкинул пачку с сигаретами.

«Тебе, наверное, батюшка снял с носа беса, искушающего тебя на курение», — предположила я.

Евангельская заповедь

Приехали мы на остров с мамой, а муж с ребятишками дома остался. (А тогда был у меня период, все я к мужу придиралась, была им недовольна).

Иду я к домику старца важная, деловитая, рассудительная. Размышляю, что вот то надо спросить, да этого не позабыть, — все о суетном.

Только рот раскрыла, отцу Николаю вопрос задать, а он меня: «Мужа-то пилишь?»

Стыдно мне стало, заробела даже: «Пилю, батюшка». — «А по Евангелию как жена к мужу относиться должна?» — «Любить, уважать», — припомнила я.

«Жена да боится своего мужа!» — Да уж, пристыдил меня батюшка, всю спесь сбил. В самую точку попал.

Дом

Жили мы на девятом этаже панельного дома, в двух комнатах шесть человек. Тесно. Очень

тесно. Поехали спрашивать отца Николая, можно ли нам квартиру на частный дом поменять? Он ответил: «Рано вам еще, поживите в тесноте». — «А потом-то, потом, даст ли Господь нам дом?» — «Даст! да еще какой! Я сам к вам в гости приду!» — ответил батюшка.

Некоторое время спустя дал нам Господь дом — большой, хороший, как раз по нашей семье. «Еще какой!» — по слову старца.

Как-то глубокой ночью случился у нас, по грехам нашим, пожар. Загорелись надворные постройки. Дул сильный ветер, огонь распространялся со страшной скоростью. Увидев во дворе зарево, я в ужасе начала выбрасывать сонных детей через окно в палисадник, босиком на первый снег. Считаю чудом, что уже через несколько минут приехали пожарные, бились с огнем до утра.

Когда мы вернулись, то увидели — во дворе сгорело почти все, даже сени у дома и входная дверь, на которую накануне пожара муж мой набил гвоздиками православный крест. На этом-то месте и остановился огонь. Вся жилая часть дома огнем не была тронута. Огонь чудесным образом обошел и газовую котельную, от которой идут по всему помещению батареи отопления. А котельная была, можно сказать, в центре пожара.

Не сомневаюсь, что дом остался целым благодаря заступничеству батюшки Николая, что его благословение оградило дом от огня.

* * *

Я давно мечтала иметь батюшкину фотографию, и вот как-то один человек, даже не особо близкий, вдруг подарил нам несколько больших снимков отца Николая. Когда я взяла в руки

фотографию, то от нее пошло благоухание, похожее на запах святого миро, а снимок как бы ожил, оттуда глядел, как из окна, живой батюшка и улыбался. И вдруг ясно почувствовалось, что батюшка зовет нас к себе.

Дорога управилась чудесным образом, — моя мама срочно захотела, чтобы мы с мужем и одним нашим ребенком поехали на остров. И оплатила дорогу, а мы сидели тогда без денег.

После мы поняли, что батюшка позвал попрощаться, ведь это была наша последняя поездка к нему...

Теперь мы остались без нашего дорогого заступника. Раньше времени ушел он ко Господу. Дорогой наш, любимый батюшка, молитвенник наш, моли Бога о нас, грешных!

Р. Б. Анна

* * *

Возвращались мы с сыном от батюшки домой (в сентябре), пришли на вокзал в Москве, а билетов нет, только СВ. Сходили на другой вокзал — и там нет. Присели в сторонке, думаем, как доехать. Я говорю: «Паша, давай батюшку попросим, помолимся ему».

Помолились, подхожу к кассе, спрашиваю, есть ли билеты. А кассир отвечает: «Есть, и даже один на нижнюю полку».

* * *

В 1996 году ездили мы на машине на остров к батюшке. Еще когда туда ехали, чувствовали помощь Свыше. Так, например, свернем с основной трассы покушать, отдохнуть, а по карте посмотрим, оказывается, что эта дорога сокращает нам

расстояние на много километров. Но на обратном пути нас особо поразил один случай. Мы заезжали в Москву по Ленинградскому шоссе (в городе первый раз) и решили: доедем до кольцевой дороги, а по ней на Рязанское шоссе, все равно попадем, а там уж разберемся.

Едем, машин много, а кольцевой не видно. На светофоре спрашивали, где кольцевая, а нам говорят вы ее проехали. Возвращаться — заблудимся, и решили ехать прямо куда выедем — туда выедем. Едем, молимся батюшке, просим помощи. Нигде мы не петляли, а все прямо по широким и узким улицам выехали прямо на Рязанское шоссе. Всю Москву с одного конца на другой проехали и ни разу не заблудились.

* * *

В феврале 1998 года умер у меня дядя в Санкт-Петербурге. Мне сказали, что его похоронили на старом кладбище, вроде, на Смоленском. Хотелось у него побывать на могилке.

Будучи на острове, на похоронах у батюшки, мы разъезжались и мне билет дали через Санкт-Петербург (на Москву не было). В Петербурге до поезда было время. Предложили поехать на могилку к Ксении Петербургской, на Смоленское кладбище. С радостью согласился и молился батюшке, может, Господь сподобит побывать на могилке у дяди. На кладбище захожу в контору, в первую дверь после ворот по коридору, в кабинет, сидят двое мужчин за столом, а один в сторонке на стуле. Спрашиваю, есть ли книги, где записывают похороненных, а они говорят: «Нет», — а мужчина, который в стороне сидел, спрашивает, кого я ищу. Я ему назвал фамилию,

имя, год и месяц смерти. Он мне дает сектор и как пройти. Даже поразились этому мужчины, которые были с ним в кабинете, как он мог это помнить. Вот так, по молитвам батюшки, я побывал на могилке у дяди, будучи впервые на Смоленском кладбище.

Р. Б. Александр

* * *

Теперь наш монастырь находится за границей, а когда-то это была одна страна, одна земля. Чтобы никого не обидеть, не буду называть имен, напишу только факты.

Как-то зимой игуменья отпустила меня на остров вместе с паломницей Л., которая находилась тогда в монастыре. Сейчас я понимаю, какое у моей попутчицы было доброе, неравнодушное сердце. Много она пережила за свою жизнь, а теперь на ее руках был близкий парализованный человек, за которым она с любовью ухаживала. Часто в дороге она с тревогой вспоминала о нем и очень волновалась. А я в душе явно превозносилась над ней, да что там — «мирской человек», то ли дело я — «инокиня». Часто в дороге перебивала ее и говорила, что надо непрерывно молиться, т. к. мы едем к старцу и не надо отвлекаться на мирское (хотя она болела сердцем о дорогом ей, сейчас страждущем без нее человеке). Когда мы от Толбы ехали на буране, она как-то просто, по-матерински, обо мне заботилась, не обижаясь на то, что я с гордостью прерывала ее на полуслове, заставляя молиться.

Вход к батюшке тогда был свободен. Не помню как, но мы оказались у него в келье. Я гордо восседала на стуле, продолжая превозноситься

над своей попутчицей, которая все говорила о «мирском», то ли дело я, «молитвенница», да еще ведь в облачении. Но батюшка совсем не обращал на меня внимания, а ее слушал с заботой, участием и очень сопереживал всем ее проблемам. Своим поведением по отношению ко мне батюшка показывал, как отвратителен и смешон в очах Божиих гордый человек, но я, будучи, полностью ослеплена грехом, не видя и не осознавая своей низости, спросила:

«Батюшка, простите за дерзость, но можно ли мне Вас считать своим духовным отцом?»

Батюшка: «Вас же ко мне не пускают», — и обернувшись к Л., улыбаясь: «А вас-то я давно знаю».

Она по-родному ему ответила: «Да, батюшка, еще со Старой Вишеры».

Батюшка ей: «У вас есть мои песни?»

Она: «Нет».

Батюшка подарил ей свою книгу стихов.

Я: «Батюшка, и у меня нет».

«И Слава Богу, что нет», — очень серьезно ответил батюшка.

Слова батюшки: «Вас же ко мне не пускают», — означают, что мои страсти между мной и Богом как стена, и я не могу быть с Ним рядом , означает, что бесы держат человека из-за его страстей. Хотя физически я часто бывала у батюшки, но духовной близости у нас не было. А вот простого человека, заботящегося о других, Господь любит и принимает.

* * *

Другой раз батюшка принимал у себя на крылечке. Очень хорошо помню, как вошла к батюшке во дворик, подступили настойчивые помыслы гордости, неверие к батюшке, будто он простой,

обыкновенный человек. Тогда я с уверенностью попыталась их отвергнуть и подумала, что очень грешная, а батюшка все знает и Его молитва все может.

И, — о чудо! — батюшка впервые за несколько лет меня встретил с неописуемой любовью. Только в начале духовного пути, до вступления в монастырь, когда я ничего о себе не думала и действительно ничего не знала, батюшка тепло встречал меня, а в последующие годы — когда я приезжала к нему из монастыря — холодно, как бы не замечая, хотя в монастыре этом я была по его благословению. Там-то я и стала принимать горделивые помыслы, была равнодушна к переживаниям других и превозносилась над всеми, особенно прихожанами и мирскими людьми, но по ослеплению я этого не замечала. Заботилась лишь о скрывании своих внутренних помыслов, приспосабливалась очень хитро (при внешней простоте — изображала из себя «святость, молитвенницу»). Настоящего стремления к очищению души не было. Мое лицемерие вопияло и вопиет ко Господу, поэтому-то батюшка в таком состоянии не мог узнавать меня.

Но в этот раз батюшка сказал: «Я-то вас давно знаю, поняли?»

Потом говорил, как будто мы давно знакомы, о себе. И был в это время радостным и очень близким.

* * *

А однажды, когда батюшки уже не стало, он пришел ко мне во сне и спросил:

— Читать-то умеешь?

На мое недоумение он, стоя перед алтарем, сказал:

— Надо учиться читать.

И я поняла, что до сих пор не владею духовной грамотой и пока не начну работать над собою в этом направлении, до тех пор Царские врата вечности будут для меня закрыты.

Инокиня Надежда

* * *

Батюшка говорил прикровенным языком. Он видел сердце человека и не имел нужды в свидетельствах. Иногда было загадкой — отчего он разговаривает с людьми так, а не иначе. Без помощи Божией своим умом этого было не понять.

Обычно после 2 августа купаться батюшка редко благословлял. Но одна раба Божия, до болезни пристрастная к обливанию и купанию, ежедневно просила у него благословения, и батюшка великодушно говорил:

— Можно-можно.

Она же настаивала на том, чтобы причащаться ей каждую неделю — и снова было удивительно слышать от него:

— Можно-можно.

Тогда как многим батюшка говорил:

— Четыре раза в год.

Много позже стало ясно, что у батюшки к каждому человеку свои мерки — строгие для тех, кто будет сполна отвечать перед Господом и щадящие для духовно болящих, за которых он многое брал на себя, молился за их немощь и тем отгонял от них врага.

Бывало, когда мы приезжали с мужем к нему и двор был полон народу, он обращался вдруг ко мне через всех:

— Зинаидушка, где твой супруг?

— Так, батюшка, вот ведь он стоит рядом.

— Передай ему от меня поклон.

И так до трех раз при всех, пока помазывал маслицем или разговаривал с людьми.

Таким образом батюшка давал понять, что муж мой, к сожалению, только телом находился здесь, во дворике батюшки, а духом был далеко от него.

* * *

Батюшка всегда был необыкновенно милостив с духовно болящими людьми и с теми, кто проделал к нему большую дорогу. Однажды летом, когда батюшка выходил к людям, каждый вечер и подолгу сидел со всеми, словно утешая всех перед долгой скорой разлукой (так и случилось, когда его закрыли) — на остров приехала женщина с ребенком и с огромной белой козой. Она каждый день привязывала козу возле кладбища напротив батюшкиного дома, и местная, а также приезжая детвора сбегалась на это зрелище, играя и разговаривая с ней. Хозяйка козы рассказывала всем, как здорово она добралась до острова, т. к. рыбаки согласились перевезти козу бесплатно. Женщина каждый день доила козу и предлагала батюшке попить козьего молочка. Батюшка, как ребенок, радостно подбегал каждый вечер к козе, гладил ее, цокал языком в знак восхищения проделанного ради него труда путешествия, хотя и отказывался от молока. Все приезжее общество относилось к этой рабе Божией снисходительно, подразумевая в ней болящую, — а сам батюшка с нескрываемым уважением расспрашивал ее обо всем и отвечал на все ее вопросы, благословлял «погостить» и утешался такой дружбой с животным, на какую

способен не каждый «нормальный», уважающий себя человек.

* * *

Одному священнику батюшка сказал:

— Лекарства-то принимай...

А тот подумал, что речь идет о Причастии. Но батюшка имел в виду другое. Тот священник перестал принимать обличения. И, к сожалению, не понял, что ему сказал батюшка.

Как ни странно, но, приезжая каждое лето к батюшке и наблюдая за людьми, я пришла к выводу, что многие хотят спрашивать, но не многие желают выполнить все, что батюшка скажет.

Р. Б. Зинаида

* * *

По приезде, батюшка пригласил меня в келью. К нему тут же приехали еще две женщины.

Батюшка тоже впустил их в келью и говорит: «Что же вы со мной, с вором, советуетесь?» — и, показав на меня, строго сказал: «А это ведь первой руки вор!»

Одна из женщин при этих словах опустилась на стул и заплакала.

Батюшка на нее строго замахнулся: «А ну не плачь, а то сейчас как дам!»

* * *

В другой раз мы с р. Б. Н. решили помочь хозяйке, у которой обе остановились. Пошли на колонку принести воды. Стали набирать и вдруг видим, что идет батюшка по тропинке. Н. бросила ведра и побежала под благословение, и я за ней.

Батюшка благословил и сказал: «Воды не будет, ведро уронили — не будет воды».

Потом посмотрел в ведерко и сказал Н.: «Водичка-то мутная».

Когда мы отошли от колонки, Н. сказала мне: «Я поняла, что это он говорил про воду моей души».

А воды после того раза в колонках долго не было.

Однажды мы решили пойти по острову купить рыбы. Навстречу батюшка, благословил нас и говорит: «Отдыхайте».

Мы не поняли и пошли дальше. В какой дом не зайдем, везде от ворот поворот, ни у кого нет рыбы. Обошли весь остров безрезультатно, устали, тогда только поняли, что значит «отдыхать» и как невнимательно мы вникли в батюшкино благословение.

Как-то мы приехали на остров с моим дедушкой. Побеседовали с батюшкой, вернулись — оказалось, что забыли передать от родственников гостинцы для батюшки. Снова пошли к батюшке, а дедушка, сразу же полюбивший батюшку, дорогой говорит:

— Ой, как я хочу, чтобы он мне свою книжечку со стихами подарил.

Я ему: «Да что ты, столько людей приезжает. У батюшки, наверно, и книг не осталось, только для священников и монахов».

Пришли к батюшке, отдали гостинцы, а он и говорит дедушке:

— Ну, подождите, мне так хочется вам свою книжечку подарить.

Ушел в домик, вынес книжечку, завернутую в газету, и отдал сияющему от счастья дедушке.

* * *

За пьяниц, особенно островских, за которых он отвечал перед Богом, батюшка особенно переживал.

Один рыбак рассказывал другим, как батюшка его увещевал:

«Иду я мимо кладбища с бутылкой водки. Вдруг вижу, у калитки своего домика стоит батюшка. Я бутылку за спину спрятал, иду, а батюшка меня к себе подзывает. Я подошел, и он спрашивает:

— А что у тебя там?

Я показал, он взял у меня бутылку и как жахнет о камень. Потом достает десять рублей, дает и говорит:

— Вот, возьми, купи продуктов для семьи».

* * *

Один раз дедушку подвезли на остров на лошади. Возница рассказал, как его жена пришла как-то к батюшке причащаться, а он и говорит:

— Нет, не буду, без крестика не буду причащать.

А она:

— Да как же, батюшка, я всегда крестик ношу.

— Нет, крестик наденешь, тогда приходи.

Вернулась расстроенная, пошла в баню, глядь, а там ее крестик на окошке лежит — в прошлый раз мылась и забыла.

Еще один мужчина рассказал нам происшедшую с ним историю:

— Приехал я на остров первый раз, услышав про святого старца. Шла служба, стою, смотрю, как батюшка служит — вроде ничего особенного. Думаю: «Хм, обыкновенный мужик». После службы народ ждет батюшку. Он всех

благословляет, отвечает на вопросы. Подходит ко мне и спрашивает:

— Ну что, поговорим по-португальски?

— Батюшка, я не умею.

— Хм, обыкновенный мужик!

* * *

Однажды на наш вопрос, можно ли в следующий раз приехать на остров, батюшка сказал:

— Милости просим. Медком угощу.

И вот летом мы поехали к батюшке. Еще в поезде на душе была какая-то сладкая радость. После радостной встречи с батюшкой мы нашли дом, где остановились на ночлег. Хозяйка тут же стала нас уговаривать помочь ей немедленно «очистить» огромный таз, в котором осталось больше литра меду, что мы с удовольствием исполнили. И потом получалось, что мы все время ели мед, даже на острове летали пчелы, которых я раньше не замечала. А главное, что в это время для батюшки и людей был светлый промежуток — батюшка часто выходил к людям, подолгу разговаривал, хотя его в то время уже закрывали и рядом стояли два охранника...

Тогда все, кто гостил у батюшки на острове, пили мед духовный.

Р. Б. Светлана

Встреча с батюшкой изменила всю нашу жизнь...

За несколько лет супружества мы так и не смогли сжиться с моим мужем и разъехались, чтобы принять окончательное решение. Это

было мучительно трудно. В Церковь в те годы мы не ходили, но верующие люди подсказали нам, что можно съездить на остров Залит к батюшке отцу Николаю Гурьянову.

«Если он благословит венчаться, значит, такова воля Божия и судьба наша решена», — с такой мыслью мы и оказались на острове.

«А вам надо венчаться», — опережая наши слова, сказал батюшка. И с тех пор за советом по всем жизненно важным вопросам мы стали обращаться к отцу Николаю. Перед венчанием мы впервые в жизни исповедались и причастились, и вот уже десять лет мы с моим мужем живем дружно, ходим в храм и растим троих детей.

По молитвам батюшки совершались явные чудеса. Так повенчались мои родители, всю жизнь прожившие в безверии. Моя бабушка перенесла тяжелейший инсульт, за нее несколько раз подавали записочку отцу Николаю. И она совершенно исцелилась и дожила до глубокой старости. Батюшка и больных исцелял и бесов изгонял.

«Батюшка, пожалуйста, помогите, мне кажется, у меня есть бес», — взмолилась я однажды.

«Да, да-да, — ответил он серьезно, — помоги, Господи! — И добавил с улыбкой: Вон он побежал, ой, упал, ножку сломал».

Моя мама по молитвам батюшки стала верующим человеком. Она жаловалась на тяжелые отношения в семье, просила помощи у отца Николая.

«Слово — серебро, молчание — золото», — посоветовал отец Николай.

С тех пор мама старалась следовать его совету, и это ее всегда выручало.

От многих людей мы слышали, что батюшка всегда знает, кто к нему едет, с каким сердцем, с какой бедой. И в этом я не раз убеждалась. Несколько раз я приезжала с очень серьезными вопросами и только начинала спрашивать: «Батюшка, можно», — как он не давал мне договорить.

«Можно, можно», — отвечал.

А вопросы стояли и о жизни и о смерти, и батюшка это знал.

Не любил батюшка, когда женщины в брюках ходили. Одна паломница при мне подошла к нему с дочерью-подростком, а он говорит: «Это у вас Коля?» — Женщина недоумевает.

Батюшка спрашивает: «А почему она в брючках? Нельзя девочкам в брючках ходить».

«Маму-то слушайтесь», — каждый раз говорил он моим детям.

«В страхе Божием детей надо воспитывать», — кротко, но строго, с обличением, добавлял мне.

По молитве батюшки я избавилась от страсти сочинять стихи, которая не давала мне покоя несколько лет.

«Батюшка, писать ли мне стихи?» — спросила я в один из приездов.

«Пиши-пиши», — ответил батюшка так, что вскоре мне стало ясно, что поэзия — это не мое.

Батюшка всех любил, как самый родной, самый близкий человек, и поэтому многие из тех, кто к нему приезжал, тоже проникались к нему любовью. Облик батюшки трудно описать словами. Это удивительная чистота, свет и доброта. Необыкновенная любовь. Необыкновенная святость. И необыкновенный голос.

«Ну, до свидания, мои дорогие, Ангела Хранителя!» — благословляя всех, говорил батюшка

таким голосом, который забыть просто невозможно.

В сильные ноябрьские шторма мы ездили к батюшке на шлюпках — и не опрокидывались. Одежда по дороге на остров успевала промокнуть насквозь и заледенеть — и мы не простывали. Все это только по молитвам батюшки...

Семья Лысовых

* * *

Около восьми лет назад, когда батюшка еще свободно ходил по острову, он пришел в домик, где мы остановились. Мы с другом сидели в это время в комнате, и когда батюшка вошел, все предложили ему сесть. Батюшка в ответ улыбнулся и посмотрел на нас:

«Я молодой, это они-то старенькие, мне-то всего 85 лет».

После этого батюшка пел с нами духовные песни, рассказывал стихи. Потом мы поняли батюшкино обличение, что духовно мы уже старые, у батюшки же «плоть немощна, дух же бодр».

* * *

Мы стояли у калиточки с народом и ждали батюшку. А по всему острову летом паслись несколько лошадок, которые подходили к паломникам, прося хлебушка или другого угощения, правда, иногда слишком настырно: тормошили пакеты, сумки, пугали людей. Их можно было достаточно легко отогнать прутиками, но одна женщина, когда конь подошел близко к калитке, подняла полено и ударила им коня по морде. Через некоторое время вышел батюшка с помазанием и сказал:

«Животных-то обижать не надо. Все живое ведь создание Божие».

* * *

В детстве я очень хотел узнать, как выглядит Ангел Хранитель, и передал это вопрос батюшке с нашими паломниками.

Батюшка ответил:

«Ангелы — они в белых одеждах с крыльями, они такие: в армию пойдет — пули будут свистеть, а его ничто не коснется. Вот такой Ангел Хранитель».

Р. Б. Александр

* * *

Впервые приехала к батюшке на остров в 1999 году. Меня волновал вопрос: есть ли воля Божия принять монашество? И когда я об этом спросила батюшку, он сказал: «С этим надо поторопиться, уж и волосы седые». И много раз слышала, как батюшка говорил примерно так же — «старая» или «седая». Потом я узнала, что это означает непослушная и мало исправимая, то есть если я не потороплюсь с монашеством, то уже не смогу исправиться.

* * *

Когда приехала к батюшке в другой раз, батюшка благословил меня в монастырь иконой Божией Матери и сказал: «Только эту икону никому не отдавай».

Вскоре вышла келейница батюшкина, Валентина Васильевна, и стала просить у меня эту икону. И я тут же ее отдала ей. Батюшка знал и обличил меня: «Какая непослушная».

* * *

В следующий приезд решила остаться пожить на острове, и хотя даны мне были деньги на обратную дорогу, решила, на всякий случай, спросить батюшку, можно ли мне отправить деньги.

«Поспешишь — людей насмешишь», — ответил батюшка.

Буквально через час приехала знакомая и передала, что мне надо ехать срочно домой. А батюшка знал это раньше меня.

* * *

Батюшка всех помазывал маслицем, помазал и меня и пошел к домику своему. Я же мысленно обратилась к нему: «Батюшка, как мне спастись?».

Батюшка резко повернулся и сказал: «Стопы мои направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие».

Батюшка знал, что я в то время жила как раз беззаконно.

* * *

Батюшка помазывал маслицем. Вдруг услышала, что батюшка читает свои стихи:

«К Тебе, о Мать Святая,
Я, бедный раб грехов,
Со скорбью и слезами
Пришел под Твой покров».

Мне стало понятно, что стихами с любовью обличает меня батюшка, показывая: что мне грустить?! — Пришла в монастырь Божией Матери и нахожусь под Ее покровом.

* * *

Уезжая домой, обратилась к батюшке: «Батюшка, благословите меня на дорогу».

Он ответил: «Не благословляю, а благословляю на кладбище со мной рядком».

Я испугалась, но, оказывается, батюшка не благословляет уезжать от него духом.

* * *

Одна женщина обратилась к батюшке: «Батюшка, я очень болею по женским делам. Помолитесь за меня».

Батюшка ответил: «Терпи и благодари Господа, что Он по своей милости дал тебе болезнь, а то была бы большая, большая беда».

* * *

Москвичка обратилась к батюшке за советом: «Батюшка, мы приезжали с сыном, он сильно пил. Сейчас не пьет, женился. Просит взять ссуду (заложить квартиру), чтоб завести свое дело. Я боюсь, запьет сын и ссуду погасить не сможет и останется без квартиры».

Батюшка ответил: «Можно дать ему деньги, пить не будет, деньги вернет в срок».

Р. Б. Нина

* * *

После школы, в период ужасного духовного неустройства (увлекался восточной философией), крестная с сыном предложили съездить на остров к батюшке. Чудом, по молитвам батюшки, мы попали на остров, так как весной, из-за льдов, катера еще не ходили, а когда оказались на острове, то льды на озере сомкнулись, и мы несколько

дней прожили на острове. В это время задумывался, что скоро предстоит армия и что нужно заниматься спортом, чтобы быть готовым к службе. Тетя посоветовала попросить благословения у батюшки. Подойдя к домику, на крылечке которого стоял батюшка, я попросил благословения идти служить в армию.

Батюшка благословил и ответил: «Армия-то не портит».

Затем спросил у батюшки, заниматься ли спортом. Батюшка ответил: «Ну, в армии винтовкой-то еще намашешься». И получилось так, что, по молитвам батюшки, я служил в сорока километрах от дома и в увольнения ходил почти каждые выходные, и в отпуск сходил на 35 суток, и автомат всегда был на плече.

Все мужчины в нашей семье: дед, отец, зять — в армии служили связистами. Мне тоже очень хотелось быть связистом. И надо же, батюшка так все «устроил», что под конец службы командир назначил быть связистом, а остаток службы прошел как по маслу.

* * *

Когда мы подошли к батюшке, все хотелось спросить, чем в дальнейшем заниматься. Когда я спросил, то батюшка благословил поступить в медицинский институт. Конкурс при поступлении очень большой и поступить трудно. Но, по благословению батюшки, я поступил, учеба шла хорошо, на экзаменах всегда хорошие билеты попадались. Во время учебы в медакадемии все чаще задумывался, какую профессию в дальнейшем выбрать. Как и все парни, хотел быть хирургом, а родственники говорили, что по моей

медлительности, рассеянности все больные будут «оставаться на столе», и посоветовали спросить у батюшки. Когда в очередной приезд я спросил у батюшки, каким врачом быть в дальнейшем, то батюшка ответил: «Положись на Волю Божию, врачом будешь, не оператором».

С того момента, хотя все хирургические мечты рухнули, но среди терапевтических специальностей ничто на сердце не ложилось. При усилии родственников, наконец, выбрали две: окулист и аллерголог. Когда поехали к батюшке, я, подойдя, спросил, можно ли быть окулистом или аллергологом.

Батюшка не благословил и сказал: «Чтобы совсем голову потерять».

И только гораздо позже, слушая интервью ифекционистов во время эпидемической вспышки в Облиевской, из последних сил подумал: «Если терапевтом, так хоть, может, инфекционистом». А летом, в очередной приезд (батюшка уже последнее лето выходил к людям), после помазания, я спросил: «Можно ли быть инфекционистом?»

Батюшка уже уходил, но повернулся и так ласково сказал: «Можно, можно...»

Какова была радость на душе. Вот такой наш батюшка.

* * *

Однажды, когда мы стояли у батюшкиного домика, он вышел и сказал: «Нельзя обижать животных, даже мышку. Поймает кошка, и слава Богу, а обижать не надо». — И тут я вспомнил, что летом, в деревне, специально поймал мышонка и отдал его кошке. Батюшка с большой

любовью относился ко всему живому и всех людей этому учил.

* * *

Сильно мучило пристрастие к спиртному и курению и никак не мог бросить. Когда стояли у крылечка и разговаривали с батюшкой, крестная пожаловалась, что курю, а батюшка взял за волосы, подергал и сказал: «Водку не пей, табак не кури». — И только батюшка, помолившись, избавил от этих вредных привычек.

Р. Б. Алексей

Через время и пространство

Юлия Вознесенская,
православная писательница

Вся моя жизнь была борьбой за свободу, за истину, за человека. Потому я верю, что «кончается всегда все хорошо». Потому что я видела и вижу множество чудес в этой жизни.

Расскажу об одном, связанном с великим человеком — год назад почившим старцем Николаем. Я ездила к нему на остров Залит, как и многие тысячи паломников со всей России, и там я встретила батюшку, который восстанавливал древний храм в Гдове. Потом я уехала обратно на Запад. Уволилась с радио «Свобода», где работала несколько лет, и поехала в Леснинский монастырь на жительство. На радио мне дали отступные, я распределила деньги между родными, что-то оставила себе, как оказалось, на строительство домика в Лесне, а оставшиеся «бесхозными»

две тысячи марок послала брату в Россию с просьбой, чтобы он отвез в Гдов к батюшке.

А у него в то время рухнул купол на храме (я ничего об этом не знала), и он поехал к старцу Николаю с вопросом, что ему делать — ведь денег на восстановление нет и не предвидится. А тот ему сказал: «Нанимай рабочих, начинайте работу, деньги вам привезут». И вот, когда уже работы подходили к концу и надо было расплачиваться с рабочими, приехал мой брат и, оказывается, привез ему именно ту сумму, которая была нужна для того, чтобы расплатиться с рабочими и отдать долг за материалы.

Разве это не чудо! Ведь я, можно сказать, случайно вспомнила о батюшке из Гдова. Когда думала, куда мне девать «лишние деньги».

Построить храм

Протоиерей Михаил Женочин

С первых дней своего служения в Гдовском районе я стал думать, как бы церковь в городе построить, ведь раньше шесть их было в Гдове. Перестройка в те годы только зарождалась, и надеяться можно было только на чудо. Оно и произошло, укрепив зародившиеся намерения. В Псковском озере есть остров Залита, уже давно служащий местом паломничества ищущих духовного совета. Служит там благочестивый священник отец Николай, бывший посошник новомученика российского митрополита Вениамина, носившего титул «Петроградский и Гдовский». Приезжал к нему с двумя собратьями из соседнего

прихода Самолвы — отцами Владимиром и Сергием. Попали мы на остров с желанием узнать, есть ли надежда на возрождение церкви. Усаживая нас за самоварчик, старец неожиданно спрашивает: «Храм-то в Гдове строится?» Опешили мы от такого вопроса: такие события только в житиях святых происходили. «Стройте, стройте», — повторил он. «В мою-то церковь, — возражаю я, — никто не ходит. Есть ли для кого строить?» — «Есть для кого!» — уверенно подтвердил он и дал на строительство первую тысячу рублей.

Самым прекрасным местом для строительства была Гдовская крепость. Боевые стены из валунного камня создавали живописный вид, где до 1944 г. находился собор великомученика Димитрия Солунского. После взрыва камень был переведен на известь; кирпич разобран местными жителями; бульдозер сровнял площадку, навсегда вычеркнув из народной памяти лучшее украшение города. На месте бывшего храма наспех сколотили деревянную эстраду, где раз в году проводились дешевые концерты, а в серые будни скамьи притягивали своей укромностью любителей «зеленого змия». Так выглядела наша священная земля до 1988 года...

Неожиданно для себя я получаю письма от доктора археологии Анатолия Николаевича Кирпичникова, который просил меня незамедлительно приехать в его институт. Наша встреча на Дворцовой набережной в Ленинграде была очень теплой. Оказалось, что до него дошел слух о том, что я имею один миллион рублей и хочу истратить его на строительство церкви. Около десяти лет назад Кирпичиков произвел раскопки в Гдовской крепости и, сожалея об утраченном, мечтал

о возрождении древнего памятника. Свое желание построить церковь я подтвердил, а о наличии миллиона отмолчался из боязни его разочаровать и тем отпугнуть от сотрудничества. В то время у меня была всего одна тысяча залитского старца, в пророчество которого я твердо уверовал. Из кабинета Кирпичникова мы позвонили академику Лихачеву и, заручавшись поддержкой, Анатолий Николаевич направил решительное письмо в Гдовский райисполком с обоснованием благой цели...

Пока в Ленинграде работали над проектом, археологи приехали в Гдов. Уже в институте Кирпичников познакомил меня со Львом Николаевичем Большаковым, человеком глубоко церковным. «Лева, — просто сказал он, — есть дело Божье! Этому священнику надо помочь». Археолог Большаков, приезжая в Гдов, навсегда оставил о себе добрую память.

Сначала мы за свой счет перенесли в другое место гнилую эстраду. Затем, выйдя на покрытую травой и мусором площадку, стали думать, где же был уничтоженный собор. Старожилы указывали различные места, мнения жителей расходились, а Лева, считая главным ответственным лицом меня, спрашивал: «Где, батюшка, благословишь?» Рассматривая пожелтевшие фотографии храма, сохранившие кроны вековых деревьев, сердце подсказало мне, и я уверенно сказал: «Давай, Лева, здесь. С Богом». Мы начали рыть пробный шурф, который скоро вывел нас на фундамент погибшего собора.

Как драгоценный клад, раскрывали мы камень за камнем. В работе принимали участие верующие, местное население и нанятые на церковные сбережения рабочие. Пришло «время собирать

камни». Землю, камни, известь и многочисленные человеческие кости поднимали мы из недр старинной крепости. Были раскрыты погребения XV – XX веков. Люди, захороненные в древности, лежали лицом к востоку со сложенными на груди руками. Черепа некоторых были прорублены мечом, что позволяло предположить в них доблестных защитников града. Почти на самой поверхности земли, сразу под дерном, мы обнаружили другие останки. Их черепа были прострелены и лежали без православного погребения, как попало. В 30-е года здесь находилась застава и тюрьма, которую НКВД использовал под свои ненасытные нужды. Их режим сменила фашистская оккупация, и уже разобраться в преступлениях против народа стало невозможно. Все останки мы благоговейно погребли с молитвенным пением...

30 июля 1989 г., по завершении археологических раскопок, впервые за 50 лет гдовский народ пришел крестным ходом в свою крепость, где от нашего храма не осталось даже руин. Священнослужители соседних приходов совершили по благословению архиепископа Псковского Владимира молитвенный чин закладки единственной в городе церкви...

Вслед за освящением места для храма возникла новая проблема — материальная. Первая тысяча залитского старца, как масло в кадке Иаинской вдовы времен Ильи Пророка, не убавлялась. В основном ее пополнял прибужский благочинный архимандрит Лев, пять тысяч пожертвовал Псково-Печерский монастырь, шесть тысяч — город Остров, три тысячи — Самолва, остальные гроши мы собирали от местных пожертвований и наших богослужений...

Даже наличие денег не помогло решению всех наших строительных проблем. Покупная способность рубля всегда была очень низкой, а в конце 1980-х годов она начала падать еще более стремительно. Нужно было скорее истратить деньги, пока они совсем не обесценились. Кроме того, в стране рос дефицит абсолютно всех строительных материалов...

Но постепенно решились эти и все другие проблемы. Особенно трудно было найти рабочих. Среди всех республик «нерушимого Союза» Россия пострадала от разрушений более других. Я лично осознал это в период своего первого строительного опыта. Даже за большие деньги невозможно было найти человека, способного добротно срубить дом или сделать кирпичную кладку. Спрашиваю у старейшей жительницы Гдовщины: «Евдокия! А в нашей деревне раскулачивали?» «Да! — отвечает она, — раскулачили». «А кого?» — продолжаю я. «Всех раскулачили, ведь для *них* вся деревня — кулаки». Так, одного за другим, увез «черный ворон» в «небытие» все крепкое мастеровое крестьянство...

5 октября в строительную зону прибыли первые автомашины и вагоны кирпича. В тяжелых зимних условиях верующие ежедневно выгружали его и вручную складировали на площадке. 8 мая был совершен молебен перед началом строительства, и бригада вела подготовку к началу работ. 31 мая мощной буровой установкой сделали скважину для воды, которую обнаружили на глубине 27 метров. 5 июня начали кирпичную кладку стен храма; ее вели непрерывно до конца 1990 года...

Конец строительства еще впереди, и есть время соединиться в работе и в общем народном

покаянии за жизнь, прожитую без Бога. Возрождение церковных стен идет параллельно с возрождением духовности нашего народа, который из прежнего народа-богоносца был превращен в народ-богоборец. Сейчас с этим народом, не знающим молитвы «Отче наш», десятки лет прожившим без всякого церковного окормления, мы строим «Дом Божий».

Надеемся, что к осени 1991 г. завершим основные работы и к престольному празднику великомученика Димитрия Солунского освятим наш единственный храм и войдем через него в жизнь вечную.

8 ноября 1991 г. в воссозданном соборе св. вмч. Дмитрия состоялась первая служба. В 1993 г. было совершено освящение святого престола в честь священномученика Вениамина, расстрелянного безбожной властью в 1918 г. В скором времени состоялось освящение Гдовского собора в честь Преблагословенной Девы Марии и Ее святой иконы, именуемой «Державная».

Благословение отца Николая [1]

Николай Коняев

Самое первое и, пожалуй, самое неожиданное впечатление от Минска — встреча со старцем Николаем Гурьяновым с острова Залита...

Имя его как-то сразу возникло в беседе со встречавшими нас управляющим делами департамента

[1] Впервые опубликовано: «Советская Россия», 2004, 5 февраля.

внешних связей Белорусского экзархата Александром Михайловичем Грамотневым и генералом Стефаном Васильевичем Косухой (залитский старец был его духовником), и сколько потом мы ни колесили по Белоруссии, без отца Николая не обходился, кажется, ни один разговор.

И это были не сплетни об окружении старца, которые — к прискорбию! — нередко приходится слышать в Москве и Петербурге, нет... Здесь мы сталкивались с делами залитского старца — с храмами, воздвигнутыми по его благословению; с людьми, жизнь которых преобразило общение с ним...

И тут нельзя, конечно, не вспомнить о дивных трудах минского священника Андрея Ломашенко, который одним из первых в Белоруссии начал работать с больными Республиканской психиатрической больницы в Новинках.

Следуя за отцом Андреем, начали ухаживать за больными и его духовные дочери, а вскоре возникла мысль о создании женского Свято-Елисаветинского монастыря.

Мысль эту подсказал старец Николай.

— Отче... — сказал тогда отец Андрей. — Но ведь на строительство деньги требуются...

— А как же без денег строить? — согласился старец Николай. — Но я тебе денег дам, начинай строить... И он достал из кармана пять тысяч рублей.

Тогда на пять тысяч недоминированных рублей можно было купить бутылку минеральной воды, но тут не в размерах денежной суммы заключался смысл, а в силе старческого благословения.

С этого благословения и начали расти стены обители, с этого старческого пожертвования и начинается летопись Минского Свято-Елисаветинского монастыря в Новинках...

7 декабря 1997 года был заложен первый монастырский храм. 6 февраля 1998 года в фойе интерната освятили домашнюю церковь во имя святой блаженной Ксении Петербургской. 10 декабря 1999 года освятили нижний монастырский храм во имя святителя Николая.

Со Страстной седмицы 2000 года в монастырском храме совершается ежедневно Уставное богослужение. Сейчас в обители 44 насельницы. Ежедневно совершается здесь Божественная литургия, а вечерние богослужения завершает крестный ход. Настоятельница монастыря, матушка Евфросиния, говорит, что монастырь — это и семья, и университет, где человек может восстановить в себе образ Божий.

И вот смотришь на выросшие в Новинках по благословению старца Николая древнерусские стены монастыря, на тяжелый, высоко вознесенный в небо звездный купол величественного, схожего со славянским богатырем собора и действительно ощущаешь себя свидетелем Божьего Чуда.

По благословению старца

Сергей Евгеньевич Васильев,
генеральный директор завода АТИ,
директор «Православного радио Санкт-Петербурга»

В 1995 года я получил благословение старца Николая на то, чтобы принять пост генерального директора завода АТИ. Батюшка тогда меня благословил и прибавил: «Только не бросай». Тогда мне эти слова были непонятны — как можно взять

дело и сразу бросить? — а потом у меня было столько сложных моментов, когда действительно все хотелось бросить, но я вспоминал слова старца...

Потом я часто ездил к батюшке и организовывал к нему благотворительные поездки паломников. Удалось отснять целую видеокассету батюшкиной службы и проповедей. Правда, батюшка от себя никогда ничего не говорил, он читал слова святых отцов.

Батюшка вообще в поучениях своих был немногословен. Мне больше всего запомнилось, как он повторял: «Любите родителей». Две-три фразы батюшки раскрывали целый мир. Они были настолько емкими, что проникали прямо в сердце. В то время, слава Богу, я имел возможность исповедоваться у старца и причащаться из его рук.

По молитвам батюшки произошло незабвенное для меня событие — обретение моего отца. После смерти мамочки папа очень затосковал; чтобы отвлечься, ездил один на дачу покопаться в земле. И вот пропал. Бросились его искать, отец Иоанн позвонил к отцу Николаю на остров. Старец сказал: «Нужно отслужить молебен у иконы Божией Матери "Взыскание погибших"». И вот, именно во время совершения молебна зазвонил телефон — папа нашелся. Конечно, по молитвам батюшки. Если бы мы опоздали даже на несколько часов, было бы поздно, его похоронили бы в безымянную могилу, и мы ничего не узнали бы о нем. Не узнали бы, что он умер от сердечного приступа в электричке. Но я благодарен Господу за то, что и папочка и мамочка незадолго до смерти исповедовались и причастились в храме в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша», ктитором которой я являюсь...

А батюшка, когда благословлял на служение молебна, я уверен, он все уже знал.

Когда я вспоминаю глаза батюшки, я говорю себе: «Он был неземной человек. Его глаза были как окна в райские обители. Как будто не просто смотрел в глаза человека, а получал весть от Отца Небесного».

Батюшка Николай знал все и про всех, но не говорил об этом.

В последние две моих поездки на остров Залит, я батюшку не видел и записки даже никакой не подавал, но, уже подходя к его домику, я все понимал. Была возможность батюшку увидеть, мы в последние годы возили к нему врача, но не хотелось его беспокоить, не было нужды. Уже у ворот его домика охватывал такой мир и покой...

Я постоянно чувствовал заботу батюшки, я всегда, каждый день, не только поминал его на молитве, но и просил: «Батюшка, помоги».

Кроме того, в последнее время я стал реже ездить на остров, потому что не мог идти против слов старца: «Что вы ко мне ездите? У вас есть отец Иоанн Миронов, мой брат».

Можно сказать, что старец научил меня, как относиться к духовнику. Я старюсь отца Иоанна не мучить вопросами. Я знаю, как он загружен. Я знаю, что он за меня молится — и это главное. Я ведь постоянно рядом с батюшкой нахожусь и вижу, как решаются самые разные вопросы. Так набираюсь опытности.

...А недавно, когда я был на Афоне, мне батюшка отец Николай напомнил о себе. Я, как уже говорил, снимал его в 1995 г. на видеокамеру в храме. И вот батюшка увидел, бежит, как будто возмущается: «Это кто здесь снимает?» Подошел,

камеру взял в руки, как будто разбить хочет. Я про себя-то подумал: «Камера дорогая!» А вслух сказал: «Бейте, батюшка». И голову склонил. Батюшка говорит: «Вижу твое смирение, бери».

И вот на Афоне историей с видеокамерой старец мне напомнил о себе. Я забыл о том, что на Афоне запрещено снимать на видео, и начал снимать уже на катере. Ко мне подлетел свирепый конвоир со словами, что нужно теперь возвращаться, сдавать камеру на хранение. А я ему говорю: «Хорошо. Но, если можно, я у вас оставлю камеру, а на обратном пути, если захотите, вернете мне ее, а если нет, можете себе оставить». Он камеру забрал, отнес в сейф, а потом через какое-то время приходит, вызывает к себе в каюту и отдает камеру! Как тут было не вспомнить урок смирения, преподанный мне девять лет назад старцем.

Чудный, чудный старец и непонятный. Проповедей не говорил, длинных наставлений тоже, от себя вообще ничего не говорил, все пословицы, поговорки, да чужие стихи читал и пел. Одел он на себя панцирь, закрылся от мира. Так и прошел по миру никем не понятым.

Если старец благословит, то и Бог благословит

Игорь Изборцев
секретарь Псковского отделения Союза писателей России

В начале лета 1993 года в моей жизни наметились важные перемены: мне предложили

должность ответственного редактора псковского епархиального вестника «Благодатные лучи». Опыта работы на ниве духовного просвещения у меня не было, поэтому я, хотя и всем сердцем желал участвовать в этом душеполезном деле, испытывал некоторую нерешительность. И тогда мой духовник, рассудив, что без старческого благословения тут никак не обойтись, порекомендовал мне поехать на о. Залита. «Если старец благословит, то и Бог благословит», — сказал, осеняя крестом на дорогу.

Рано утром следующего дня я уже садился на быстроходное речное судно, название которого странным образом соответствовало времени посадки — «Заря». Хотя рождающиеся от названия судна ассоциации этим не исчерпывались. Заря, восход солнца, восток... — с этими понятиями у нас, православных, связаны многие упования и надежды. Итак — с верой и надеждой в путь на Талабские острова! День, как помнится, был будний и пассажиров в салоне «Зари» сидело немного. Были среди них и паломники, явно тоже направляющиеся к о. Николаю — человек пять-шесть. Четверых я запомнил хорошо: женщину средних лет с юношей, по-видимому, сыном, и мужчину с окладистой бородой, стянутыми в хвост на затылке волосами, и оттого похожего внешним обликом на батюшку, со спутницей, быть может, матушкой. Православных паломников вообще несложно отличить от прочего люда. И главное тут не внешнее, свойственное облику воцерковленного православного христианина; нет, главное — внутреннее, то состояние духа, в котором пребывает в такие моменты верующий человек. Он горит, светится

ожиданием встречи, волнуется, но и радуется; он словно видит пред собой прикрытое пока окошко в мир горний и доселе недоступный; предчувствует, что вот-вот окошко распахнется и небеса преклонятся долу, чтобы коснуться души и сердца. А вдруг там не чисто и не прибрано? Вдруг там холодная пустота? Оттого и трепет, волнение в груди; но и молитва оттого льется легче и искреннее: «Господи, помилуй... Господи, благослови...» Глаза паломника в такой момент смотрят внутрь самого себя, вовне мысль не находит уже ничего важного; и даже небо не привлекает взор. Сейчас путь к небу пролегает через душу и сердце — там место встречи; встречи, для которой проделан дальний путь...

Нечто подобное в тот момент испытывал и я. Где-то на краешке сознания запечатлелись волны, чайки, взрывающиеся водопадами струи воды на оконных стеклах. Но все это лишь как фон; внимание сосредоточилось исключительно на предстоящей встрече...

Пристань, прибрежный белый песок у кромки воды, несколько жителей острова, встречающих пассажиров из своих, ленивые, добродушные собаки... Все это проплывает мимо, остается позади; все это приглушено, заретушировано. Наша небольшая группа паломников минует часовенку, движется к храму. Здесь остановка, поясные поклоны с крестным знамением. И, наконец, последний отрезок пути... Впереди — женщина с юношей; идут уверенно — похоже, бывали уже здесь. Я тоже бывал — в бытность работы корреспондентом районки готовил репортажи о трудовых буднях рыбаков — но держусь позади, за похожим на священника

мужчиной. Тот идет прихрамывая, тяжело опираясь на трость.

Но вот и маленький батюшкин домик, уютный дворик, затененный деревьями и утопающий в зелени. Безпрепятственно заходим внутрь. Тут же открывается дверь и на крылечке появляется батюшка, словно как раз нас и дожидался. Он улыбается. Нет, он весь светится улыбкой и добротой. Все это настолько искренне, настолько достоверно, что и я, чувствуя прилив радости, невольно растягиваю губы в улыбке. Батюшка благословляет нас, помазывает маслицем. Слышу, как он спрашивает юношу: «Крест на тебе есть?» Молодой человек почему-то молчит. Мать его что-то шепчет батюшке и тот, выслушав, слегка похлопывает юношу по щеке... У мужчины с бородой батюшка интересуется: «Вы священник?» Ответа не слышу. Подходит и мой черед. Батюшка благословляет меня, смотрит выжидающе, а я — в полной растерянности. Все сложенные загодя в мыслях слова словно рассыпались, и я молчу, как рыба... Так и отхожу ни с чем. А батюшку засыпают вопросами... Между тем происходит нечто поистине удивительное. Батюшка вдруг спрашивает мужчину с бородой, указывая на его трость: «Вы болеете?» Тот кивает головой. Батюшка забирает трость и отбрасывает в сторону: «Нет, — говорит, — она вам не нужна».

Не знаю, что далее стало с этим человеком. Хочется верить, что ему действительно более никогда не понадобилась трость. Тогда же, помню, всеобщее чувство радости и ликования, чувство сопричастности к настоящему чуду...

Наконец батюшка благословляет всех в дорогу. «Да хранит вас милосердие Божие!» — с этими

словами скрывается в домике. Постепенно паломники начинают расходиться. Я уйти не могу: как же, не выполнил главного, ничего не узнал. Ругаю себя за нерешительность, брожу возле батюшкиного домика, захожу на кладбище, что через дорогу. До прибытия «Зари» еще много времени, и я решаю ждать до последнего момента: авось батюшка еще выйдет. Обхожу вокруг часовенку, заглядываю сквозь пыльное окно внутрь и вижу чудные фигурки в диковинных платьях. Куклы? Не сразу догадываюсь, что это Ангелы, и дивлюсь — прежде таких в православных храмах встречать не доводилось...

О чем думалось тогда, теперь уже не вспомнить. О вечности, верно, — о чем еще думать, когда оказался на ее пороге? Погост, по-гост... то есть после гостевания, гощения. Погостили в мире сем, кому сколь Господь отпустил, и домой... Там, за пределами кладбища, воздух раскалялся от полуденного зноя, а тут, под покровом благосеннолиственных древ, царили прохлада и покой. Тогда я еще не знал, что все здешние деревья посажены рукой батюшки Николая, принимая окружающую благодать как обыденную данность...

Глядя на кресты, шепчу: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, всех зде лежащих и на кладбище сем погребенных православных христиан...» Не замечаю, как подходит незнакомая старушка.

— К отцу Николаю приехал? — спрашивает и кивает на зеленый батюшкин домик, хорошо просматривающийся сквозь кованые ворота погоста.

— Да, — подтверждаю я ее догадку и объясняю, что хотел бы еще раз увидеть старца, потому

как вопрос, ради которого и приехал, доселе не разрешил.

— А ты подойди вон к той могилке, — указывает рукой старушка, — там мама отца Николая покоится, Екатерина, помяни ее за упокой и попроси, чтобы помогла тебе увидеть батюшку.

Делаю так, как наказала старушка. Жду. Вскоре калитка батюшкиного дворика приоткрывается, показывается отец Николай. Я немедля спешу ему навстречу...

Тот самый день запомнился мне на всю жизнь не только тем, что подарил первую встречу с о. Николаем; этот день, поистине, был щедр ко мне: по милости Божией я получил возможность обстоятельной беседы со старцем с глазу на глаз. Впоследствии я бывал у батюшки множество раз, но всегда не один, да и отца Николая окружали люди, так что возможности поговорить с ним наедине уже более не представилось. Тогда же, в тот самый день, я мог спрашивать все, о чем угодно душе. Батюшка благословил меня работать в «Благодатных лучах» и отвечал на мои вопросы, быть может наивные, обстоятельно и поотечески добро. Наконец напомнил, что пора идти на пристань, так как до отправления «Зари» осталось совсем недолго. Я медлил и тогда батюшка сам тронулся с места, увлекая меня за собой... Впоследствии я не раз видел, как быстро он может двигаться, словно летит над землей, так что и молодым не поспеть, но не тогда, тогда мы шли не спеша, продолжали разговор, и я переполнялся счастьем и радостью...

У храма батюшка останавливается и трижды с поясным поклоном осеняет себя крестным знамением, я следую его примеру. Вдруг говорит:

«Хорошо, что вы венчаны с супругой», — и объясняет важность венчанного брака...

На обратном пути, когда «Заря» подходила к устью реки Великой, я вспомнил эти батюшкины слова и осознал, что ничего не говорил ему о своей семейной жизни, не открывал никаких ее обстоятельств. Значит, батюшка знал сам. ЗНАЛ! Теперь много пишут и говорят о таковых возможностях о. Николая: видеть и знать сокровенное человеческое; о его прозорливости — пишут и правду, и полуправду, и сущие нелепицы, основанные на слухах и домыслах. Но я, по милости Божией, соприкоснулся с этим его благодатным даром, о чем смиренно и свидетельствую...

Мы приближаемся к пристани в самую пору: «Заря» уже на подходе и вот-вот причалит. Батюшка в последний раз благословляет меня на дорогу. Я спрашиваю, можно ли еще приехать? Он улыбается и кивает головой. Уже стоя на борту, я долго на прощание машу рукой, и батюшка машет в ответ...

Впечатления этой первой и в своем роде «единственной» встречи до сих пор живут во мне. Это как неугасимый светильник памяти, возжженный благодатной десницей старца. Пусть и затмевается порой его лучистое тепло пеленой серой обыденности, затягивается сумраком грехов и забвения, но все равно энергия его не убывает и, нет-нет, пробивается солнечным лучиком, дарящим возрождающую силу душе и надежду сердцу.

* * *

Впервые об отце Николае мы узнали из рассказов нашей знакомой, Александры Петровны

Васильевой, замечательной женщины, знакомством с которой мы обязаны исключительно милости Божией и считаем это Его благословением. Александра Петровна, находясь уже в преклонных годах, сохранила удивительную ясность памяти. В мельчайших подробностях рассказывала она об удивительных встречах с людьми высочайшей духовной жизни — старцах и старицах. Некоторые ее воспоминания мне удалось записать. Вот один из ее рассказов о встрече с о. Николаем:

«Сын одной моей хорошей знакомой сообщил мне, что собирается жениться. Пригласил даже на свадьбу. Я, зная его несколько легкомысленный характер, сказала, что пока не съездишь к отцу Николаю за благословением, ни о какой женитьбе и не помышляй. Он рассердился, сказал, что и угощение для свадебного стола уже куплено и гости приглашены. Долго я его уговаривала и все-таки, с Божией помощью, удалось его убедить поехать. Мы отправились в путь. Как только батюшка услышал вопрос о женитьбе и просьбу о благословении, то изменился в лице и очень строго сказал: "Не благословляю! Не благословляю!" Уехали мы в растерянности, не зная что и делать. Но вскоре выяснилось, насколько прав был батюшка. Оказывается, невеста вела себя по отношению к жениху не совсем честно, пыталась даже обмануть его и скрыть, что у нее есть ребенок, живущий у родственников. Таким образом вопрос о женитьбе сам собой отпал...

Я вообще очень часто ездила к о. Николаю (это происходило в 70—80-е годы. — *Прим. И. И.*). Сопровождала своих знакомых, у которых были какие-либо важные вопросы. Иногда случалось

ездить два-три раза в неделю. Однажды приехала и стало так неловко, что часто езжу, батюшке надоедаю. Своих спутников направила к о. Николаю, а сама спряталась, чтобы батюшка не заметил, в кусты. И вдруг слышу батюшкин голос: "Не прячься, Александрушка, пойди сюда". Пришлось, к своему стыду, подойти, повиниться за то, что пыталась обмануть старца. От батюшки ничего не скроешь».

Тут следует сделать небольшое отступление, ибо невозможно не сказать несколько слов об этой женщине...

Незадолго до своей кончины Александра Петровна писала нам:

«Простите, дорогие мои дети. Если при жизни не оставляли, не оставьте и после смерти, поминайте, по возможности, почаще и запишите, прошу, в свои синодики заранее...

Сын мой, Иоанн (протоиерей Иоанн Васильев, скончался на пятидесятый день после смерти матери. — *Прим. И. И.*) с матушкой и внук Алексий (протодиакон. — *Прим. И. И.*) с матушкой Анной посетили отца Николая. Посещению очень рады, а от батюшки мне передали: срочно готовиться в потусторонний мир, к полету в дальнюю дороженьку. Сказали, что он пропел:

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки,
Уж недалеки от меня.

Вот такое мне предсказание. А о. Валентин (протоиерей Валентин Мордасов, настоятель

храма св. вмч. Георгия погоста Камно. — *Прим. И. И.*) прислал такое пожелание:

Время сокращается,
и близок день суда,
конец мой приближается,
проснись, душа моя.

Простите за откровенность. Целую всех вас. Желаю от Господа милости и мудрости Соломоновой. С уважением и любовью, Александра Петровна».

Александры Петровны Васильевой не стало 12 января 1998 года. Перед своей праведной кончиной, последовавшей на восемьдесят восьмом году жизни, она приняла монашеский постриг с именем Анна, но в нашей памяти она была и остается замечательной русской женщиной по имени Александра Петровна, немощной с виду, но с несгибаемым внутренним духовным стержнем (за упокой мы ее, конечно, поминаем, как монахиню Анну). Это про таких, как она, писал поэт: «Есть женщины в русских селеньях...» Говорю это без всякого преувеличения. Один лишь эпизод из ее длинной, протянувшейся почти что от начала и до конца столетия, жизни. Поздней осенью 1942 года их, жен комсостава, отправили на строительство оборонительных сооружений: они делали фашины, набивая песком дерюжные мешки. Песок приходилось доставать из реки, стоя по пояс в ледяной воде. Вот тогда получила она первые серьезные болезни, к которым ежегодно добавлялось что-то еще, как знак времени и места: голода, холода, непосильного труда, семейных неурядиц и прочего...

Некогда Псково-Печерский старец Симеон (Желнин), ныне прославленный Церковью, сказал ей:

— Живи для других, Александрушка, и сама спасешься! Больше уединяйся, уединение способствует спасению. Помни это, особенно когда годы подойдут. Тогда это особенно будет важно! Ибо сказал Господь: «В чем застану, в том и судить буду!» Как доживешь до моих лет, припомни эти мои слова: живи для других, уединяйся и причащайся Святых Тайн еженедельно!

— Доживу ли, батюшка? — с сомнением спросила она. — Здоровье-то и сейчас не то.

— Доживешь, доживешь, матушка, — махнул рукой старец, — и еще переживешь.

Александра Петровна пережила о. Симеона на тридцать восемь лет. «Любите прескорбности, любите претрудности», — часто повторяла она нам слова псковской блаженной Екатерины Булыниной. Мне кажется, что Александра Петровна самоей своей жизнью выполнила этот завет блаженной. Последние годы она прожила вместе с двоюродной сестрицей Анастасией, которой было уже без малого девяносто. Матушка Анастасия, неутомимая творительница Иисусовой молитвы, не могла самостоятельно передвигаться и дни и ночи проводила, либо сидя на стульчике подле кроватки, либо полулежа на ней. Младшая сестрица, и сама-то едва двигающаяся, относилась к старшенькой с трогательной материнской заботой.

Александру Петровну спрашивали, почему не уезжают они, почему мыкают горе, две безпомощные старухи, полагаясь на свою сомнительную самостоятельность? Почему? Действительно,

почему? Ведь могли бы уехать к сыну священнику (который постоянно упрашивал приехать, звал), к дочери, к внуку, наконец, известному в С.-Петербурге протодиакону? Могли бы, конечно... если бы перечеркнули всю предыдущую свою жизнь, все, во что верили, что исповедовали. С юности им, живущим церковной жизнью, говорили про скорби, про болезни, про терпение и смирение. И они повторяли о том же другим. Теперь приспело время самым делом исполнить все эти слова. Это самое трудное в жизни нашей — чтобы слова не рознились с делами. Самое, верно, главное и спасительное!

В 1994 году старшая сестрица все же покинула младшую, покинула, чтобы уйти в путь всея земли... Помню свое последнее к ней слово, опубликованное в «Благодатных лучах».

«Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19, 30). К сожалению, мы часто забываем эти слова Спасителя и судим о людях по той славе, которую сами же им воздаем. Да будут нам в назидание слова древнего подвижника аввы Агафона: "Ин суд человеческий, и ин суд Божий".

Недавно, в канун Радоницы, тихо отошла ко Господу раба Божия Анастасия. Она прожила долгую жизнь (89 лет), не накопила богатств земных, но зато сполна испила из чаши скорбей и страданий, выпавших в нынешнем столетии на долю русского народа. Подлинными же сокровищами, которые сумела она стяжать, стали глубочайшее смирение и высочайшая любовь к Богу и ближним своим. Такие богатства не подвластны тлену и смерти: они во веки пребудут с каждым, кто сумеет обрести их.

Когда я немощен, тогда силен (2 Кор. 12, 10) — эти слова св. апостола воистину определили последние годы жизни матушки Анастасии. Прикованная тяжелым недугом к постели, она непрестанно молилась, молилась о всех, кого знала и помнила, о живых и умерших. И верю, что молитвы эти не остались неуслышанными...

Показателен такой случай, который произошел незадолго до ее смерти. Накануне Пасхи ее духовному отцу, старенькому священнику о. Иоанну, явилась во сне давно умершая певчая Анна и сказала: "Анастасия должна лежать рядом со мной". И действительно, на погосте Камно, где она (Анна) похоронена, чудом сохранилось свободное место, скрытое от любопытных крестом и надгробной плитой (хотя захоронения там не было). Так и сбылось. Матушка Анастасия была погребена в этом месте, буквально в нескольких метрах от западной стены церкви св. великомученика и победоносца Георгия. Господь явил ей Свою милость, в назидание нам, живущим.

Хочу сказать несколько слов о ее кончине. До последнего издыхания она сохраняла ясность ума: простилась со сродниками и внуком; просила, чтобы они чаще исповедывались и причащались Св. Тайн; благословила всех и, закрыв глаза, тихо отошла ко Господу, под чтение канона на исход души. Подлинно христианская кончина. Она и сейчас еще пред глазами моими: тихая, маленькая, легкая, как былинка, чуть слышным шепотом творящая свою безпрестанную молитву... Вечная тебе память!»

Это Александра Петровна познакомила нас с замечательным камновским батюшкой о. Валентином Мордасовым, ставшим на последующие шесть

лет (до своей кончины, последовавшей 18 июля 1998 г.) моим духовным наставником. Она рассказала нам о старце Симеоне Псково-Печерском, псковском блаженном Василие Графове, блаженной монахине Екатерине (Булыниной), блаженной Анастасии Струлицкой и других, которых знала лично и духовными советами которых руководствовалась всю свою жизнь.

Некий иностранец с известной долей юмора подметил: «Отчего это у вас в России в храмах на исповедь выстраиваются очереди преимущественно из женщин? Наверное, они у вас очень грешные?» Не знаю, что ему ответили. Да и требовался ли ему ответ? Я бы, наверное, сказал так: не более, чем следовавшие за Спасителем Жены-Мироносицы: и те не оставили своего Господа до конца, и эти — наши бабушки-старушки, с костыликами, в простых ситцевых платочках — безропотно следуя за духовными отцами, вынесли на своих хрупких плечах Церковь Православную в годину лютых гонений и испытаний. Спаси вас, Господи, наши дорогие матери и бабушки!

* * *

В начале января 1999 года к нам из Ивановской епархии приехал давний знакомый, иеродиакон Роман, насельник одной из тамошних обителей. Приехал с поручением от настоятеля: побывать у о. Николая для разрешения важного вопроса монастырской жизни. Отказавшись даже немного отдохнуть после дальней дороги (ехал ведь всю ночь на автомобиле по непростым зимним дорогам), о. Роман попросил меня сопроводить его на остров. Поехали. Погода, помнится, стояла тихая и солнечная: и мороз излишне

не наседал, и ветер не тревожил, одним словом — январское рождественское благолепие. Без проблем добрались до Толбы и по накатанной колее промчались через болото и озеро. Зимой Мороз-воевода безкорыстно мостит отличные дороги — надежные, если особенно не отклоняться в сторону от колеи. В ясную погоду ехать по такой дороге — удовольствие. Иное дело, когда метель-поползуха закрутит вихри из снежинок, так что и колею в миг заметут буранные протуберанцы, и вешки из еловых веток скроются с глаз — тогда просто беда... Однажды, возвращаясь от о. Николая, попали мы в такую историю и в снежной непрогляди едва совсем не сбились с дороги. Взывали к батюшке, испрашивая его святых молитв и, с Божией помощью, выправили путь...

Итак, в тот погожий январский денек без приключений добрались мы до самого домика старца. У знакомого заборчика в ожидании собрались человек тридцать-сорок паломников. Батюшке, через келейницу (Валентину Полищук), передавали записки с вопросами, через нее же получали ответы. Отец Роман достал из кармана необъятного тулупа загодя приготовленный листок со своим вопросом и попытался протиснуться поближе к калитке, но даже при его немалом росте сразу ему это сделать не удалось. Я стоял поодаль, не желая никому мешать (да и повода к этому вроде бы не было: никаких вопросов на этот раз я не приготовил), наблюдал через головы паломников, как, движимая скрытыми мотивами своей птичьей жизни, колышется на крыше домика плотная голубиная масса. В каждый свой приезд я не преставал удивляться

обилию этих чисто городских птиц на батюшкином дворике, их трогательной привязанности именно к этому, словно единственно пригодному для них на всем острове месту. Понимал, что не хлебные крошки, не обилие посыпанной крупы держало их здесь, а благодатный свет батюшкиной души, молитвенный жар сердца; понимал, но дивиться на это чудо не переставал. Меж тем, усилия отца Романа уже почти увенчались успехом: могучая его фигура высилась уж у самой калитки. Вдруг вышедшая из домика келейница громко вопросила:

— Кто здесь отец Роман?

Я услышал, как тот отозвался.

— Возьмите, батюшка велел передать, — с этими словами келейница вручила о. Роману свернутый листок бумаги.

Я наблюдал, как выбирался тот из толпы, на ходу разворачивая листок и читая ответ старца. Лицо у иеродиакона странным образом вытянулось и выражало полное недоумение. Помню, я удивился столь быстрому разрешению проблем о. Романа и посетовал на себя, что прозевал момент передачи им записки. Отец Роман подошел и молча продолжал вглядываться в невидимый для меня текст.

— Быстро тебе, однако, батюшка ответил, — попробовал я, было, хоть что-либо выяснить, но мой спутник не ответил, жестом приглашая меня в машину. Я понял, что миссия его выполнена и мы возвращаемся в город... Когда машина выбралась на ровную ледовую дорогу через озеро, о. Роман вдруг тихо сказал:

— Я не успел передать свой вопрос, батюшка раньше сам ответил...

Признаюсь, что и у меня допреж вертелось в голове подобное предположение, однако слишком оно было невероятным, чтобы сразу его вместить, согласиться с ним. Но вот и конец вопросам. «Батюшка сам...»

После, до самого своего отъезда, о. Роман уж не умолкал; он никак не мог успокоиться. «Какая сила! Какая глубина прозрения!» — в его словах звучали и удивление, и восторг, и восхищение...

Я не знаю того, что таила в себе записка из кельи старца; не знаю, насколько смысл ее соответствовал тому самому, так и не переданному вопросу (да и разумно ли в данной ситуации любопытство?), но вид ивановского иеродиакона свидетельствовал, что все необходимое тот для себя узнал и уяснил, т.е. вполне выполнил наказ своего монастырского начальства. Воистину во всем этом крылось настоящее чудо — такое, как и следует тому быть: незаметное для окружающих и потому не вызывающее всплеска нездорового любопытства и экзальтации, но безусловно важное для того, кому оно собственно и предназначалось. А почему «незаметное», хорошо объясняет свт. Иоанн Златоуст.

«Ныне, — говорит он, — я не имею нужды в знамениях. Почему? Потому что и без чудес научился веровать Господу. Залога требует тот, кто не верит, а я, как верующий, не требую ни залога, ни чудес. Положим, я не говорю разными языками, но я знаю, что я очищен от грехов. Они тогда не веровали этому без чудес, затем и явлены были чудеса, как залог веры, ими приемлемой. Потому им давались знамения, не как верным, но как неверным, чтобы они уверовали.

Таким образом, и святой Павел говорит: *Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих* (1 Кор. 14, 22). Видите, что не для бесчестия нашего, но для большей почести Господь сократил явление Своих чудес. Он творит так, желая открыть нашу веру, чтобы мы веровали Ему без залогов и без всяких чудес. Те люди, не получив предварительно видимых знаков и залога, не поверили бы Ему в предметах невидимых, а я без этого показываю ему всю веру. Вот причина, почему теперь не бывает чудес».

* * *

Как-то, по милости Божией, мне довелось сопровождать на остров к о. Николаю митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Это было летом 1997 года. В ту пору я исполнял обязанности прессекретаря Псковского Снетогорского женского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы. Владыка приехал погостить в обитель и уж на следующий после приезда день собрался посетить батюшку Николая. Игумения Людмила пригласила в эту поездку и меня. Старец встретил нас во дворе и немного смутился, когда Владыка первым попросил себя благословить. Извиняясь, он сам смиренно склонил голову под святительское благословение... Любовь и радость во Христе — вот главные впечатления от этой встречи — без всякого протокола и официальщины. Трогательно до слез было наблюдать, как почтенный седовласый Владыка с любовью прижимает к себе легкое, невесомое тело старца. И виделась в этих братских объятиях нелицемерная пасхальная радость, когда Церковь торжественно восклицает: «Воскресения день,

и просветимся торжеством, и друг друга объимем, рцем: братие! и ненавидящих нас простим вся воскресением и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущым во гробех живот даровав». «Друг друга объимем...» — Высокая церковная власть искренне, без всякой фальши, соединилась в этих объятиях с простосердечной, но и высокой, духовной мудростью — Небесной! И пусть сегодня пытается кто-то отмежевать о. Николая от священноначалия, Патриарха, противопоставить «его мнение» официальному голосу Церкви — не поверю! Не поверю, потому что своими глазами видел ту самую глубину единения батюшки Николая со всей полнотой Православия — и с простыми верующими, притекающими к нему за утешением и советом, и с рядовыми пастырями, и с архипастырями — которая в высшем смысле и называется Телом Христовым.

* * *

В каждый свой приезд я непременно обращал внимание на три большие камня, возлежащие у калитки в батюшкин дворик. Причем два из них являлись половинками одного целого — словно две части аккуратно разрезанного яйца. Вдоль берега такие валуны разбросаны были в великом количестве и по причине своего множества не вызывали особенных ассоциаций. Здесь же их присутствие рождало какие-то особенные, значимые образы. Словно у входа в батюшкин мир, символически запечатленное в камне, открывалось начало великой проповеди христианства... Числом три, при наличие одной природы... Как будто звучат слова Вселенского Учителя Иоанна

Златоуста: «Троица — существующая прежде веков, не от начала получившая бытие, но безначальная, вечная, нестареющая, безсмертная, безконечная, неувеличивающаяся, неуничтожающаяся, неразрушимая...». А незыблемость, непоколебимость сих камней? Невольно всплывают в памяти слова Спасителя: *на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Действительно, среди этих камней, как в некоем храме, постоянно изливалась молитва, и тысячи паломников касались их многовековой плоти... Тысячи паломников, многие из которых и сами естеством своим подобны были природе гранита: с окаменевшими сердцами, опустошенными душами и потухшими очами. Но выходил батюшка, и мысль наполнялась жизнеутверждающим обещанием: *ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму* (Мф. 3, 9). И воздвигались из камней верные сыны Церкви — было, было! — и расколотый камень символизировал тогда поверженный грех, доселе казавшийся непобедимым. И разверзались во славу Божию уста тех, кто прежде был безсловесен как гранит. Воистину прав свт. Иоанн Златоуст, сказавший, что «молитва Церкви так сильна, что если бы мы были безгласнее камней, она сделала бы наш язык легче пера»".

Вот сколько мыслей и образов способны породить три обыкновенные камня, казалось бы, лишь безцельно попирающие землю у батюшкиной калиточки. Всего лишь три камня... Нет, не было в этом благодатном мирке ничего случайного, привнесенного напрасно, все служило ко спасению и чьей-то вящей пользе. Я берусь утверждать это, хотя и не выходят из головы мысли

о тех скорбях и испытаниях, которые подъял на свои рамена батюшка в последние свои годы. В разговорах с различными людьми не раз возникал вопрос: почему не отдалил от себя о. Николай некоторых лиц из своего окружения, неужели не мог прозреть той грозной смуты, которая однажды возникнет по их вине? Неужели все-таки не знал? Не мог не знать! Он не мог! Это нам неизвестны пути Промысла Божия, все опосредствованное действие которого в мире направленно единственно к нашему благу и спасению. Смысл этого действия нам зачастую невозможно разгадать, поскольку раскрывается он в далекой исторической перспективе. Через годы, десятилетия, как это всегда и бывает, станет ясно «зачем?» и «почему?». Сейчас лишь следует проявить твердость воли и суметь не отдать того, что оставил нам батюшка на земле, в чужие, враждебные Церкви, руки. Главное не опоздать, ведь с каждым ушедшим днем делать это будет все труднее...

* * *

Когда осенью 2002 года я работал над первым изданием книги об о. Николае, приснился мне такой вот сон. Вижу батюшку. Он в своем стареньком подряснике, без скуфейки. Подходит ко мне, губы его чуть тронуты улыбкой.

— Батюшка, — обращаюсь я к нему, — я книгу про вас пишу.

Он останавливается совсем близко от меня и внимательно смотрит.

— Про меня много неправды пишут, — говорит.

— Батюшка, я православный писатель, — с этими словами я достаю с груди нательный

крестик и показываю батюшке. Он, все также слегка улыбаясь, протягивает ко мне руку, берет мой крестик... и вдруг, склонившись ко мне, целует его...

Все. На этом сонное видение прервалось. Обычные сны быстро забываются, но этот не из таких — и сейчас еще он в памяти моей, как фотографический снимок. Согласен, что это всего лишь сон и доподлинно определить его природу невозможно. Однако именно тогда появилась у меня уверенность, что батюшка преподал мне благословение, что работа, которой я занимаюсь, для кого-то окажется полезной, принесет пользу. Надеюсь на это и верю. Может быть, придется понести за это свой крестик — но на все воля Божия. А ведь батюшка так любил и почитал Святой Животворящий Крест Господень и всемерно прививал духовным чадам любовь к нему. Но что слова, не подкрепленные самоей жизнью? «Напрасно учит тот, — утверждает прп. авва Исаия, — у кого дела не соответствуют учению»...

Вспоминает матушка Нила:

«Однажды отец Николай говорит нам: "Ну вот, сестрички, сейчас будете пилить старые кресты". Принес пилу. Мы сразу за работу, спилили и ждем. А кресты подгнившие были, на труху развалились. Вдруг батюшка бежит с чистым белоснежным рядном на плече. "Не ваше, — говорит, — женское дело кресты носить". Собрал все и с пением "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко" унес в баньку, которую прежде истопил. Там и сжег. Какое благоговение перед крестом! Как же нам после этого поступать по-другому?»

Вот такая гармония внутреннего и внешнего — мысли, слова и поступка.

«Подлинный старец, прежде всего благодаря высокой духовности, бережно относится к каждому конкретному человеку. В силу своей опытности и благодатного дара он раскрывает образ Божий в человеке теми средствами, которые созвучны его духовному устроению и возрасту...»

* * *

В последний раз мы были на острове у отца Николая за три недели до его блаженной кончины, в начале августа 2002 года. В это время у нас гостил писатель Николай Коняев с супругой Мариной. Надо сказать, что целью их приезда, собственно, и являлось посещение святых мест Псковщины. Мы уже успели побывать в нескольких монастырях и памятных для православного сердца местах, испросив на паломничество благословение у архимандрита Гермогена (Муртазова). По его молитвам все наши поездки складывались на удивление удачно. Воодушевившись таковым к нам Божиим благоволением, Николай предположил, что и батюшку мы каким-либо образом сумеем увидеть. Я совершенно точно знал, что о. Николай давно не выходит из кельи. И раньше-то, когда был он покрепче, к нему допускали только узкий круг лиц, а сейчас такой визит и вовсе представлялся совершенно невозможным. Но зная все это, промолчал, не желая заранее расстраивать гостей. «А вдруг? — сверкнула и у меня искра надежды. — Вдруг, как в прежние времена, выйдет старец во дворик, и мы увидим его светлый лик с печальными иконописными глазами?» Только бы увидеть: донимать вопросами и разговорами — такого и в мыслях не было...

Увы, к заборчику было пришпилено объявление, разрушающее все наши чаяния. В нем сообщалось, что по причине плохого самочувствия старца записки с вопросами не принимаются и даже у калиточки находиться запрещается. Мы лишь вздохнули и не менее часа просто стояли у стен столь знакомого и дорогого домика. Молились, думали каждый о своем и почти не разговаривали друг с другом...

От смутных предчувствий предстоящей разлуки, не осознанных, но давяще-тревожных, цепенело тело и сдавливало грудь. Там, за окошком, бьется сердце великого подвижника Православия, душа которого, освобожденная от всякого плотского пристрастия, охватывает взором просветленного Божественной благодатью разума всю вселенную и, словно руками, молитвой поддерживает пылающую сферу мироздания, чтобы та, непрерывно расшатываемая нашими злыми делами и помыслами, вдруг не опрокинулась и не рассыпалась на мириады потухающих осколков. Пока еще поддерживает...

Мне показалось, что батюшка слышит меня, и оттого сердце застучало быстрее, и мысли словно закружились в суматошном хороводе. Хотелось высказать что-то главное, самое главное, и что-то самое главное получить в ответ...

Вскоре катер уносил нас в Толбу. Вода стремительно двигалась назад, за корму. И словно сама река времени выталкивала нас вперед, отделяя от благословенного острова, маленького зеленого домика и тенистого дворика, все еще осеняемых благодатным батюшкиным присутствием в этом мире; отделяя нас от той незабываемой поры, когда никто еще не возымел

дерзновения открыто примерять на себя батюшкины одежды, его имя, его святость...

Одна встреча, перевернувшая жизнь

Многие паломники побывали у старца на острове всего один раз, но эта единственная встреча перевернула всю жизнь. Вот эти краткие свидетельства.

Монахиня Силуана,
насельница Покрово-Тервенического монастыря

Вопрос с выбором монашеского пути у меня уже был решен. Было назначено и место послушания — Свято-Успенский Пюхтицкий монастырь. Я поехала к старцу Николаю за благословением. И вдруг к моей великой печали старец не дал мне благословения, при неоднократном вопрошании. И вот, когда мы у же стали уезжать, видим, отец Николай буквально бежит к уже отплывающему катеру, и уже с берега прокричал мне: «Под Покров Царицы Небесной». Через четыре месяца я уже была послушницей в нашем монастыре. Произошло это «случайно». Жила я тогда в питерском районе «Дачное» и была давней прихожанкой Никольского собора. Но после приезда с острова я вдруг подвернула ногу, не смогла ехать в Никольский и пошла в ближайший храм в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Этот храм оказался городским подворьем Покрово-Тервенического женского монастыря. На исповеди в этом

храме я услышала: «А вам, матушка, путь в монастырь».

В монастыре, в скиту в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша», я получила послушание заниматься с наркоманами и вообще «трудными подростками и молодежью». Одна из таких девочек, которая когда-то работала в варьете, постоянно жаловалось на себя, что не может справиться с собой — прическа, походка, одежда, косметика, курение, блуд, и постоянно приходила от этого в отчаяние.

И вот, когда мы приехали, старец так ласково ее встретил. Стал гладить по спине и приговаривать: «Какая же ты хорошая». После этой поездки жизнь ее стала меняться.

Иеромонах Савватий,
благочинный Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря

Мне особенно запомнилась такая картина, которая может служить духовным назиданием для всех нас. У хибарки старца стоит толпа народа, каждый стремится первым, погромче высказать свой вопрос. А старец поднял руку к небу и говорит: «Облака, осень скоро, холодает, а потом зима, лед, а по люду скользко ходить. А мы еще и танцуем. А можно упасть и разбиться».

Вот как образно старец обличил внутреннее состояние: «Все у нас пляшет — и мысли, и дела, и чувства сердечные». И после этих его простых слов все успокоились и тихо, шепотом по очереди стали задавать свои вопросы.

Врач А. О. Терещенко

Эту историю мне рассказала одна моя пациентка. За два года до кончины старца она ездила к нему с вопросом, надо ли ей делать операцию по поводу камней в почках.

Старец ответил: «Пока не надо, а вот через два года благословляю». И крестик дал как благословение, а потом добавил: «А иконочку передай Нине». Никакой Нины она не знала, так и осталась у нее до времени эта иконочка. А та самая Нина в это время (как потом выяснится) рвалась на остров, но не сумела попасть.

И вот через два года обе эти женщины оказались в больнице, в одной палате после операции. Познакомились, и иконка нашла своего хозяина.

Р. Б. Валентина,
свечница храма в г. Отрадное

Я приезжала к старцу на остров на послушание — готовила то, что благословляли для него. Я уверена, что старец спас меня от смерти. У него была собачка Чапа. Поначалу она меня очень агрессивно приняла. Лаяла, не подпускала к себе. А потом мы с ней подружились. Как-то даже по-особому она ко мне привязалась. И вот перед моим отъездом я пошла к батюшке благословляться, села на скамеечку, Чапа ко мне подбежала, села рядом. А я вдруг ни с того ни сего начала плакать; смотрю, и Чапа плачет. Так же, как у меня, у нее слезы ручейком из глаз текут. Старец вышел, без слов нас благословил в путь. А потом со мной случился удар, а Чапа в то же время

попала под машину и погибла. Мне потом передали, что, когда близкие стали расстраиваться по этому поводу, старец сказал: «Не расстраивайтесь, она человека спасла». Вот я и думаю, что мне суждено было умереть от удара, но по молитвам старца я осталась жива.

И еще: однажды я видела старца Николая вознесенным над землей. Я пришла к нему в домик, он открыл и я увидела, что ноги его не касаются пола — сантиметров на двадцать над полом стоят.

Ольга и Сергей Стецкие

Мы ехали к старцу в великой скорби. Наша мать серьезно болела психически, мы отдали ее в больницу. Прошел определенный срок и надо было решать — просить еще оставить ее в больнице или брать домой. Ее болезнь выражалась, кроме всего прочего, в неприятии святыни. Старец сказал нам слова, которые нам было трудно воспринять: «Домой. Все будет хорошо. Она хорошая».

Ехали мы с острова с решимостью «духовно потрудиться», потому что с ужасом вспоминали, что было до больницы. Оля всю дорогу плакала.

Но по молитвам старца произошло чудо. Мама, еще молодая женщина, без особых физических болезней, вскоре после того, как мы взяли ее домой, мирно отошла ко Господу, собороовавшись и причастившись. Мы верим, что Бог ее взял в самый благоприятный для ее души момент и по молитвам старца — после исповеди и Причастия.

Приплыли на остров, батюшка встретил нас в храме очень тепло, расспросил, откуда мы и с какими вопросами приехали. Он радовался, что мы были художниками и могли в будущем послужить украшению храмов. Со мной отец Николай немного поговорил по-английски, с товарищем — по-немецки. К женщине, приехавшей вместе с нами, обратился по-эстонски, узнав, что она жила в Эстонии. Когда та ответила, что была латышкой, продолжил разговор по-латышски. Особых вопросов у нас не было. Мой друг спросил, следовало ли нам идти служить в армию. Возраст был призывной. Батюшка даже руками замахал: «Идите, обязательно идите, не отказывайтесь, все будет хорошо!» В Москве я рассказал духовнику о нашей поездке, он улыбнулся. Оба мы служили в горах, в Карпатах. Красота там необыкновенная, часть была очень спокойная, поэтому служили, как в раю. Наверное, благословение отца Николая не было случайным.

Елена Ивановна Ядохина

Отец Николай вышел в теплой телогрейке и был очень серьезен. Он настолько внимательно слушал, что более всего мне запомнилось батюшкино ухо, которое вобрало в себя всю мою боль. Старец успевал ответить еще до того, как я формулировала вопрос. Отвечал батюшка на вопросы очень ясно, четко, лаконично. Благословляя, он перекрестил мои больные легкие

и грудь в области сердца. После этого я пошла на поправку. Навстречу отцу Николаю шла светская семья. Отец Николай спросил: «Ну что, приехали посмотреть на дурака? Посмотрели, ну, идите с Богом». Молодой рыбак не вернулся с рыбной ловли, его пятеро суток не было дома. Мать пошла к отцу Николаю, и батюшка сказал, что тот жив и вернется домой. Случилось так, что именно при нас он вернулся. Обратно мы плыли на обычной маленькой лодке. Навстречу нам на остров плыли люди к отцу Николаю.

Анатолий Васильевич Кулинич

В начале девяностых годов мы решили купить небольшой домик на острове Талабск. Нам очень понравилось там, для жены было особенно дорого, что рядом был батюшка. Покупка оказалась непростым делом, потому что рыбаки не хотели допускать на остров чужаков, но в конце концов все устроилось. Сынишка был еще маленький и стоять на богослужении ему было трудно, несколько раз он падал в обморок. Когда мы подошли к батюшке Николаю, он ласково похлопал мальчика по щекам, думаю, что молился о нем. Головокружения у Никиты прошли и здоровье его постепенно окрепло. Отец Николай потом шутил: «Это мальчик в красной рубашечке?» Надо сказать, что я часто наблюдал, как батюшка стукал паломников по лбу, по щекам, иногда довольно сильно. По острову он не шел, а словно летал, походка у него была особенная. Интересно, как по молитвам отца Николая наш сосед

прекратил курить. Бес буквально вертел его, он мучился от болей, но курить перестал. В последние годы, когда ухаживать за собой батюшке стало трудно, он проявил невероятное терпение и смирение.

Анатолий и Ирина Жбановы

Вы знаете, нас больше всего поразило огромное количество голубей во дворе батюшки. Их было очень много, и они никуда не улетали. Там чувствовалась совершенно особая атмосфера. У меня болело горло. Когда я подошла, отец Николай благословил меня со словами: «Иди в церковь, кайся, причащайся, и Бог простит». Незаметно боль в горле утихла. Анатолию старец сказал: «Все будет хорошо, работай только больше». Спустя год мы приехали на остров уже со своей приятельницей. Она была в брюках, с непокрытой головой, поэтому постеснялась показаться отцу Николаю и встала поодаль. Неожиданно для всех батюшка обошел народ и направился прямо к этой женщине, благословил ее и тихо что-то ей сказал. Однажды мы с Толей приехали и вместе с большой толпой стояли, ждали, когда выйдет отец Николай. Дверь отворилась, старец вышел из домика и стремглав побежал по тропинке к храму. Толпа бегом кинулась за ним. Отец Николай вбежал в храм и через некоторое время тихо вышел из него. У входа его уже ждали запыхавшиеся паломники. «*Чего вы за мной бежите? Вы бы в храм так каждый день бегали, как сегодня за мной бежали*».

Сила Божия в немощи совершается

Владимир Андреевич Гориславец

Прошли годы с той поры, как отошел в небесные обители наш родной батюшка Николай.

В первое время после отпевания не верилось, что мы больше не услышим его назидательных простых проповедей, касающихся нашей жизни и спасения.

Находясь дома в Санкт-Петербурге, мы продолжали ощущать помощь и молитвенную поддержку батюшки Николая. Казалось, что вновь при посещении его келии услышим его звонкий голос и пение.

У всякого христианина после встречи с теплым молитвенником оставались на всю жизнь неизгладимые впечатления. Все те, кто приезжал к батюшке с надеждой на помощь Божию, не уходили без молитвенной поддержки и благословения. Впоследствии дивным образом разрешались все дела.

Касаясь личных воспоминаний, боюсь оказаться навязчивым в своих суждениях.

Наше первое с женой Верочкой посещение батюшки Николая на острове Залита в январе 1993 года, его благословение оставили память на всю жизнь. В нескольких словах при встрече нам были сказаны сокровенные пожелания для нашего спасения. К примеру, «все возможно полезное и доброе». «**Только веруйте**» — умолял всех батюшка. Зная о моей врачебной профессии, благословил продолжать мой труд. Примечательно то, что после первой поездки на остров Залита у меня появилось желание чтения акафиста.

Ранее такого за собой не отмечал. Следует особо отметить, что еще с тех пор, с начала 90-х годов, я обращался за поддержкой в своих трудах к Царю-Мученику Николаю Александровичу Романову. Батюшка всегда говорил, что «Царь — наш главный помощник во всех вопросах». Мы в это свято верим!

Пребывание у батюшки Николая в течение более или менее длительного времени требовало ответственного отношения к себе, к своему духовному миру, к очищению от скверны грехов.

Старец учил нас молитве, требовал неукоснительно совершения молитвенного правила, с чего начинался и чем завершался день.

Иногда прием у батюшки был очень строгий, он как бы не узнавал вначале меня в качестве постоянного посетителя, тем самым требовал исправления от грехов в Таинстве Покаяния.

При исполнении своего врачебного долга во время продолжительной тяжелой болезни батюшки Николая особенно отмечал его смирение и терпение. На первый мой вопрос: «Каково ваше здоровье, дорогой батюшка?» — следовал, как правило, ответ: «Да все хорошо».

По прошествии определенного времени пребывания в келии я узнавал, что головные боли у батюшки Николая были практически постоянные в течение последних трех лет.

Верным помощником и спутником в последнее десятилетие земной жизни для него была келейница матушка схимонахиня Иоанна, которая в течение многих лет **ежедневно** была рядом и помогала во всем. Конечно же, следует особо отметить и помнить тот труд и подвиг самоотвержения, которые проявила в трудные годы

болезни батюшки его келейница матушка монахиня Николая (в настоящее время — схимонахиня). Много говорить об этом некорректно. Все ведает Господь!

Особое попечение и старание по отношению к батюшке Николаю в период его болезни имела заведующая здравпунктом острова Залита Полина Федотовна. Не следует забывать, что на ней лежала и юридическая ответственность за здоровье старца. Это очень серьезно.

Как много было теплых незабываемых встреч у батюшки Николая в его келии! Особенно памятны многолетние еженедельные посещения келии духовником старца митрофорным протоиереем Валерианом Кречетовым, который, приезжая из Москвы, источал любовь ко всем окружающим.

Трогательны встречи у батюшки Николая с приезжавшим с запасными Дарами отцом игуменом Романом из Заянья Псковской области, который, будучи любвеобильным духовным чадом старца, взял под духовное окормление многих осиротевших рабов Божиих после ухода наставника в Небесные Обители.

Посильную помощь в ведении домашнего хозяйства батюшке Николаю оказывали благочестивые соседушки Валентина Алексеевна и Ирина Алексеевна.

В течение последних десятилетий паломнический поток находил надежный приют и пропитание в домике матушки монахини Нилы (в миру — Нины Тимофеевны), доставкой продуктов в который занимались Евгений Васильевич, Валерий Иванович, матушка Елизавета и ее многие подопечные. Матушка Нила написала много духовных стихов о старце Николае.

Касаясь охраны домика батюшки, следует отметить, что среди ратников были честные, преданные воины Христовы, которых благословил сам старец. Это рабы Божии Александр, Владимир, Михаил, Николай и многие другие.

Перевозом паломников с материка на остров и обратно занимались ответственные Александр Петров, Михаил Васильевич, Николай, Василий и другие.

Особенно тепло хочется сказать о нашем настоящем духовнике, митрофорном протоиерее Иоанне Миронове, которого нам с женой Верочкой благословил в 1996 году старец Николай Гурьянов, сказав, что «батюшка Иоанн — Жизнь любит, и Жизнь любит его».

В конце своего короткого повествования хочу обратить внимание на тех духовных наставников, святителей, пастырей Церкви Православной, попечителей, которые в течение многих лет любили и любят батюшку Николая, несут попечение о его пастве, творят молитву в храме Николая Чудотворца на острове Залита (ранее именовался Талабск), заботятся о ремонте, убранстве обители, совершают панихиды на кладбище у могилы старца Николая и лежащей рядом его мамы Екатерины, восстанавливают медпункт, школу и прочие общественные здания.

Конечно же, это в первую очередь — приснопоминаемый Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй, о здоровье которого батюшка Николай просил постоянно молиться, и митрополит Псковский и Великолукский Евсевий, которые ожидают в скором времени прославления старца протоиерея Николая, теплого заступника за нас, грешных, у Престола Господня.

В течение последних семи лет в храме Божием на острове Залита служит иеромонах Паисий, бывший насельник Псково-Печерской Успенской обители, служит с любовью о Господе к батюшке Николаю, к верным чадам его, имея о них духовное попечение (по их желанию).

В храме в служении отцу настоятелю иеромонаху Паисию помогают в течение многих лет монахиня Рафаила, Нина Васильевна и многие другие. Восстановлением общественных зданий на острове Залита занимается в течение многих лет уважаемый председатель поселкового совета Александр Полетаев, в ремонте храма помогал Михаил Владимирович, в ремонте медпункта — Николай Леонидович Иванов. Это далеко не полный перечень доброхотов-попечителей. Господь воздаст им за их труды!

Мы же, возлюбленные отцы, братья и сестры, будем свято хранить в памяти заветы нашего батюшки, будем молить Господа о упокоении духовного наставника старца протоиерея Николая, заступничеством которого будем испрашивать спасения душ наших.

И еще об одном прошу всех: «Любовью служите друг другу» (Гал., 5, 13).

История одного паломничества[1]

Д. А. Левашов

Мир знает разных людей: богатых и бедных, одетых хорошо и не очень, добрых и злых.

---

[1] Община XXI век, 2000, № 2.

Монастырь — совершенно другое пространство, отличное от мирского, там неприменимо различение людей по какому-либо социальному статусу или имущественному цензу. Хотя можно различить чин (звание) иеромонаха и простого инока, но истинное отличие — в дарах благодати, которую Господь дает подвизающимся во имя Его. Старец — человек, который стяжал «доброту» сознательно, и не доброту даже, а Сверх-доброту, благодать Божию. Сердцем, исполненным любовью ко всем, он молит милостивого Господа о нас, принимая наши грехи на себя, ибо любящий призван разделить ношу возлюбленного. Принимая наши грехи на себя, он познает и нас, и наши поступки, поэтому и знает сокровенную глубину человеческую. Издревле на Руси шел православный народ за советом, молитвенной помощью и просто для радости духовной то к киево-печерским старцам, то в Сергиеву, то на Валаам. Много знает Русь душ святых, осиянных светом Христовым.

В годы Советов уничтожение Православной Церкви стало чуть ли не одним из направляющих внутренней государственной политики. Ибо либо во Христа верить, либо в «светлый путь» социализма. Много было убиенных новомучеников, пострадавших за Христа. Оборвалась нить старческой преемственности во многих обителях, сейчас с Божией помощью восстанавливаемых. Но «щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Не до конца гневается, и не вовек негодует» (Пс. CII, 8—9). Не оставил и нас, христиан «века последнего», без живых свидетелей благоволения Своего.

Об отце Николае с острова Залит я узнал еще в Псково-Печерском монастыре в году 1995, даже

пытался попасть к нему, но, видимо, Господь не сподобил. Позже, листая какую-то газету, на снимке я увидел лицо старого священника. Черно-белый снимок плохого качества, но даже на нем, как бы через газету, был виден свет, идущий от лица отца Николая. Позже одна моя верующая знакомая, побывавшая у батюшки, умиленно рассказывала о том, как она привезла батюшке в подарок вязаные шерстяные носки и как отец Николай, встретив ее у храма, улыбнулся и, не зная о подарке, так как сказать ему о нем не мог никто, сказал ей:

— А ноженьки-то у меня болят.

Долго откладывалась поездка к отцу Николаю в связи с разными обстоятельствами, и вот наконец в конце марта мы приехали в село Большая Толба, что под Псковом, откуда надо было добираться по озеру до острова Залит. Идти надо было сначала по болоту, потом по льду самого озера. По словам местных пройти по болоту нам было невозможно без резиновых сапог, за машину до острова просили немыслимые деньги, как вдруг мы увидели белую машину, направляющуюся к озеру, а потом и самого водителя, на голове которого, к нашей радости, была камилавка. Иеродиакон Давид посадил нас в машину, перекрестился, и мы поехали, или, вернее, поплыли, так как вся дорога была затоплена водой. Проплыв, пробуксовав, прорвавшись через болото, мы выскочили на озеро. Ослепительно белое поле льда, машина, идущая на скорости более 100 километров в час (ехать медленнее было опасно — машина могла пойти под лед), постепенно вырисовывающиеся очертания острова, и вот купол храма, в котором служил отец Николай.

Весь двор и крыша кельи были сплошь усеяны голубями, которые садились на руки, когда мы кормили их хлебом. «Кто дал бы мне крылья, как у голубя», — вспомнили мы слова молитвы. На дверях кельи записка о том, что батюшка не принимает, так как болеет. Продрогшие, мы стояли у калитки, как вдруг старушка прибежала к нам и чуть ли не насильно увела пить чай к себе в избу.

«Оставайтесь, оставайтесь у меня, да, да, батюшка болеет, но Бог милостив, может завтра и записочку передать сподобит», — говорила она, наливая нам чай. Отогревшись, мы пошли на службу в храм, где прислуживал уже знакомый нам иеродиакон Давид. Однако главной цели — увидеть батюшку — мы не достигли. Помолившись, легли спать, надеясь на завтрашнее чудо, на то, что увидим и поговорим со старцем. Встав утром, мне вспомнилось что-то. Сквозь череду сновидений той ночи, мне ясно запомнилось одно — как стою у калитки, надеясь хотя бы передать записку батюшке. Ко мне выходит келейница, отворяет калитку, я вхожу во двор, передаю записку, и вдруг вижу в окошке лицо батюшки. Мгновение — и я стою уже в горнице, перед старцем. Задаю так давно мучающий меня вопрос, краски исчезают, уже ничего не вижу, просыпаюсь в комнате, где сплю, а в голове — ясный и четкий ответ.

На следующий день весь остров был окутан туманом, как мягким покрывалом. Вокруг келии так же пустынно, только голуби — «птицы небесные» — все так же безмятежно воркуют, сидя на крыше келии и на ветках дерева рядом. Мы стояли у келии с легким сердцем, улыбаясь новому

дню. Уже надо было уезжать. Когда меня сейчас спрашивают, видел ли я старца, я, улыбаясь, отвечаю: «И да, и нет».

Беседка[1]

— Мы за благословением возрождать храм приезжали, — говорит священник отец Михаил. — Нам батюшка денежку дал маленькую. А оказалась она как золотая. Вернулись к себе — то спонсоры появятся, то кто стройматериалы пожертвует. А ведь псковская глубинка тоже бедная. А теперь — вот он (отец Михаил достает фотографию величественного собора), привез батюшке показать... Таких случаев немало было. Если отец Николай благословит, дело пойдет. Как он скажет, так и происходит

Александра Федоровна Кузякова, местная жительница:

— За помощью всякие люди приезжают. Помню, один ходить не мог. Так он с коляски инвалидной сполз и вокруг церкви за батюшкой на коленях кое-как ковылял. А батюшка вдруг обернулся и говорит: «Сашка, ты теперь не куришь, не пьешь, благословляю тебя. Встань, ты теперь хороший...» И тот встал, пошел! Все люди видели. Потом приезжал этот Сашка, я его даже не узнала, совершенно здоровый мужчина.

Скрывавший свои подвиги от мира старец в последние годы наложил на себя сугубый пост за всех: он вкушал малое количество пищи, сон его

---

[1] Пенза Православная, 2006,№ 35 / Подготовил В. Николаев.

был непродолжителен и скор, как дуновение ветра. Старец молился часами, а в свои девяносто три года, стоя на ногах, умолял Господа за нас, грешных. Временами мы слышали псалмы, которые тихо воспевало его благодатное сердце, призывая на землю милосердие Божие. «Псалтирь поешь — грехи как листья с души слетают», — говорил батюшка. Подвиг столпничества украшал его последние годы земной жизни.

Он физически слаб. А духовная бодрость в нем удивительна. Две шести-семилетние девчонки говорят о нем: «Отец Николай нас на улице увидит, догонит и благословит». Походка его легка и скора. Он действительно почти бежит, а иногда, кажется, летит над землей.

...Неожиданно одна из женщин, только что умильно глядевшая на отца Николая, начала издавать низкое утробное рычание. Лицо напрягается, покрывается буграми. Взгляд ненавидящий, и вдруг из ее нутра раздается низкий, нечеловеческий голос: «Дураки, что вы его слушаете? Это же Колька-дурак! Колька, ненавижу тебя!»

Батюшка взглянул в ее сторону, тихо рассмеялся: «Не боюсь тебя, рогатого». Дал женщине просфорку. А она ей словно руки жжет. «Все учит, учит. Пускай все в ад идут. Пусть правды не знают, пусть телевизор смотрят, в компьютеры играют... Еще мы, бесы, любим крашеных девок! Люблю, когда девки кремом мажутся... Ненавижу православных. Самая противная вера...»

Старец несколько раз хлопает женщину по лбу. И строго: «Перекрестись!» Бесноватая вся обмякает. Меняется выражение лица. На нем пробивается слабая улыбка. И уже своим женским

голосом говорит: «Спаси вас Господи, батюшка». Отец Николай: «Поедешь к мощам в монастырь...»

Иеромонах Пантелеимон (Ледин) пишет о страшной тенденции нашего времени: «Перед первым пришествием Иисуса Христа на земле беснование было распространено в ужасающих размерах — из-за отступничества людей от Бога. И сейчас, накануне второго пришествия, как и две тысячи лет назад, беснование разрастается наподобие эпидемии. Причина та же: люди вновь отвернулись от Бога, забыли небо, забыли вечность». Священник Родион по этому поводу напоминает предсказания святых отцов о том, что люди последних времен будут очень гордыми, поэтому и спасаться будут в основном скорбями и болезнями. Если смиренно понесут их.

...Есть еще старцы, открытые людям для утешения. И есть еще православные острова в море беззакония. Слава Богу, их не захлестнуть черным волнам. И злым ветрам не унести родной почвы, когда живы вековые корни.

Три года кончины отца Николая Гурьянова[1]

Сергей Серов

«Как вы съездили на Псковщину?» — спросила меня одна сестра, с которой мы не виделись с лета. «Хорошо, — говорю, — даже 24 августа, на три года со дня смерти отца Николая, удалось у него побывать». — «Ну, так напишите об этом». —

---

[1] http://www.damian.ru/Gazeti-new/46_ianv_06/Serov.htm

«Да уж сколько времени-то прошло». — «Все равно напишите! Что там сейчас, на острове?»

Конец августа. Мы с моим другом иеромонахом Иосифом, приехавшим ненадолго из Греции, опять здесь, на нашей бедной и благословенной Псковщине. Как и два года назад, мы путешествуем не столько по псковским местам, сколько по псковским отцам (см. очерк «Псковские отцы» в журнале «Истина и Жизнь», 2005, № 2 и 3). Но времени на этот раз еще меньше, и потому к отцу Николаю опять, видно, не попадем. Хоть завтра — как раз трехлетие его кончины. Да завтра на остров и не попасть, говорят местные. Там столпотворение будет. Лодочники по тысяче рублей с человека уже берут, у них этот день год кормит. Да и ветер вон как разгуливается...

Но назавтра ветер стихает. Тепло, солнечно. Утром — служба в огромном гдовском соборе, по дороге из Гдова мы все же решаем попробовать попасть на остров, сворачиваем к Толбе. На берегу — десятка два машин, три экскурсионных автобуса. Совсем немного. Навстречу бросаются лодочники, предлагая свезти на остров всего за сто рублей с человека. Вполне по-божески...

На острове я никогда не был. В 80-е приезжал к своему другу и духовнику отцу Иосифу, который провел здесь — в Псково-Печерском монастыре, в Пушкинских Горах, в Кобыльем Городище, в Теребенях и на других псковских приходах — более десяти лет. Отец Николай Гурьянов был его духовным отцом...

Я даже и представить себе не мог, как долго мы будем петлять по камышовым протокам, прежде чем выйдем в открытые воды Псковского озера! Чуть позади — еще один такой же

старенький, ржавый катер. А кто-то из паломников вон уже едет навстречу. Ветерок на воде все ж чувствуется, и волна время от времени громко хлопает в днище нашего убогого четырехместного катерка. Ветровое стекло — из исцарапанного плексигласа. В нескольких местах мутный, полупрозрачный пластик сшит голубой проволокой крупными мужскими стежками. Спрашиваю у нашего перевозчика про эти шрамы. «Волной, блин, разбило», — скупо отвечает парень за штурвалом.

Впереди, все ближе, прямо из воды поднимается остров, по-прежнему называемый именем большевистского активиста Залита. Но это чужое имя как-то не раздражает. Как раньше название «Загорск», которое как будто рисовало сказочные горы, за которыми таится духовное сердце России. Хорошо, конечно, что Дому преподобного Сергия вернулось имя «Сергиев Посад». Но и «Загорск» не осквернял подлинное имя своим звучанием. Так и с названием острова Залит. Когда смотришь на огромное пространство, залитое суровыми северными водами, понимаешь, что пришлось оно этому месту впору...

И вот мы на острове. Поднимаемся в горку. Слева, у самого храма — памятник героям, павшим в боях за Родину. У белой, похожей на гипсовую, фигуры воина черной краской нелепо выкрашены сапоги, каска, ремень и автомат. Давно такого китча не встречал. Без слез не взглянешь. К 60-летию Победы, должно быть, постарались. Хотели как лучше...

И тут же, почти напротив него, посреди зеленой поляны рядом с храмом — кладбищенская оградка, гранитная черная плита и огромный

белый крест над ней. Рядом щит, на котором написано, что это вовсе не могила отца Николая, а его настоящая могила находится там, куда указывает деревянная стрелка.

Служба в храме только что закончилась. Идем на кладбище. «Мне старец как-то жаловался, — говорит отец Иосиф, — что хотел бы, чтоб похоронили его рядом с мамой, а его бросят прямо на дороге, и все будут по нему ходить». Отец Михаил даже вздрагивает: «И мне он говорил то же самое». В могилу старца и впрямь — буквально утыкаешься, едва войдя на кладбище. Расположена она отдельно от всех, довольно несуразно, прямо посреди широкой дорожки.

Мои отцы вместе с одним из местных батюшек начинают служить панихиду. Подтягивается народ. Струйки ладана, пройдя сквозь сердце, медленно поднимаются к небу и растворяются в лучах солнца, пробивающегося сквозь ветви посаженных отцом Николаем деревьев.

«А знаешь, — тихо обращается отец Михаил к отцу Иосифу, — у меня как-то не получается отца Николая поминать за упокой. Он для меня по-прежнему живой. Ничего не изменилось. Не чувствую его ухода».

Прямо напротив кладбища — домик отца Николая... Небольшая, но медленная очередь перед входом в дом...

Вот и комнатка старца. Вспоминаю, отец Михаил рассказывал, как он загорелся желанием построить церковь в Гдове. Поехали они с отцом Иосифом (тогда тот еще звался отцом Сергием) за благословением к отцу Николаю. Старец усадил гостей за стол, а они задумались, с чего начать разговор. Тут отец Николай и говорит: «Стройте

церковь в Гдове, стройте!». Они только руками развели: «Ну, батюшка, мы о таком лишь в патериках читали!»

«Мы и спросить не успели, а он уже все наперед увидел, — рассказывал отец Михаил. — Вынес икону Божией Матери Державной, благословил ею на строительство. А еще из-за печки достал пачку в желтой газетной обертке. Мы развернули — ахнули, тысяча рублей! Сумма по тем временам! Поначалу партийные власти и слышать не хотели ни о каком храме. И потом вдруг — чудо, поддались, разрешили строительство. Было ощущение, что гора сдвинулась с места. Но где достать кирпич, где взять еще денег? Обещал помочь один богатый священник, но обманул, жалко своих денег стало. "Я, — говорит, — копить их начал, когда тебя еще на свете не было". Так и сказал. Еду я как-то к отцу Николаю. Рассказываю о делах и показываю одну общую фотографию, где среди прочих — и тот священник. А отец Николай вдруг сам про него спросил: "А это кто такой?" Я только рукой махнул: "Да так, один денежный мешок". А он взял и весело так перекрестил его на фотографии: "Ну, мешок, давай, развязывайся!" Возвращаюсь, а тот деньги несет. И, правда, целый мешок их у него оказался, вот такой!»

Отец Михаил, рассказывая, обводит руками воздух, до сих пор удивляясь. В том чудесном храме мы и служили сегодня утром... И сколько еще подобных рассказов слышал я от побывавших в комнатке старца друзей и знакомых, которым отец Николай заглядывал тут в самое сердце. Вот тот столик, та самая печка, аналой, иконы,

кровать старца... Полутьма. Низкие потолки. Пещеры подвижников в Лавре Саввы Освященного попросторнее будут...

Отец Михаил выходит из домика тихий, самоуглубленный. Он похож на былинного богатыря, могучего, добродушного, работящего. Олицетворение настоящего русского батюшки. Наряду со строгостью и крепкой мужественностью в нем много трепетной кротости, какой-то тающей нежности. Уже почти взрослые его дети все еще льнут к нему, как младенцы... «Хорошо, что приехали, — говорит он чуть слышно. — Со старцем повидались. Как хорошо!»

Письма старца

Письма старца Николая к Вере Сергеевне [1]

†

12/I — 61 г.

Я и мама сердечно благодарим Вас за память, выразившуюся в Ваших любвеобильных праздничных приветствиях. Спаси Вас, Господи!

И мы в свою очередь Вас, Боголюбивая Вера Сергиевна, приветствуем с Новолетием и великим Праздником Богоявления. Желаем Вам успеха в работе и Божией милости во всех переживаниях. Помоги Вам, Господи!

Ваши вздохи считаю ненужной пустотой. Кто отстал от Вас — не жалейте и не забывайте то, что «**всяк человек ложь**» и я тож. Тем более, что Вы человек труда, а труд-то и есть для Вас самый честный друг. Кроме того, Вы живете в Боге, с Богом и для Бога, что, оставившим Вас, не по пути с Вами. В первую очередь любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: «Трудящийся да яст», то есть кто работает, тот и ест.

Вам желательно видеть меня и если Господь благословит мне быть у Вас, то я обязательно навещу Вас, только вся беда в том, что я в настоящее время никуда не могу выехать, т. к. из-за тепла к нам и от нас нет дороги.

В помощь и на утешение к сему письму прилагаю св. Образ Ц[арицы] Н[ебесной], Которая

---

[1] Фамилия и данные по адресату не установлены.

есть Ваш лучший друг. Мир и Божие благословение буди со всеми Вами —я и Мама.

5/VI — 1962

Достоуважаемая Вера Сергиевна! Сердечно благодарствуем Вашу Милость за столь любезное внимание к нашим недостоинствам. Спаси Вас, Господи!

Не огорчайтесь, Роднуша, за посещение неприятностей, это — спутники жизни в наших оздоровлениях. Что делать, иногда и выговорок необходим в предстоящих возможностях нашего душевного мира. На ошибках учимся.

Старый друг — лучше новых двух. Но гораздо законнее беседовать не с подружкой, а с подушкой. Тем более у Вас есть роднейший и самый ближайший друг — законный и Богом данный Супруг, — оба Вы неразделимая и неделимая единица. Горе и радость — все пополам. Придерживайтесь голоса друг к другу и тако исполняйте Закон Творца. Помоги Вам, Господи!

За кафизмой в равной мере помните Сергия и Евдокию. И вместе с ними поминайте Иерея Иакова. Распорядок дня ведите в плане Ваших начертаний. То есть, как изложен Вами в письме. Перегрузки ни к чему доброму не приведут, как только к усталому разочарованию и ненормальному отчаянию.

Отдых используйте по соображению Ваших предположений. Однако всеми возможностями старайтесь согласоваться с местом Вашей работы, т. е. любите и уважайте Ваш цех. Он для Вас и Вы для него чересчур полезны.

Наши здоровья сносны. Движемся по хозяйству. Зеленеем. Я очень люблю растительный

мир и много для него посвящаю времени. С глубоким почтением и благодарностью к Вам обоим — я с Мамой.

Вера Сергиевна! Благодарствуем Вас за память.

И для Вас не будет лишним вместе с добрым супругом, Александром Ивановичем, прокатиться на крайний юг. Только бы из-за этой бархотной поездки не потерять места, для Вас весьма ценного. Не потеряйте! Потеряете — не найдете.

Ваше желание при желании можете обуденочком исполнить. Подумаете — такая даль, да ведь Евфросиния Ивановна не за горами. Экая оказия, себя покажете и своих повидаете. Покрыли головушку клетчастым платочком и был таков. Ранним утром в субботу у Зубковой, и ранним утром в понедельник от нее. Побываете три раза в музее.

Моя мамушка всю жизнь любила самоварчик с крутым кипяточком, заваривала крепенький чаечек и пила с терпением. Так что Вы не удивляйтесь и не обижайтесь на t°, без этих градусов самовар мертв.

Наши здоровья вполне удовлетворимы и бездождие не вредит нашим плечам, на которых носим по несколько узношьев каждый день. Поливка! Ваши родные друзья. 6/VII — 1963.

9/IX — 1969 г.

Наши милые и родные! Благодарствуем Вас за путевую весточку и оба мы с Маменькой радуемся за Ваше благополучное путешествие. Хочется думать, что Ваша прогулочка не переутомила Вас и Вам до сих пор не придти в себя от наших «удобств», особенно досталось Верушке

Сергиевне. Простите, за все простите! И от нас приветствуйте Ваших и наших Друзей.

На здоровья пока не жалуемся, по силе возможности справляемся со своими обязанностями и одновременно благодушествуем за зеленых друзей, — чувствуют они себя прекрасно и выглядят по-весеннему. Перед наступлениями заморозков туечку пересажу ближе к домику.

А пока Вам обоим кланяемся до сырой землицы, не судите и за все простите наши неаккуратности. С любовию к Вам — Мама и я.

†

Боголюбезная Вера Сергиевна! Сердечно благодарим Вас за радушие и дорогой гостинец. И одновременно большое Вам спасибо за Ваше внимание быть полезной. Однако мы до сих пор ни в чем не нуждаемся и за все благодарим Милосердие Божие.

Очень радуемся за Ваш покой, а о лишних друзьях Вы меньше всего беспокойтесь, — уехала и слава Богу. Свет Божий не без добрых людей. И Вы, в свою очередь, будьте со всеми в любви и светлой радости. Каждый день провожайте в добром союзе и мире со всяким человеком, помня, что человек человеку друг, брат. С плачущим плачьте, с рудующимися радуйтесь, — «Друг друга тяготы несите и тако исполните Закон Христов».

За папеньку Вашего доволен — молитесь. И мы будем там.

От нас приветствуйте Вашего Супруга, **друзей воздержитесь — разговор серебро, молчание золото.** Если желательно, то Ваш визит приурочьте к первому мая.

Мы сейчас живем в окружении снега и льдов. Дрова есть, свет хорош. И здоровья сносны. Помним всех Вас. Ваши друзья.

14/XII — 1972 г.

Досточтимые мои родные Друзья! Приношу Вам глубокую благодарность за весточку, из которой чувствую недомогание Александра Ивановича и тут же не теряю надежды, что эта болезнь скоро пройдет, т. к. после плохого всегда приходит достойное — хорошее по-хорошему. Не скорбите и не обижайтесь на зимнюю погодку, что похожа на среднеосеннюю.

За неимением Вашего адреса, я как-то через Е. В. писал Вам, думаю, что получили, дошло.

Спасибо, я пока чувствую себя хорошо. Зимушку встречать буду в полной подготовленности. Кампанулка еще зеленеет, не цветет. Напишите, где и как Вы держите ее на покое. От Вас поклончик передал Мамочке и она, в свою очередь, кланяется Вам. А вместе с Мамой кланяюсь и я обоим Вам.

Сбоку приписка: У нас тепло и много цветов в саду. Однако птиц подкармл[иваем].

Сейчас сидим дома, т. к. пароход давно не ходит, а другой транспорт многим не под силу.

Предполагал быть в Ваших краях после седьмого ноября, да к моему несчастию как раз в самый день праздника потерпел крохотный удар в физиономию, через что вынужден был отложить поездку до будущего года, который уже не за горами.

Вера Сергиевна, мой совет Вашим желаниям — крепенько сидеть на Садовой. Сидите, а если

будете вынуждены по каким-либо причинам оставить свою милую квартирку, то обязательно тут же, поблизости, переходите из старых в старенький домик. Окраина не прибавит для Вас кислорода.

Примите мой сердечный привет и низенько поклонитесь Вашим Друзьям.

Частенько вспоминаю Всех Вас и радуюсь Вашим благополучиям. Ваш брат.

Сбоку приписка: Ни в чем не нуждаюсь. Есть и корм для птиц. Липуня здоров. Пишите.

†

4/I — 1974 г.

Боголюбезнейшая Вера Сергиевна!

Приветствуем Вас с Великим праздником Рождества Христова и Новолетия! И одновременно благодарю за бандерольку, которой содержимое с большой благодарностью добрый человек взял за себя. Стоимость возвращу при оказии.

Не скорбите, Родная, за здоровье Супруга. Даст Господь отступит и от Александра Ивановича немощь. А пока нужно смириться с положением. Есть люди еще с большими несчастьями. Спаси и помоги Вам, Господи!

Вашими св. молитвами я пока держусь и креплюсь на послушании. Иначе нельзя, т. к. моего дела никто не будет вершить. Правда руки недомогают, но пока терпимо. Буду как-нибудь держаться до больших дней. По теплу наступлю на свою болячку с гневом и трепетом. И с помощью Неба к лету постараюсь быть «здоровым». Все упование мое возлагаю на Милость Божию.

Было нас совсем засыпало снежком, а теперь на этих днях теплом целая половина снегу убавилась. До сих пор у нас непролазная бездорожица. Добрые людчики до материка добираются пеше. Помоги им, Господи!

Милость Божия, что по лету запас корм для крылатых друзей. Теперь радостно моему недостоинству за моих посетителей, что они отлетают от меня сытыми. Иначе — были бы огромные слезы и неутешная печаль для меня и птиц. Особо радуют меня синицы. Боже, сколько в мире красивого. Природа, Природа, ты для нас дорога в Невечерний день. Ваш брат.

†

20/VII — 1974 г.

Мои милые родные Верушка Сергиевна с семейными, здравствуйте! И я и Вы это время не пишемся, за что великая слава Господу. Разговор серебро, а молчание золото. Оно действительно так и есть, что все как будто стоит на месте. Однако на самом деле не так — все течет и изменяется.

Вот и я сегодня не тот, каков был вчера. Это время малость недомогаю, хотя с делами укладываюсь в норме. Особенно не отстаю от жизни в кругу зеленых друзей. Ведь в этом году, как никогда, их обильно орошает дождик, через что мои зеленые красавцы выглядят прекрасно и выросли. Помогаю больным пташкам. Все, все меня радует и за все благодарю Господа. Прошу Ваших св. молитв, земно кланяюсь Вам с Супругом и остаюсь с надеждой на спасение. Ваш брат о. Н. с Липушей.

†

Боголюбезнейшая Вера Сергиевна! Поздравляем Вас с днем Вашего Ангела, а Супруга, достолюбезного Александра Ивановича — с родной и дорогой Именинницей. По молитвам Вашей Небесной Покровительницы да хранит Всех Вас Господь в добром здравии долгия годы на радость Веры христианина.

Добрейшая Верушка Сергиевна, просим Вас не обижаться на молчания наших возможностей. Как видно, так Богу надо. Молитвенно мы всегда с Вами. Помолитесь и Вы о наших недостоинствах.

С любовию о Господе и наилучшими благопожеланиями к Вашим Боголюбиям, Анастасия, Тамара, Наталья В. и б. Николай с Липуней.

Сентябрь, 1977 г.

†

Боголюбезнейшая сестрица Верушка Сергиевна, молитвенно поздравляем Вас с днем Ангела, а супруга Александра Ивановича, друзей и Ваших почитателей — с родной и достопочтенной Именинницей. По молитвам Вашей Небесной Покровительнице, да хранит всех Вас Господь во благо святого Православия в доброздравии от всех бед и печалей на долгая, многая лета!

С любовию о Господе к Вашим Боголюбиям — пр. Николай, Наталья Васильевна и Анастасия с Раисой.

Четверг, 30/IX — 1982 г.

27/VIII-1969г.

Достонепослушливая Мария Никитична!

Мы оба с Маменькой приносим Вам холодную благодарность за аккуратную теплую кухонную плиточку. И одновременно ставим Вам на вид, что эта печечка не только будет нам варить и жарить пищу, но и огревать нашу скромную старость в вьюжную зимнюю пору. Вьюги-то у нас бывают через-чур сильными, т.ч. не только молниеносно при топке выносится дым из труб, но и целые горящие угли из печей. Вот тогда-то Ваша щедрость сослужит большую службу нашему расположению к Вашему дару, а пока мы взъерошаны.

Очень лестно за Ваши отзывы за наше гостеприимство и неудобства в Вашу бытность под кровлей нашего маленького домика. Простите за всё! С глубоким почтением и земным поклоном ко Вам Вам-

Мамушка и я.

+

июль 1974г.

Добрейшая Мария Никитична!

В день св. Равноапостольной Ольги особенно помолились за нашу драгоценную р.Б. Ольгу Стефановну. Помяни её, Господи! И одновременно памятовали и о Вашем Боголюбии. Не обижайтесь, роднуша, что не пишу, устал. Но молитвенно всегда со всеми Вами. Очень устаю, через то частенько прикладываюсь к кроватке и приёмов избегаю. Настало время самому до себя, даже писать разучился. Вашими св. молитвами вот так и живу. И усерднейше взываю к Заступнице: „Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою. Подаждь и нам недостойным росу Благодати Твоея и яви Милосердие Твое!" Да хранит Вас Бог.

С любовью и благодарностью к Вам

Ваш брат М.

Письма старца Николая к Марии Никитичне [1]

†

27/VIII-1969 г.

Достонепослушливая Мария Никитична!

Мы оба с Маменькой приносим Вам холодную благодарность за аккуратную теплую кухонную плиточку. И одновременно ставим Вам на вид, что эта печечка не только будет нам варить и жарить пищу, но и огревать нашу скромную старость в вьюжную зимнюю пору. Вьюги-то у нас бывают чересчур сильными, то есть не только молниеносно при топке выносится дым из труб, но и целые горящие угли из печей. Вот тогда-то Ваша щедрость сослужит большую службу нашему расположению к Вашему дару, а пока мы взъерошены.

Очень лестно за Ваши отзывы за наше гостеприимство и неудобства в Вашу бытность под кровлей нашего маленького домика. Простите за все! С глубоким почтением и земным поклоном ко Всем Вам — Мамушка и я.

†

3/1-1976 г.

Достопочтенная Мария Никитична.

Поздравляю Вас с светлым праздником Рождества Христова и Новолетием! Да ниспошлет Вам Богомладенец Христос здоровие телесное, душевный покой и духовную радость по силе возможности помогать Крест нести Елисавете Васильевне. Помоги ей, Господи, отянуться и еще нас порадовать желанным гостеприимством.

---

[1] Фамилия и данные по адресату не установлены.

Мне весьма желательно побывать в Ваших краях и лицом к лицу побеседовать с Вами. Рассказать свою жизнь в путах и оковах человеческих недопониманий. И вместе — троечкой из глаз пустить слезу горькой горечи. Однако эта горечь вполне по времени и нашим недостоинствам, «претерпевый до конца спасен будет». Все это меня радует и за все благодарю Милосердие Неба. Прошу Ваших св. молитв, которыми я только и существую. И всегда говорю: «Слава Богу за все». Это слова св. Иоанна Златоустого.

Здоровьем не хвастаюсь и не обижаюсь. Старость богата дарами для человека неудобоваримыми. Однако возраст, и я мирюсь.

Как и всегда, питаю крылатых друзей. С первой половины ноября птичья столовая аккуратно работает. Большие обслуживаются с полдесятого утра, малые же воробушки с трех часов дня. Всех посетителей ежедневно бывает больше трехсот. Корму большой запас, хватит до тепла. Все это меня радует и за все благодарю Бога.

Милая сестрица, только, пожалуйста, ничего ни бандерольного, ни посылочного не шлите. Все это для меня **огненный бич**. *Критика*. А главное, я ни в чем не нуждаюсь.

Мой земной поклон Вам и Е. В. Молитесь, ее Господь исцелит. Ваш брат о. Николай.

†

30/VIII-1976 г.

Милая сестрица Мария Никитична!

Очень был рад Вашей весточке, так как у меня адресок-то Ваш затерян.

Да, роднуша, все наши благодатные друзья от нас уходят, а скорее ушли. Однако не будем

сетовать, так как и мы там скоро будем. Через край жалко р. Б. Елисаветушку, и в наших жалостях будем продолжать нашу молитву о милых друзьях нашего сердца. Помяни их, Господи! Я с ранней весны и до сих пор связан с ремонтами. И благодарить Господа, дела идут хорошо.

На здоровье не жалуюсь, так как годы дают о себе знать. Поклонитесь на могилочке р. Б. Ел. и помолитесь за мое недостоинство. Ваш брат о. Н[иколай].

†

Июль 1977 г.

Добрейшая Мария Никитична!

В день св. Равноапостольной Ольги особенно помолитесь за нашу драгоценную р. Б. Ольгу Стефановну. Помяни ее, Господи! И одновременно памятовали и о Вашем Боголюбии. Не обижайтесь, роднуша, что не пишу, устал. Но молитвенно всегда со всеми Вами. Очень устаю, через что частенько прикладываюсь к кроватке и приемов избегаю. Настало время самому до себя, даже писать разучился. Вашими св. молитвами вот так и живу. И усерднейше взываю к Заступнице: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою. Подаждь и нам недостойным росу Благодати Твоея и яви Милосердие Твое!» Да хранит Вас Бог.

С любовию и благодарностию к Вам Ваш брат о. Н[иколай].

†

Боголюбезнейшая сестрица Мария Никитична!

Поздравляю Вас с Великим Праздником Рождества Христова, Новолетия. И одновременно молитвенно приветствую Вас дивным гимном

святых Ангелов в тихую Ночь Рождения Христова: «Слава в Вышних Богу, и на земли мир».

Милая сестрица, принесем в жертву Спасителю нашему все свои лучшие чувства: волю, любящее сердце, крепкую Веру. И будет пребывать Господь в сердцах наших ныне и во веки.

Мир Вам и Божие Благословение.

Ваш брат и почитатель см[иренный] Николай.

Содержание

Старец протоиерей Николай Гурьянов:
Жизнеописание. Воспоминания. Письма

Составитель: Л. А. Ильюнина
Редактор: И. М. Ольшанская
Корректоры: И. М. Ольшанская, Р. Б. Рудницкий
Технический редактор: Р. Б. Рудницкий

Фотографии Л. С. Ивановой и других паломников

Подписано в печать 09.12.2010. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Зак. № 3592.
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2

